

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2021

№ 3

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, Университет Северной Британской Колумбии, Канада

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания,
Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Хлыновская-Рокхилл*, Кембриджский университет, Великобритания, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Northern British Columbia, Canada

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Khlinovskaya Rockhill*, University of Cambridge, UK, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕН ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ (отв. ред. специальной темы номера – О.В. Зайцева)

Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние	6
Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty	24
Панкова С.В., Широбоков И.Г. Погребальная кукла с кремацией из Оглахтинской могилы 4 (раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.)	60
Зайцева О.В., Водясов Е.В., Ширин Ю.В., Слюсаренко И.Ю. Многоактность ритуальных действий и эксгумация в таштыкских погребальных комплексах (по материалам раскопок Оглахтинского могильника в 2020 г.)	97

MISCELLANEA

Веселовская Е.В., Рассказова А.В., Конев А.Ю., Конева О.В. Восстановление облика тюменского градоначальника с целью идентификации личности	108
Спицына Н.Х., Балинова Н.В. Динамика формирования физического развития и репродуктивной структуры калмыков	129
Атанова С.А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг.	140
Басов А.С., Ковальский С.О. Опыт применения международного подхода к оценке социального воздействия в рамках этнологической экспертизы на Западном Таймыре	171

РЕЦЕНЗИИ

Трушина Н.А. Смерть автора и наследие Фредрика Барта	199
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	203
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	205

CONTENTS

THE OGLAKHTY BURIAL GROUND PHENOMENON: NEW DISCOVERIES AND OLD PROBLEMS

(Guest Editor Olga V. Zaitceva)

Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V. The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and current state	6
Pankova S.V., Makarov N.P., Simpson St J., Cartwright C.R. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty	24
Pankova S.V., Shirobokov I.G. Burial mannequin with cremains from the Grave 4 of the Oglakhty burial ground (excavations by L.R. Kyzlasov, 1969)	60
Zaitceva O.V., Vodyasov E.V., Shirin Yu.V., Slusarenko I.Yu. Multi-activity of ritual actions and exhumation in Tashtyk burial complexes (based on excavations of the Oglakhty burial ground in 2020)	97

MISCELLANEA

Veselovskaya E.V., Rasskazova A.V., Konev A.Yu., Koneva O.V. Craniofacial reconstruction of the Tyumen mayor for the purpose of personal identification	108
Spitsyna N.K., Balinova N.V. Dynamics of the formation of physical development and reproductive structure of Kalmyks	129
Atanova S.A. “Fight for the Liberation of the Women of the East!” Soviet carpets and posters for the emancipation of Central Asian women in 1920-1930	140
Basov A.S., Kovalskii S.O. Applying an international approach for Social Impact Assessment to an ethnological expert review of Western Taymyr Peninsula	171

REVIEWS

Trushina N.A. Death of the Author and the legacy of Fredrik Barth	199
--	-----

ABOUT THE AUTHORS	203
--------------------------------	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	205
--------------------------------------	-----

ФЕНОМЕН ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

(отв. ред. специальной темы номера – О.В. Зайцева)

УДК 902/904+ 902.21+ 902.26

DOI: 10.17223/2312461X/33/1

ОГЛАХТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ, ПЛАНИГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ*

Евгений Вячеславович Водясов
Светлана Владимировна Панкова
Ольга Викторовна Зайцева
Михаил Викторович Вавулин

Аннотация. Описаны история исследования и анализ планиграфии Оглахтинского могильника, известного научному сообществу прежде всего феноменальной сохранностью органических предметов. По данным аэрофотосъемки, верифицированной обследованиями с земли, некрополь включает более 300 выраженных в рельефе объектов, что позволяет отнести его к числу крупнейших могильников таштыкской культуры. В ходе исследования разрешены историографические противоречия относительно расположения участков кладбища с могилами наилучшей сохранности. Сделаны неутешительные предположения о негативном воздействии Красноярского водохранилища, которое могло повлиять на создавшийся в некоторых могилах уникальный микроклимат, способствовавший сохранности сопроводительных предметов и самих останков погребенных.

Ключевые слова: Оглахтинский могильник, таштыкская культура, Минусинская котловина, эпоха раннего железа

Введение

Оглахтинский грунтовый могильник, расположенный в Боградском районе Республики Хакасия, является одним из первых научно исследованных памятников раннего этапа таштыкской культуры. Работавший здесь в 1903 г. А.В. Адрианов сумел распознать плохо заметные могильные западины без наземных конструкций, ранее не известные в минусинской археологии. Благодаря необычным находкам человеческих «чучел» и мумий в гипсовых масках, а также прекрасно сохранившимся изделиям из дерева и шелка, памятник сразу стал знаменитым. Однако, несмотря на всю свою известность, на пути изучения и публикации материалов памятника возникали неоднократные препятствия.

* Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Во-первых, противоречивые данные А.В. Адрианова о месте нахождения могил с уникальной сохранностью долгое время не позволяли ученым точно идентифицировать на местности эти участки и приводили к путанице в публикациях. Ситуация усугублялась тем, что А.В. Адрианов сделал только предварительный отчет по итогам раскопок, а окончательный отчет и дневниковые записи, несмотря на многолетние архивные изыскания, обнаружить не удалось. Судя по всему, полный отчет так и не был написан.

Во-вторых, после исследований А.В. Адрианова могильник был забыт и открыт, по сути, заново только в конце 1960-х, когда Л.Р. Кызласов возобновил здесь раскопки, также давшие совершенно уникальные материалы. Сдав полевые отчеты и опубликовав несколько небольших популярных статей, Л.Р. Кызласов отложил полную публикацию полученных материалов до завершения реставрации, что снова привело к многолетнему забвению памятника. В очередной раз «потерянный» Оглахтинский могильник был научно задокументирован в ходе совместных исследований Государственного Эрмитажа и Томского государственного университета (ТГУ) в 2019 г., после чего памятник наконец-то получил официальный статус и стал охраняться государством.

Наконец, еще одна сложность в истории исследования Оглахтинского могильника связана с тем, что добытые на протяжении XX в. археологические материалы оказались разделенными между разными музеями, и они до сих пор не опубликованы за исключением отдельных предметов.

Данная статья посвящена распутыванию историографических противоречий, касающихся расположения участков памятника, и анализу планиграфии могильника. Без идентификации исследованных ранее могил на местности невозможно продвинуться в понимании причин того, почему в отдельных захоронениях великолепно сохранялись все органические материалы, а в других, находящихся по соседству, наблюдалась «обычная» сохранность.

Главные задачи, которые мы поставили перед собой в изучении планиграфии Оглахтинского могильника, сводятся к следующим:

- 1) восстановить историю исследования могильника и его отдельных участков;
- 2) создать единый топоплан всех участков могильника на основе данных аэрофотосъемки;
- 3) идентифицировать на местности раскопки А.В. Адрианова, Л.Р. Кызласова и Э.Б. Вадецкой и локализовать участки, определенные А.В. Адриановым как «Оглахты I» и «Оглахты II»;
- 4) описать современное состояние Оглахтинского могильника, выявить факторы, угрожающие его сохранности.

История исследования Оглахтинского могильника

Оглахтинский грунтовый могильник был случайно открыт поздней осенью 1902 г., когда местный житель Егор Кокашкин провалился в могилу, не заметную на поверхности земли: «...инородец из улуса Саргова, проезжая верхом по склону одного лога, неожиданно провалился в какую-то яму; потолок из толстых лиственничных бревен, закрывавших камеру-могилу, выдерживавший тяжесть слоя земли, не выдержал тяжести всадника на коне и обрушился. Выбравшись из глубокой – около сажени – ямы и оправившись от испуга, инородец произвел первое расследование, но испугался еще более и умчался в улус без оглядки: “как живых”, он увидел двух мертвецов, из которых один скалил зубы, а лицо другого было сплошь закрыто красивой, расписанной яркой краской, гипсовой маской. Второе расследование этой могилы, более детальное, но уже под влиянием хищнического инстинкта, было произведено, на основании рассказа инородца, его тещей, оказавшейся русской казачкой. Насколько позволял ей суеверный страх, она ограбила эту могилу – взяла оттуда кожаный мешок/мешочек, что-то содержащий, содрала маску с лица покойника (маска эта скоро была разбита, а большая часть составлявших ее кусков растеряна) и уничтожила много подробностей чрезвычайно интересного погребального ритуала» (Адрианов 1903а). Посетивший место происшествия чиновник управления акцизными сборами и местный краевед А.В. Адрианов, работавший в те годы в Красноярске, доследовал эту могилу и разыскал часть находок, а в 1903 г. раскопал еще 32 отмеченные им впадины на трех участках могильника, из которых, по его словам, 16 оказались могилами в деревянных срубках, а другие не дали ни находок, ни самих могильных сооружений (Адрианов 1903b, 1903с).

Информация о раскопках была кратко и популярно опубликована А.В. Адриановым в Иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» (1903а, 1903b), а затем тезисно изложена в Отчете Императорской археологической комиссии за 1903 г. (Адрианов 1906).

Основная информация о местоположении памятника, его открытии, проведенных раскопках и находках содержится в письмах А.В. Адрианова к Императорской археологической комиссии и в «Предварительном отчете о раскопках» (Адрианов 1903с).

Наиболее яркие материалы из раскопок Адрианова были выборочно опубликованы Г.П. Сосновским (1933) и А.-М. Тальгреном (Tallgren 1937), при этом информации о расположении раскопанных могил и характере кладбища данные публикации не содержат. В архивах А.В. Адрианова обнаружено несколько небольших рукописей, имеющих отношение к памятнику. В одной из них указано местоположение могильника, дано его краткое описание и приведено число раскопанных могил

(Адрианов 1903с). Документов, дающих представление о взаиморасположении раскопанных погребений, найти пока не удалось.

В 1929 г. в первой периодизации культур Минусинского края (Теплоухов 1929) памятник был отнесен к «переходному тагаро-таштыкскому этапу», что соответствует раннему этапу таштыкской культуры (I–IV вв. н.э.) по современной терминологии.

Местоположение могильника было забыто, и только в 1968 г. он был заново обнаружен Хакасской археологической экспедицией МГУ (Кызласов 1969), а в 1969 г. здесь побывали сотрудники Красноярской экспедиции ЛО ИА РАН (М.П. Грязнов, Э.Б. Вадецкая).

Э.Б. Вадецкая в 1969 г. раскопала одну могилу на центральном участке могильника (Вадецкая 1975: рис. 3). Тогда же здесь начались раскопки Л.Р. Кызласова, который за сезоны 1969–1971 и 1973 г. исследовал девять таштыкских могил, включая, возможно, один склеп, и жертвенный ящик (Кызласов 1969, 1970, 1971, 1974). Информация о раскопанном Э.Б. Вадецкой погребении под наименованием «могила 0» включена в полевой отчет Л.Р. Кызласова за 1969 г.

Находки из раскопок А.В. Адрианова хранятся в Красноярском краевом краеведческом музее (КККМ), Государственном историческом музее (ГИМ) и музее антропологии МГУ. Находки из раскопок Л.Р. Кызласова переданы в Государственный Эрмитаж (могила № 4) и музей при кафедре археологии исторического факультета МГУ (остальные погребения).

Ярчайший материал постоянно привлекал внимание исследователей, но публиковался только выборочно (Сосновский 1933; Tallgren 1937; Кызласов 1960; Рибу, Лубо-Лесниченко 1973; Вадецкая 1999; Кызласов, Панкова 2004). В последние годы в Эрмитаже ведется целенаправленная работа по изучению оглахтинской коллекции и введению ее в научный оборот (Панкова и др. 2010; Панкова 2018; Панкова, Миколайчук 2020).

Проведенный в 2019 г. С.В. Панковой опрос археологов из разных городов России, работающих на территории Хакасии, показал, что после раскопок Л.Р. Кызласова в 1973 г. на памятнике никто не бывал, и его нужно было искать заново. Археологи из Хакасии осуществляли многократные попытки найти могильник, но безуспешно. В частности, в 2005 г. А.И. Готлиб пригласил Э.Б. Вадецкую показать ему памятник, но и тогда его не удалось обнаружить. В 2018 г. Е.А. Миклашевич, работающая по подготовке документации к досье для включения горного массива Оглахты в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, нашла могильник по информации и фотографиям из отчетов Л.Р. Кызласова и А.В. Адрианова.

В 2019 г. С.В. Панковой проведены работы, в результате которых Оглахтинский грунтовый могильник впервые был задокументирован и поставлен на государственную охрану как выявленный объект археоло-

гического наследия. Тогда же сотрудниками лаборатории «Артефакт» ТГУ проведена аэрофотосъемка, позволившая провести анализ планиграфии и создать трехмерную модель поверхности могильника и прилегающей территории на основе технологии фотограмметрии.

Аэрофотосъемка территории Оглахинского грунтового могильника

Огромная площадь могильника, приуроченность его участков к различным формам рельефа (дно лога и склоны гор), большое количество визуально фиксируемых «могильных» западин разной степени выраженности существенно затрудняли процесс создания топоплана. После попытки снять топоплан традиционным способом «с земли», появилась идея попробовать съемку с воздуха с помощью беспилотника. Время для проведения съемки – начало мая – было выбрано не случайно. Зафиксировать слабовыраженные западины и с земли, и с воздуха возможно только до начала травостоя. Высота густого травяного покрова в июле–августе достигает местами более полуметра и делает любые попытки съемки в это время года совершенно неэффективными.

По видимым в рельефе признакам могильник занимает площадь около 20 Га. Объекты представлены западинами диаметром от 2 до 5 м и глубиной 10–40 см. Чтобы зафиксировать и определить объекты такого размера, съемка должна вестись с разрешением не менее 20 см на пиксель.

Съемка велась с помощью беспилотного воздушного судна (БВС) самолетного типа Геоскан 201 (ГК «Геоскан» 2021) с установленной цифровой камерой Sony RX1 (Sony 2021). Фотографирование проводилось с высоты превышения от 300 до 430 м, что было обусловлено горным рельефом местности. Такое расстояние съемки с техническими характеристиками указанной камеры (матрица 35,8 × 23,9 мм, 24 Мп (6 000 × 4 000 пикселей), 35-миллиметровый объектив) позволяет получить итоговое разрешение снимков в пределах 5,1–7,3 см (He, Li, Zhang 2012).

Для последующей фотограмметрической обработки съемка проводилась с перекрытием между снимками в 70% по линии полета и 55% между галсами. Географическая привязка осуществлялась с помощью пяти наземных точек, координаты которых были получены методом статических измерений с поправками от базовой станции ГНСС приемниками Topcon Hiper+ (L1/L2; GNSS/ГЛОНАСС). Координаты базовой станции получены методом Precise Point Positioning (Войтенко 2011) с поправками данных от станций постоянного наблюдения сети International GNSS Service (IGS).

Фотограмметрическая обработка изображений проводилась в программе Agisoft Metashape по разработанной нами ранее методике

(Vavulin et al. 2021). Процедура выравнивания снимков осуществлялась на максимальной точности с использованием функции преселекции изображений по данным географической привязки с бортового навигационного ГНСС приемника. Дальнейшая обработка выполнялась автоматически в режиме пакетной обработки для всех блоков. Построение плотного облака – максимальное качество, агрессивная фильтрация карт глубины; построение цифровой модели местности (ЦММ); построение ортофотоплана; экспорт ЦММ и ортофотопланов в формате *.tiff.

Анализ итоговых растровых данных проводился в программном обеспечении QGIS, поиск могильных западин – путем визуального осмотра растровых слоев. При анализе использовались слои ортофотоплана, ЦММ, теневой отмывки рельефа на основе ЦММ (рис. 1).

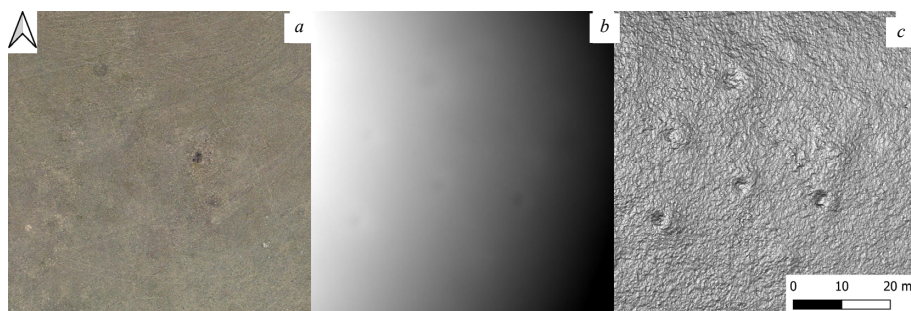

Рис. 1. Первичные слои для анализа рельефа могильника:
a – ортофотоплан; *b* – цифровая модель местности (ЦММ);
c – теневая отмывка рельефа

Дополнительно были построены и проанализированы производные растровые данные: карта уклонов, карты кривизны плана и профиля (рис. 2).

Для проверки и анализа обнаруженного понижения рельефа на планах использовался модуль Profile Tool, помогающий выявлять могильные впадины и другие объекты (рис. 3).

Дополнительные карты были построены с помощью инструментов модуля System for Automated Geoscientific Analyses (SAGA) (Conrad et al. 2015) для QGIS.

План, составленный с помощью аэрофотосъемки, является основным инструментом анализа планиграфии могильника. На нем показаны все идентифицированные объекты – могильные западины и котлованы раскопов; к нему же в дальнейшем будут привязываться и данные геофизических исследований.

Верификация спорных объектов и корректировка плана 2019 г. проводилась в 2020 г., в том числе путем обработки фотограмметрических данных и их проверки на местности.

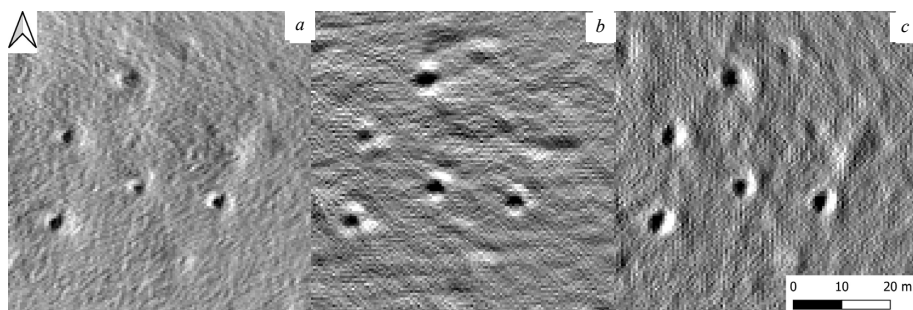

Рис. 2. Производные слои для анализа рельефа могильника: *a* – карта уклонов; *b* – карта кривизны плана; *c* – карта кривизны профиля

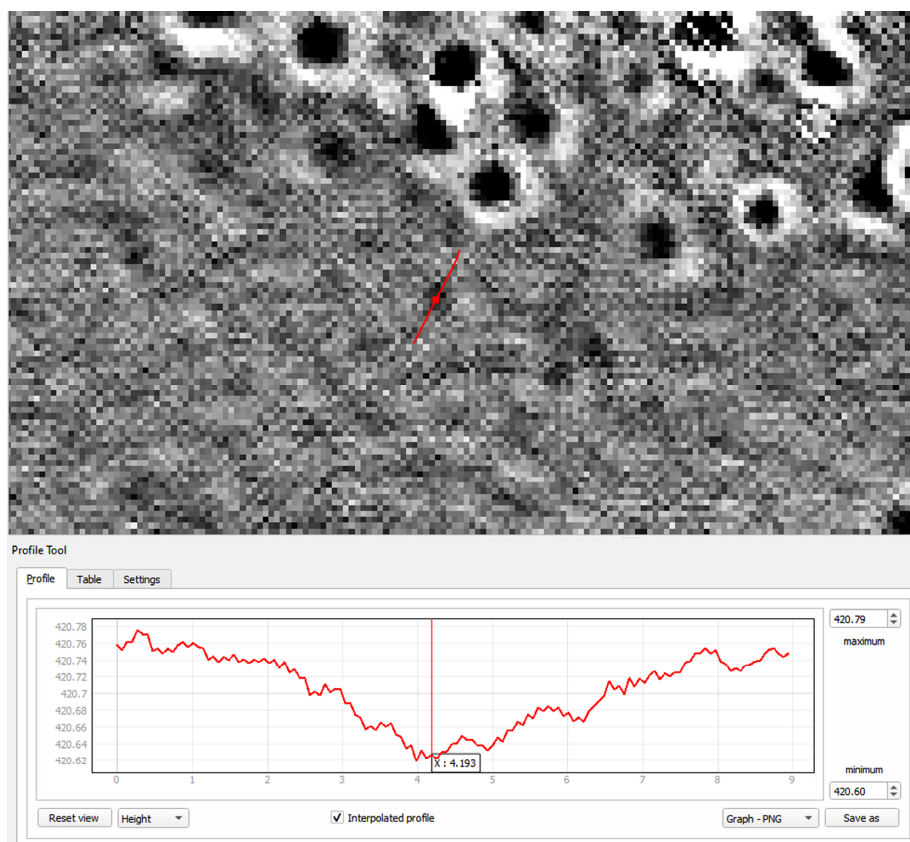

Рис. 3. Использование модуля Profile Tool для проверки обнаруженного понижения рельефа

Планиграфия Оглахтинского грунтового могильника

Оглахтинский грунтовой могильник расположен на СВ горного массива Оглахты, в Сарговом логу, протянувшемся с ССЗ на ЮЮВ па-

параллельно излучине Енисея. Северная оконечность лога находится в 4,8 км к ВЮВ от с. Советская Хакасия. Противоположный ЮЮВ конец лога расположен у бывшего улуса Апкашев, в Бузуновом логу. Саргов лог имеет протяженность около 6 км и частично относится к территории заповедника «Хакасский». Памятник расположен в 1,5 км к западу от берега Енисея (Красноярского водохранилища), однако отделен от него двумя горными грядами, и достичь воды можно только в обход, выйдя из лога с его южной или северной стороны. Могильник протянулся поперек лога с запада на восток на 900 м, с севера на юг на 200 м.

Визуально выделяются четыре участка могильника (рис. 4): **Западный**, **Центральный** (подразделяется на две части – «Дюны» и «Восточная грива») и **Восточный**.

Рис. 4. Ортофотоплан территории Оглахтинского могильника: 1 – Западный участок; 2 – Центральный участок («Дюны»); 3 – Центральный участок («Восточная грива»); 4 – Восточный участок

Западный и **Восточный** участки расположены на двух противоположных склонах лога, **Центральный** находится на дне лога, где захоронения расположены на многочисленных небольших гривах.

Западный участок (рис. 5) расположен на западной стороне Саргова лога. По результатам архивных работ с археологическими отчетами наших предшественников, аэрофотосъемки и наземного осмотра здесь выявлено 85 объектов (табл. 1): 65 могильных западин и 20 котлованов старых раскопов: А.В. Адрианова (12 раскопов) и Л.Р. Кызласова (8). Идентификация раскопов Кызласова и Адрианова проведена здесь благодаря глазомерному плану участка, составленному Кызласовым в 1969 г. План включал как находившиеся здесь старые раскопы, так и раскопы самого Кызласова 1969 г. (Кызласов 1970: рис. 80).

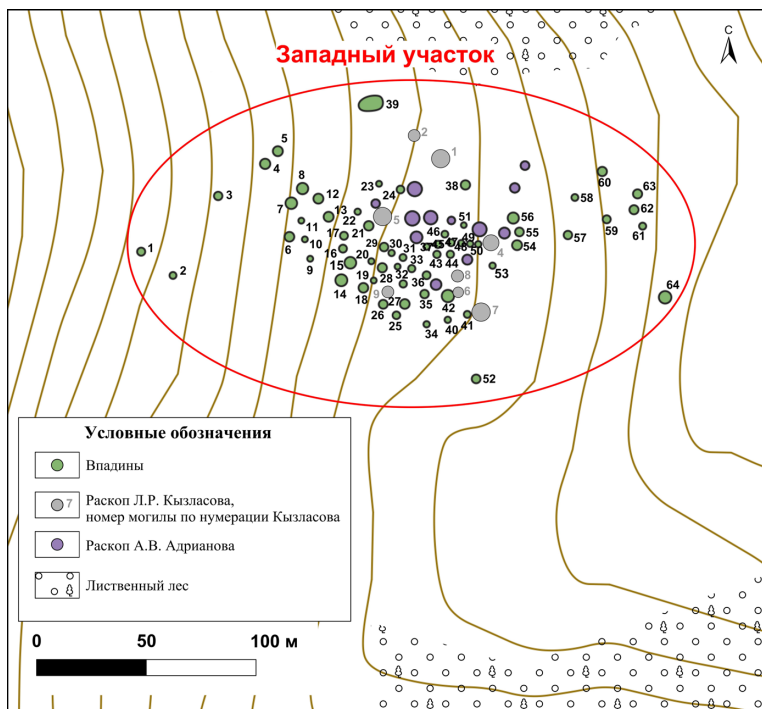

Рис. 5. Топографический план Западного участка Оглахтинского могильника

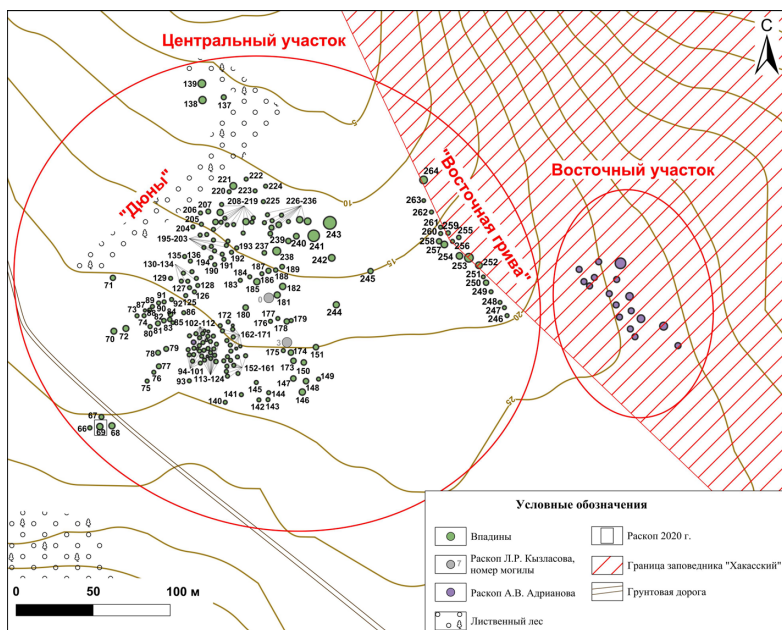

Рис. 6. Топографический план Центрального и Восточного участков Оглахтинского могильника

Описание объектов Оглахтинского могильника

Участок	Кол-во выявленных объектов	Кол-во археологических западин	Кол-во раскопов	Фамилии исследователей, годы раскопок и кол-во раскопанных могил
Западный	85	65	20	А.В. Адрианов (1903) – 12 ед.; Л.Р. Кызласов (1969–1971, 1973) – 8 ед.
Центральный («Дюны»)	183	178	5	А.В. Адрианов (1903) – 4 ед.; Э.Б. Вадецкая (1969) – 1 ед.; Л.Р. Кызласов (1969) – 1 ед.
Центральный («Восточная грива»)	19	19	0	–
Восточный	17	0	17	А.В. Адрианов (1903) – 17 ед.
ИТОГО	304	264	40	

Центральный участок, который подразделяется на две части («Дюны» и «Восточная грива»), является самым крупным по количеству могил (рис. 6). Скорее всего, возвышенности Центрального участка имеют естественное происхождение – это складки солифлюкционной террасы, к которым и тяготели древние захоронения.

На «Дюнах» выявлено 180 могильных впадин и локализованы раскопы А.В. Адрианова 1903 г., а также Э.Б. Вадецкой и Л.Р. Кызласова 1969 г. (см. табл. 1).

В 60–80 м к востоку от могил на «Дюнах» Центрального участка расположена удлиненная возвышенность-грива (участок «Восточная грива»). Она представляет собой явно выделяющийся элемент рельефа и отделена от «Дюн» значительным понижением поверхности, на котором впадины захоронений не читаются и, скорее всего, отсутствуют (рис. 6). Грива протянулась на 180–200 м, понижаясь к югу, где она сливается с низиной дна лога. По гриве тянется цепочка из 19 могильных впадин, никем ранее не исследованных.

Восточный участок расположен на склоне горы Оглахты, отделяющей Саргов лог от Енисея (рис. 6). На участке визуально фиксируются 17 котлованов, оставшихся после раскопок А.В. Адрианова в 1903 г. Именно на этом участке Адрианов нашел могилы лучшей сохранности, и, вероятно, здесь годом ранее и провалился пастух.

К сожалению, из-за отсутствия отчетной документации А.В. Адрианова и плана раскопанных им могил, сегодня не представляется возможным локализовать на местности каждую исследованную в 1903 г. могилу. Более того, сами раскопы А.В. Адрианова выявлены нами по принципу исключения, т.е. после локализации на местности раскопов других исследователей (Л.Р. Кызласова и Э.Б. Вадецкой).

Отдельную проблему представляет локализация участков Оглахты I и Оглахты II. По отчетным сообщениям Л.Р. Кызласова, участки Оглахты I и II Адрианова локализуются достаточно четко: Оглахты I на востоке лога (**Восточный** участок), Оглахты II на западе (**Западный** участок), соответственно, могилы с хорошей сохранностью располагались на первом участке. Эти сведения полностью подтверждаются нашими планами и данными аэрофотосъемки. На участке Оглахты I А.В. Адрианов заложил 17 раскопов, что совпадает с наличием 17 котлованов на **Восточном** участке. На противоположном участке Оглахты II А.В. Адрианов заложил 12 раскопов, что соотносится с наличием 12 котлованов на **Западном** участке. Также логично предположить, что знаменитая могила, куда провалился Егор Какашкин и с которой началась история исследования Оглахтинского могильника, располагалась на **Восточном** участке (Оглахты I): здесь А.В. Адрианов осмотрел обрушившееся погребение и начал свои раскопки, а затем в бинокль обнаружил другую группу могил (Оглахты II) на противоположном склоне Саргова лога.

В Предварительном отчете А.В. Адрианов указывал, что могилы превосходной сохранности «с полной в них обстановкою, точно погребение совершалось только недавно» (Л. 22) встречены на участке Оглахты I. Захоронения участка Оглахты II отличаются от первых «сильной разрушенностью... все до одного погребения – беспорядочные. Деревянных предметов... не было. Вообще группа II не дала интересного материала... Между восточным (I) и западным (II) склонами лога, так сказать на дне его, были густо рассеяны многочисленные ямы... я раскопал 4 из них на довольно большую глубину, но не нашел в них буквально ничего...» (24 об.). Здесь единственный раз в описаниях Адрианова обозначено взаимное расположение участков с упоминанием частей света, и эта информация совпадает как с указанным им числом раскопов на каждом из участков, так и с реальной ситуацией на памятнике (Адрианов 1903с).

В этой связи немного неожиданным стало то, что Л.Р. Кызласов, продолживший раскопки Оглахтинского могильника в 1969 г., выбрал для раскопок не **Восточный** участок, давший самые интересные материалы, а наоборот – **Западный**, который Адрианов посчитал перспективным.

Велика вероятность того, что Л.Р. Кызласов не был до конца уверен в местонахождении участков Оглахты I и Оглахты II. Так в 1992 г., противореча своему сообщению 1969 г., он указывал, что провалившаяся в 1902 г. могила находилась на том же склоне, что и раскопанная им могила 4, также давшая уникальные материалы (1992: 65). Хотя, опираясь на количество раскопов Адрианова, пункт Оглахты I с провалившейся могилой, и могила 4, раскопанная Л.Р. Кызласовым в 1969 г.,

расположена на **разных** склонах Саргова лога на расстоянии около 550 м друг от друга.

Вполне вероятно, что Л.Р. Кызласов, закладывая свои раскопки на **Западном** участке, полагал, что именно здесь и находятся могилы с наилучшей сохранностью, исследованные в 1903 г.

Дело в том, что и Э.Б. Вадецкая, поначалу описавшая участки Оглахты I и II как расположенные, соответственно, на Восточной и Западной сторонах лога (Вадецкая, Грязнов 1970: 34–35), позднее указывала, что найденная Л.Р. Кызласовым могила 4 «находится на кладбище Оглахты I между тремя аналогичными, раскопанными А.В. Адриановым» (Вадецкая 1999: 232; 2009: 113). Здесь мы опять видим путаницу. Получается, будто Л.Р. Кызласов копал в пункте Оглахты I, т.е. на **Восточном** участке, что не соответствует действительности, так как на самом деле Л.Р. Кызласов раскопал могилу 4 на **Западном** склоне (в пункте Оглахты II, по Адрианову) и не заложил ни одного раскопа на участке Оглахты I.

В популярной книге 2009 г. Э.Б. Вадецкая поместила несколько цветных фотографий, сделанных М.П. Грязновым на Оглахтах в 1969 г. (2009: рис. 53–55, 96). Подпись к одной из них говорит, что это могила I пункта Оглахты I, обнаруженная случайно в 1902 г. Откуда взята информация о могиле 1 – совершенно неясно. Как уже было сказано выше, сведения о взаимном расположении могил отсутствуют среди имеющихся архивных документов А.В. Адрианова. Приходится думать, что представленный на фотографии крупный котлован с березами был назван могилой I Оглахты I, куда провалился пастух, просто «для наглядности», имея в виду популярный характер книги.

Как видим, данные по локализации участков Оглахты I и II имеют ряд противоречий, которые необходимо учитывать при дальнейшей работе с архивными материалами.

Обследованный памятник оказался очень крупным таштыкским могильником, включающим более 300 визуально фиксируемых объектов. Скорее всего, далеко не все впадины маркируют погребения в срубках. Так, А.В. Адрианов, исследовавший здесь в 1903 г. 33 впадины, лишь в 17 случаях обнаружил под ними древние захоронения: в одних «шел сплошь песок», в других были «шлак и обожженная земля», третьи и «вовсе раскопаны напрасно» (Адрианов 1903а, 1903с). Отмеченная западиной и раскопанная Л.Р. Кызласовым могила 2 на **Западном** участке не содержала ни сруба, ни погребений. Л.Р. Кызласов предположил в ней незаконченную могильную яму, «брошенную» из-за близкой к поверхности земли щебенки (Кызласов 1970).

Отдельные погребения, исследованные Л.Р. Кызласовым, напротив, не имели признаков понижения рельефа над погребальным срубом. А.В. Адрианов также отмечал сложность выявления могил на поверх-

ности земли, которые приходилось искать в косых лучах солнца, «ходить взад и вперед по ровному склону, выстукивать землю — не будет ли слышно, где пустот, разглядывать характер неровностей и состав самой земли» (Адрианов 1903с).

О наличии на памятнике иных объектов, помимо захоронений в срубках, свидетельствует и «жертвенный ящик 6» на западном участке, представлявший собой заглубленный на 0,55 м каменный ящик с многослойной берестой в несколько слоев внутри (Кызласов 1971).

Таким образом, в числе раскопанных объектов могильника — «классические» таштыкские захоронения в срубках, «жертвенно-поминальный» объект в каменном ящике, ямы неизвестного назначения, в том числе со шлаком (?) и обожженной землей. Состав объектов Оглахтинского могильника еще предстоит выяснять, однако ясно, что они не ограничиваются «классическими» погребениями в срубках, а могли быть достаточно разнообразны, что удалось бы выяснить только при сплошном/площадном обследовании.

Погребения с хорошей сохранностью органики были обнаружены на двух участках Оглахтинского могильника на склонах лога. На **Западном** участке это могилы 4 и 7, расположенные ниже по склону основного скопления могил. Лучшие по сохранности могилы из раскопок А.В. Адрианова располагались, согласно большинству рассмотренных данных, на **Восточном** участке. Данные коллекций ГИМа и КККМ, музейная документация и описание находок, переданных в красноярский музей, свидетельствуют, что предметы наилучшей сохранности находились в могилах 1, 2 и 7.

Предметы из могилы 1, в первую очередь хранящиеся в КККМ детали ложа на высоких деревянных стойках или «тумбах», описанного Адриановым в разграбленной могиле, позволяют считать именно эту могилу 1902 г., получившей номер 1. В инвентарной книге как ГИМа, так и КККМ, пункт Оглахты пишется рядом с находками из этих могил без уточнения I или II, что, видимо, означает их происхождение с участка Оглахты I. Это допущение подтверждает впечатление, создающееся при чтении Предварительного отчета, что все эти три могилы находились на одном и том же склоне и участке Оглахтинского могильника (Адрианов 1903с).

Отсутствие могил с хорошей сохранностью органических материалов на дне лога вполне объяснимо из-за большей влажности почв на дне, чем на склонах. Вероятно, это было справедливым и до предполагаемого увлажнения климата прибрежных районов Минусинской котловины в результате заполнения Красноярского водохранилища.

Современное состояние Оглахтинского грунтового могильника

Восточный участок могильника находится на территории «Государственного природного заповедника “Хакасский”», никакая хозяйственная деятельность в этой части могильника сейчас не ведется. Основная же площадь могильника поделена между несколькими фермерскими хозяйствами и используется как сенокосные угодья. Каждое лето покосы осуществляются с применением тяжелой техники, передвижение которой по могильнику предоставляет потенциальную опасность для сохранности неглубоких грунтовых захоронений. К сожалению, при выделении земель заповедника информация о локализации Оглахтинского могильника отсутствовала, и только небольшая часть памятника оказалась на заповедной территории, где запрещена всякая хозяйственная деятельность.

Открытие могил с феноменальной сохранностью органики происходило до или непосредственно в период затопления Красноярского водохранилища. Произошедшее в 1967–1970 гг. затопление ложа водохранилища привело к серьезным изменениям всех экосистем. Могильник находится в прибрежной зоне водохранилища и удален от него всего на 1,5 км. Сравнение архивных фотографий территории могильника с современной ситуацией показывает радикальное изменение растительности, в настоящее время часть могильника залесена, тогда как в начале XX в. здесь практически не было деревьев.

При обследовании могильника в 2019 г. в его центральной части был зафиксирован провал почвы воронкообразной формы. Было сделано предположение, что этот провал мог образоваться над грунтовым погребением, у которого под действием тяжести почвы обрушилось перекрытие. В 2019 г. размеры провала составляли $1,8 \times 1,6$ м, тогда как в 2020 г. размеры достигли $4,5 \times 2,45$ м, т.е. провал за один год увеличился почти в четыре раза (рис. 7).

Динамика зафиксированных нами разрушений предопределила необходимость проведения аварийных раскопок. В 2020 г. над провалом был заложен раскоп 8×10 м. Ожидания того, что провал маркирует разрушающееся погребение, не оправдались. Непосредственно в провале ни погребения, ни каких-то других археологических объектов обнаружено не было. Однако непосредственно к восточному краю провала примыкал погребальный сруб (подробнее об погребении см. статьи в этой подборке).

Мы предполагаем, что на образование подобных воронкообразных провалов, с одной стороны, влияние оказывают сезонные водотоки, с другой – наличие под землей бревенчатых конструкций, расположенных ниже по рельефу на пути водотока. Поэтому необходимо проводить ежегодный мониторинг состояния могильника.

Рис. 7. Провал почвы на Центральном участке могильника: 1 – провал в 2019 г.; 2 – провал в 2020 г. Фото С.В. Панковой

Красноярское водохранилище повлияло на увлажнение климата и привело к уменьшению годовых амплитуд температур в прибрежной полосе. При изменении растительного покрова и активизации деятельности поверхностных водотоков началось формирование крупных просадочных форм рельефа, а также активизация роста оврагов. В настоящее время начаты комплексные исследования изменений климата и перестройки экосистем в прибрежных зонах водохранилища (Zhirmova et al. 2021).

Вопрос о причинах феноменальной сохранности органики в отдельных могилах Оглахтинского могильника пока остается открытым и нуждается в комплексном всестороннем исследовании, однако уже понятно, что произошедшее увлажнение после заполнения Красноярского водохранилища могло изменить создавшийся в некоторых могилах уникальный микроклимат и привести к невосполнимым утратам.

Источники

- Адрианов А.В. Предварительный отчет о раскопках могильника и курганов в горной группе Оглахты, произведенных в 1903 г. Адриановым // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 33. 1903с.
- Адрианов А.В. Предварительный отчет о раскопках могильника и курганов в горной группе Оглахты, произведенных в 1903 г. Адриановым // НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 33. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках г. Адрианова в Енисейской губернии. 31 января 1903 г. – 11 ноября 1906 г. На 109 листах. Лл. 22–24.
- Вадецкая Э.Б., Грязнов М.П. Отчет о разведках и раскопках разведочной группы Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1969 г. 1970 // Архив ИА РАН. Р-№ 4141.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4265. 99 л.; Д. 4265а (альбом). М., 1969.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4010. 56 л.; Д. 4010а (альбом). М., 1970.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1970 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 4242. 121 л.; Д. 4242а (альбом), Д. 4242б (альбом). М., 1971.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1973 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 5096. 42 л.; Д. 5096а (альбом). М., 1974.

Литература

- Адрианов А.В. Оглахтинский могильник // XXIX Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 249 от 16 ноября 1903 г. 1903а.
- Адрианов А.В. Оглахтинский могильник // XXX Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 254 от 23 ноября 1903 г. 1903б.
- Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Вадецкая Э.Б. Древние маски Енисея. Красноярск: Версо, 2009.
- Войтенко А.В. Определение пространственных координат точек земной поверхности с использованием метода Precise point positioning и оценка точности полученных результатов // Автоматизированные технологии изысканий и проектирования. 2011. Вып. 1. С. 71–74.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Наука, 1960.
- Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992.
- Кызласов Л.Р., Панкова С.В. Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 2004. LXII. С. 61–67.
- Панкова С.В. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника // Памятники археологии в исследованиях и фотографии (памяти Галины Вацлавны Длужневской). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 132–139.
- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Панкова С.В., Миколайчук Е.А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 года) // Искусство древнего текстиля / Archaeology of China and East Asia, Vol. 7. Москва ; Берлин: Институт археологии РАН, Германский археологический институт, 2020. С. 108–141.
- Рибу К., Лубо-Лесниченко Е.И. Оглахты и Лоулань (две группы древних художественных тканей) // Страны и народы Востока. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. Вып. XV. С. 272–281.
- Сосновский Г.П. О находках Оглахтинского могильника // Проблемы истории материальной культуры М.: ГАИМК, 1933. № 7–8. С. 34–41.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.
- Conrad O., Bechtel B., Bock M., Dietrich H., Fischer E., Gerlitz L., Wehberg J., Wichmann V., Böhner J. System for Automated Geoscientific Analyses (SAGA) v. 2.1.4 // Geoscientific Model Development. 2015. Vol. 8, is. 7. P. 1991–2007. <https://doi.org/10.5194/gmd-8-1991-2015>
- He J., Li Y., Zhang K. Research of UAV Flight Planning Parameters // Positioning. 2012. Vol. 3, № 4. P. 43–45. <https://doi.org/10.4236/pos.2012.34006>
- Tallgren A.M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1937. XI. P. 69–90.
- Vavulin M.V., Chugunov K.V., Zaitceva O.V., Vodyasov E.V., Pushkarev A.A. UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the ‘valley of the kings’ (Tuva, Russia) // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2021. № 20. № e00172 <https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172>

Zhirnova D.F., Belokopytova L.V., Meko D.M., Babushkina E.A., Vaganov E.A. Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. Article number: 14266.

Статья поступила в редакцию 11 июня 2021 г.

The Oglakhty Burial Ground: History of Discovery, Planigraphy, and Current State

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/1

Evgeny V. Vodyasov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vodyasov_ev@mail.ru

Svetlana V. Pankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); The State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: svpankova@gmail.com

Olga V. Zaitceva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: snori76@mail.ru

Mikhail V. Vavulin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 0002004@inbox.ru

The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme

Abstract. The article is devoted to the history of research and analysis of the planigraphy of the Oglakhta burial ground, known to the scientific community primarily for its phenomenal preservation of organic objects. According to the aerial survey, verified by ground surveys, the necropolis includes more than 300 objects expressed in relief, which allows you to assign it to one of the largest burial grounds of Tashtyk culture. The study resolved historiographic contradictions regarding the location of sections of the cemetery with the best-preserved graves. Negative impact of the Krasnoyarsk Reservoir, which may have affected the unique microclimate created in some graves, contributing to the preservation of objects and the remains of the buried.

Keywords: Oglakhty cemetery, Tashtyk culture, Minusinsk Basin, Early Iron Age

References

- Adrianov A.V. Oglakhtinsky mogilnik [Oglakhty cemetery]. In: *XXIX Illyustrirovannoye prilozheniye k gazete 'Sibirskaya zhizn'* [XXIX illustrated attachment to the newspaper 'Siberian life']. 1903a. № 249 (16th November 1903).
- Adrianov A.V. Oglakhtinsky mogilnik [Oglakhty cemetery]. In: *XXX Illyustrirovannoye prilozheniye k gazete 'Sibirskaya zhizn'* [XXX illustrated attachment to the newspaper 'Siberian life']. 1903b. № 254 (23rd November 1903).
- Conrad O., Bechtel B., Bock M., Dietrich H., Fischer E., Gerlitz L., Wehberg J., Wichmann V., Böhrner J. System for Automated Geoscientific Analyses (SAGA) v. 2.1.4, *Geoscientific Model Development*, 2015, Vol. 8, Issue 7, pp. 1991–2007. <https://doi.org/10.5194/gmd-8-1991-2015>
- He J., Li Y., Zhang K. Research of UAV Flight Planning Parameters, *Positioning*, 2012, Vol. 3, no. 4, pp. 43–45. <https://doi.org/10.4236/pos.2012.34006>
- Kyzlasov L.R. *Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny* [Tashtyk epoch in the history of Khakasian-Minusinsk basin]. Moscow: Nauka, 1960.
- Kyzlasov L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Essays on the history of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1992.
- Kyzlasov L.R., Pankova S.V. Tatuirovka drevney mumii iz Khakasii (rubezh nashei ery) [Tattoo of the ancient mummy from Khakasia (turn of the Christian era)]. In: *Soobshcheniya*

- Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. St. Petersburg: State Hermitage publishing house, 2004, Vol. LXII, pp. 61–67.
- Pankova S., Mikolaychuk E. Kitaiskie shelkovye tkani iz Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki 1969 goda) [Early Chinese silks from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia (excavations in 1969)]. In: Wagner M., Tarasov P.E., Chen X.C. (eds). *Silk Road Fashion: People, Materials, Techniques*. Archaeology in China and East Asia. 2020, no. 7, pp. 108–141. Oppenheim: Nünnerich-Asmus Verlag and Media.
- Pankova S.V. Kosy iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogilnika (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Plaits from grave 4 of the Oglakhty cemetery (excavations by L.R. Kyzlasov in 1969)]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyah i fotografiyakh* (pamyaty G.V. Dluzhnevskoy) [Archaeological monuments in researches and photographs]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 132–139.
- Pankova S.V., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I. Radiouglerodnoe datirovanie oglakhtinskoi grobnitsy metodom «wigggle matching» [Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method], *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2010, no. 2(42), pp. 46–56.
- Ribu K., Lubo-Lesnichenko E.I. Oglakhty i Loulan' (dve gruppy drevnikh khudozhestvennykh tkanei) [Oglahti and Lawlan (two groups of ancient artistic fabrics)]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Moscow: "Nauka". Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1973, Vol. XV, pp. 272–281.
- Sosnovsky G.P. O nahodkakh Oglakhtinskogo mogilnika [About finds from the Oglakhty cemetery]. In: *Problemy istorii material'noi kultury* [Problems of history of material culture], 1933, Vol. 7/8, pp. 34–41.
- Tallgren A.M. The South Siberian cemetery of Oglakhty from the Han period, *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki. XI. 1937, pp. 69–90.
- Teplouhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnih metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraia (v kratkom izlozhenii) [Attempt of classification of ancient metal cultures of the Minusinsk region (in brief order)]. In: *Materialy po etnografii* [Materials on ethnography]. Leningrad, 1929. Vol. 4, no. 2, pp. 41–62.
- Vadetskaia E.B. *Drevnie maski Eniseia* [Ancient masks of Yenisey]. Krasnoarsk: Verso, 2009.
- Vadetskaia E.B. *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Vavulin M.V., Chugunov K.V., Zaitceva O.V., Vodyasov E.V., Pushkarev A.A. UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archaeological monitoring and surveying in the research on the 'valley of the kings' (Tuva, Russia), *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2021, no. 20. Article no. e00172 <https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172>
- Voitenko A.V. Opredelenie prostranstvennykh koordinat toчек zemnoi poverkhnosti s ispol'zovaniem metoda Precise point positioning i otsenka tochnosti poluchennykh rezul'tatov [Determination of spatial coordinates of points on the Earth's surface using the Precise point positioning method and evaluation of the accuracy of the obtained results]. In: *Avtomatizirovannye tekhnologii izyskaniy i proektirovaniia* [Automated survey and design technologies]. Vol. 1. 2011, pp. 71–74.
- Zhirnova, D.F., Belokopytova, L.V., Meko, D.M., Babushkina E. A., Vaganov E.A. Climate change and tree growth in the Khakass-Minusinsk Depression (South Siberia) impacted by large water reservoirs, *Scientific Reports*, 2021, Vol. 11. Article number: 14266.

UDC 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/33/2

NEW RADIOCARBON DATES AND ENVIRONMENTAL ANALYSES OF FINDS FROM 1903 EXCAVATIONS IN THE EASTERN PLOT OF THE TASHTYK CEMETERY OF OGLAKHTY*

Svetlana Vladimirovna Pankova
Nikolay Polikarpovitch Makarov
St John Simpson
Caroline R. Cartwright

Abstract. The early Tashtyk cemetery site of Oglakhty in Minusinsk basin is best known because of the exceptional state of preservation of some of the organic objects found there in excavations in 1903 and 1969. The chronological and spatial development of this extensive cemetery have not been clearly explored until now. This paper represents a first step in that direction by dealing with previously unpublished finds from Adrianov's excavation at the site in 1903 and held in Krasnoyarsk Museum of Local Lore. They were found in the Eastern plot of the cemetery (Oglakhty I) which represents one of four such plots according to the latest fieldwork results from the site. This paper presents the results of a new series of calibrated radiocarbon dates and new scientific identifications of the woody and plant species used to construct and fit out these graves. The results are considered within the first attempt to examine finds from Oglakhty cemetery within what we now know of its spatial organization. This has only been possible through a combination of these new absolute dates combined with a recent survey of the site and the identification of the previously excavated burials using scattered archival sources. The new series of 15 radiocarbon dates were based mainly on samples of different materials from two graves (1 and 2) containing the best-preserved objects from Adrianov's excavation. This adds a new footing to understanding the chronology of the site as previous absolute dates were only available for a single grave in the Western plot, and other studies have been forced to rely on typological approaches and comparative analysis with finds from other regions. According to these new results, graves 1 and 2 in the Eastern plot date between the mid-2nd and mid 4th centuries AD, the former slightly later than the latter. The species of all of the finds, whether of wood, birchbark, grass or cereal grain, have been confirmed through scientific analysis. The results provide new glimpses into early Tashtyk exploitation of the local environment, and constitutes the first such step of studying the palaeoenvironment of this region in the Tashtyk period.

Keywords: Krasnoyarsk Museum of Local Lore, Minusinsk basin, Alexander Adrianov, Tashtyk culture, Oglakhty, radiocarbon dating, wood identification, environmental resource exploitation

* The research was supported by the British Museum Research Board and Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

Introduction

The period after the end of Scythian cultures in southern Siberia is marked by the appearance of new cultures in the second and first centuries BC, some with connections with the Xiongnu, others with the Tarim basin or nearby areas. They lived either side by side or consecutively in the Minusinsk basin and are represented by diverse burial rites and anthropologically distinct population groups. There are still more questions than answers about the origin of these people and their interaction with each other. Although not well studied because of the lack of identified settlements, their economy has been viewed as an extension of the earlier nomadic pastoralist economy practised by people expressing new forms of burial customs and material culture. One of the least known of these cultures is known today as Tashtyk, the early stage of which, within the first–fourth centuries AD, is represented by flat grave cemeteries as opposed to the later stage (fifth–seventh centuries AD) with its large collective graves with massive stone structures (Kyzlasov 1960; Gryaznov 1979; Vadetskaya 1999; Nikolaev, Pankova 2017). The early stage is quite specific in many aspects, which has led to the hypothesis that it might substitute a separate culture named Oglakhty after the site of that name, and which offers the richest information on many different aspects thanks to exceptionally good preservation of organic remains (Azbelev 2007).

The Tashtyk/Oglakhty culture, with its peculiar burial rites and funeral objects, appears to be a highly localised phenomenon as this region is enclosed by the Western and Eastern Sayan mountains and Kuznetsk Alatau, with a single extension to the open Mariinsk valleys to the north-west. However, finds of rare Chinese polychrome silks re-used as decoration on funerary belongings indicate that there were connections between this remote Siberian region and the so-called ‘mainland Silk Road’ areas, most probably of the Tarim basin. Besides, unusually well-preserved details of the funerary rites allow further comparison between Tashtyk and other geographically and chronologically distant cultures: for instance, mannequins with cremations, similar to those characteristic of Tashtyk graves, were found or reconstructed in Bronze Age sites in western Kazakhstan and Liao dynasty (907–1125) burials in China (Pankova et al. 2020) which makes possible cross-cultural interpretations.

The Oglakhty cemetery was excavated in 1903 by Alexander Adrianov and again in 1969–1973 by Leonid R. Kyzlasov. It is a key site for testing many of the research questions relating to the life and culture of this local population in the early stage of the Tashtyk culture. They are such crucial questions as the ritual and funerary rites, contacts, peculiarities of dress and personal appearance as well as little-developed chronological issues and questions of paleoecology of Minusinsk basin of the period, which have not

been studied at all. Moreover, the exceptional survival of organic remains in these burials offers a unique opportunity to study environmental – plant and animal – materials used in their construction and fitting out, and illustrate the natural resources available to and used by this local population.

The well-preserved organic remains also provide an opportunity to date them more closely through calibrated radiocarbon dating. This is important given the difficulty in establishing the chronology of Tashtyk cemeteries as the grave inventories – locally made pottery, bone pins, leather clothing and wooden utensils – do not allow for useful typological study and, until now, only a few finds from one grave – Grave 4 from Kyzlasov's excavation – have been radiocarbon dated.

According to unpublished archive materials and some short references in the literature, Oglakhty cemetery was a large cemetery with graves grouped in several large clusters, referred to here as plots. Grave 4 was marked in the western part of the cemetery, thus the few available radiocarbon dates were only obtained for this part of a very extensive site.

The few early publications and archives did not provide sufficient information for confident spatial analysis of the materials held in different collections. It was only through new survey fieldwork that the locations of the excavated graves could be established. This fieldwork also indicates that the cemetery is one of the largest known Tashtyk cemeteries, containing more than 300 graves, as well as other – perhaps commemorative – features in four clearly defined plots.

This fact raises the question of how long the cemetery was in use and whether the plots belong to slightly different periods. Given the size and strong spatial patterning of the site, it is equally possible that the plots might reflect social differences and belong to different population groups. A closer analysis of what objects were found where was now a research priority, as was a better understanding of possible differences in funerary rituals in different plots. Until now the most studied finds are from grave 4 in the Western plot of the cemetery. The highlights of this grave assemblage formed the culminating section of the exhibition *Scythians: warriors of ancient Siberia* organised by the State Hermitage Museum and the British Museum, and held in London from October 2017 to January 2018 (Simpson, Pankova (eds.) 2017; Pankova, Simpson (eds.) 2020; Pankova 2020a). Questions arising from that collaboration led to renewed fieldwork and museum-based research by the lead author which was aimed at answering some of the questions created by these remarkable finds. Among the latter was radiocarbon dating and scientific analyses of the plant and other organic remains.

The latter reflect the types of natural resources exploited by the local population and the manner in which they were exploited. This aspect has not been the subject of previous research and is important in the absence of

much climatic data for the Minusinsk basin in the first half of the first millennium AD. Lake sedimentological research undertaken in Khakasia and southern areas of the Krasnoyarsk region have focused mainly on the climatic situation of the earlier times (van Geel et al. 2004). The study of pollen data from annually laminated lake sediments undertaken in recent decades provides high-resolution records of vegetation and moisture variability in the region during later periods, including that of the Tashtyk (Hildebrandt et al. 2015), but information on the latter period is still insufficiently detailed to draw many conclusions. Tashtyk settlements or camps have not been identified and there are few other data to provide information on the environmental economy of these people, and grains found in Tashtyk graves which are often said to be millet have rarely been scientifically identified.

Materials from the Eastern plot were only partly familiar through general publications based on a small selection of objects kept in the State Historical Museum in Moscow (Sosnovsky 1933; Tallgren 1937). Objects from the Eastern plot, presented in this paper, have never been published, like most of the finds kept in Krasnoyarsk Museum of Local Lore. A series of 15 radiocarbon dates, presented here for the first time, are the first to establish the absolute chronology of graves in this Eastern plot.

The site of Oglakhty

Physical setting. The Tashtyk cemetery of Oglakhty is situated in a valley above the left bank of the Yenisei and in the northern portion of a naturally enclosed low mountain range of the same name, within the Bogradsky district of the Republic of Khakassia. The Oglakhty Range covers an area of 79.7 km², partly a State nature reserve, and rises to a height of 580 m a.s.l. It consists of sedimentary rocks of the Low Carboniferous and Upper Devonian periods, namely sandstone, siltstone, tuffite, limestone, and dolomite. The hilly relief is intermingled with cuesta ridges with large rock outcrops and small sheltered valleys. Soils are thin on the rock outcrops where the vegetation is sparse and limited to rocky steppe species, but the diversity of landscapes and slope regimes has created a rich and diverse flora, the lower hillslopes have dense stands of Siberian larch (*Larix sibirica*) and silver birch (*Betula pendula*), with occasional poplars (*Populus nigra*), and the valleys contain medium-humic chernozem soils very favourable for grazing, suitable for cultivation and now used mainly for haymaking (Figures 1, 2). The climate is continental with a long cold winter and short hot summer, and annual precipitation of 250–300 mm (Devjatkin et al. 2000).

Along the southern part, the mountains form a vertical rock wall known today as Kyzan/Sorok Zubyeu ('Forty Teeth'), with steep cliffs extending around the other sides.

Figure 1. Oglakhty mountains, Sargov log. Aerial view from the south.
Photograph by E. Vodyasov 2020

Figure 2. Oglakhty mountains, Sargov log. View from the south-west.
Photograph by S. Pankova 2020

The smooth vertical faces of the Devonian sandstone outcrops were selected as suitable for rock art, and this area has the highest concentration of rock art in the Minusinsk basin and dating from the fourth millennium BC onwards (Miklashevich 2015, 2016, 2017, 2020; Rock art... 2017). Afanasyev, Okunev and late Bronze Age funerary sites have been studied around Oglakhty Mountains (Vadetskaya 1981, 1986). Neolithic settlement, late Bronze age kurgans, post-Scythian Tes' and early medieval cemeteries indexed as Oglakhty I–VII have been investigated in the valleys (Kyzlasov 1969, 1970b, 1971a, 1971b, 1974, 1986: 19). Stone walls running along or close to the crest of much of these mountains have been interpreted as a medieval fortification (Kyzlasov 2014: 167, fig. 8 and 9). There are also concentrations of Scythian-type (Tagar culture) kurgans all around and in the valley mouths. The adjacent valley of the Yenisei and its tributaries was flooded for a length of 400 km following completion of Krasnoyarsk Dam in 1972, and this is now one of the worlds' ten largest freshwater reservoirs (Vyshegorodtsev et al. 2005).

However, it also has flooded a large number of archaeological sites, some of which emerge during seasonal oscillations in the reservoir level: the nearest of these is the Tagar culture site of Sargov Ulus, situated four km due north of the Tashtyk cemetery at Oglakhty (Figure 3). The kurgans have washed away, revealing the tops of the stone grave slabs: an intact pot was noted on a brief site evaluation in 2018 and removed on the basis that the site is threatened. Associated skeletal remains and charcoal within the pot were sampled for radiocarbon dating and the results form the subject of a short paper (Miklashevich et al. 2020).

Figure 3. Kurgan of Tagar culture burial site Sargov ulus emerged during seasonal oscillations in Krasnoyarsk reservoir level. May, 2018. Photograph by S. Pankova

The Tashtyk cemetery at Oglakhty is situated in a fertile valley with easy access to the Yenisei valley to the north and south. It is not known what the local environment was like during the period of the cemetery but scarce pollen core evidence indicates this period to be climatically similar to today, and marginally drier than previously (Blyakharchuk et al. 2014). It was the valley and its own natural resources and fresh water which mainly attracted people to the Minusinsk basin, and in this sense Oglakhty is part of its immediate hinterland.

The main archaeological finds and chronology. Oglakhty cemetery was discovered by chance in 1902 and investigated the following year by A. Adrianov (Krasnoyarsk), who excavated a total of 17 graves across the site, with organic remains preserved in three (Adrianov 1903a, 1903b). The site was re-investigated from 1969–1973 by L.R. Kyzlasov (Moscow State University), who excavated a further nine graves in the central and western plots (Kyzlasov 1992). These results were not fully published and the finds and archives divided between Krasnoyarsk Museum of Local Lore (Adrianov collection), the State Historical Museum in Moscow (Adrianov collection), the State Hermitage Museum (Kyzlasov Grave 4), Museum of the Department of Archaeology of Moscow State University (Kyzlasov, other graves), Museum of Anthropology of Moscow State University (Adrianov collection, Kyzlasov collection), Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University (Adrianov archive), Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Adrianov archive), Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Kyzlasov archive) (Table 1).

The best-preserved organic finds come from graves 1 and 2 of Adrianov's excavation in the Eastern plot (1903) and grave 4 of Kyzlasov's excavations in the Western plot (1969)¹. Adrianov's finds are known from overview publications on the site (Sosnovsky 1933; Tallgren 1937), and several papers devoted to certain categories of finds, namely Chinese silks (Riboud 1971; Riboud, Loubo-Lesnichenko 1973), models of dagger scabbards and interpretation of hairdresses (Vadetskaya 1985, 1987). The latter are mostly from the State Historical Museum collection. Finds kept in other museums, including Krasnoyarsk Museum of Local Lore (further Krasnoyarsk Museum), are largely unpublished, apart from some individual drawings. No ¹⁴C dates or environmental research have previously been carried out with Adrianov's findings and he himself only published a short paper in a local newspaper (Adrianov 1903a, 1903b). A little more information is given in his Preliminary report to his funding body, the Imperial Archaeological Commission (IAC) in St Petersburg, and which is kept with his correspondence in the Scientific Archive of IIMK, plus an undated manuscript entitled 'Oglakhty cemetery' stored in the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberian named after V.M. Florinsky in

Tomsk State University (further called as TAM – Tomsk Adrianov’s manuscript) which is a description of most of the finds delivered to Krasnoyarsk museum (Adrianov n.d.).

Table 1

**Finds from the graves in different plots of Oglakhty cemetery
and their distribution in museums and archives**

Plot	Number of objects	Graves and researchers	Museums	Archives
Western plot ‘Oglakhty II’ by Adrianov	85	8 – Adrianov 1903 (№ 1–8) 7 – Kyzlasov 1969–1973 (№ 1–2, 4–9)	Krasnoyarsk Museum of Local Lore, Museum of anthropology, MSU State Hermitage (grave 4) Museum at the archaeological department, Historical faculty, MSU? – other graves Museum of anthropology, MSU	Museum of Anthropology and Ethnography, Tomsk State University SA IIMC RAS SA IA RAS
Central plot, «Dunes»	180	1 – Vadetskaya 1969 (№ 0) 1 – Kyzlasov 1969 (№ 3) 2 – Vodyasov 2020 (2020, № 1–2)	Museum at the archaeological department, Historical faculty, MSU? Tomsk State University (temporarily)	
Central plot, «Eastern ring»	19	–	–	
Eastern plot ‘Oglakhty I’ by Adrianov	17	9 – Adrianov 1903 (№ 1–9)	Krasnoyarsk Museum of Local Lore State Historical museum Museum of anthropology, MSU	
All together	301	28		

Most of Kyzlasov’s excavation materials are supposedly kept in the museum of the Department of Archaeology of Moscow State University, apart from the finds from grave 4, excavated in 1969, which are in the State Hermitage. This grave is exceptional because of the excellent preservation of organic remains, which, together with much better level of excavations and documentation allowed detailed documentation of dress and unusual funerary practices: examples of inhumation and cremation were found side-by-side in the graves, and cremations were placed in anthropomorphic leather mannequins. This collection has been the subject of the most intensive research, including infra-red imaging of tattoos on mummified human remains (Pankova 2013), CT-scanning of a human head with its face

covered by a painted plaster mask (Shirobokov, Pankova 2021), isotopic analysis of plaited human hair (Shishlina et al. 2016; Pankova 2018), fur clothing (Pankova 2020b, 2020c), Chinese silk (Pankova, Mikolaychuk 2019), and radiocarbon dates on the grave log cabin and some of the organic remains (Pankova et al. 2010, 2020).

The dating of Tashtyk sites, and Oglakhty in particular, has attracted different opinions. A. Adrianov wrote that ‘the date of the newly discovered culture, which is quite novel, cannot be established thus far’ (Report 1906: 129). In the first periodisation of Minusinsk ancient cultures, S. Teploukhov placed what he termed the ‘Tashtyk transitional period’ in the first–second centuries AD (1929: 50–51), later followed by M. Gryaznov (1971). On the other hand, on the basis of beads and parallels with Noin-Ula burials, G. Sosnovsky preferred to date Tashtyk cemeteries to the first century BC–first century AD. This date-range was supported by L. Kyzlasov (1960, 1971a). A different opinion was expressed by S. Kiselev who believed Tashtyk cemeteries should be dated to within the first–fourth centuries (1949). A.-M. Tallgren was the first to discuss silks from Adrianov’s excavations and considered them to be Han dynasty (202 BC–AD 220) (Tallgren 1937). Riboud and Lubo-Lesnichenko drew attention to further Chinese silk parallels (Riboud, Lubo-Lesnichenko 1973). E. Lubo-Lesnichenko went on to argue for a later date of the third or very early fourth centuries (Lubo-Lesnichenko 1994). This revised date was accepted and developed by E. Vadetskaya in her synthesis of Tashtyk sites, and who therefore extended the end date of the ‘flat graves’ to the fourth century (Vadetskaya 1999). Their start date was rather conventionally set at the first century AD.

The reason why the dating of Tashtyk cemeteries is challenging is because of the limited range of materials placed in the graves, which in turn reflects the cultural norms accepted by this particular population. There are almost no metal finds which, in other cultures such as the earlier Tagar culture, often provide the base for grave chronologies. Unfortunately, pottery vessels found in most Tashtyk graves are insufficiently diagnostic and glass beads – another promising material for typological dating and scientific study (see for instance Meek, Nikolaev and Simpson 2020) – are only found in some cemeteries and need further detailed research despite the previous work made by E. Vadetskaya (1999: 69–69). In any case, no beads have yet been found in the Oglakhty cemetery. Great chronological hope was previously set on Chinese polychrome silk textiles found in some Oglakhty burials but now it appears that difficulties of dating the sites with analogous silks found in the Tarim basin do not allow precise dating of these silks from Oglakhty (Pankova, Mikolaychuk 2019). Objects of cloth or other materials preserved here, as well as models of weapons, whisks and horse gear, again mainly made of organic materials, do not allow typological analysis.

An overview of the chronology of the cemetery and questions arising have been presented elsewhere (Pankova et al. 2010).

However, the exceptional survival of these organic remains offers a unique opportunity for wider application of absolute dating through a combination of radiocarbon dating and, where sufficiently preserved, dendrochronology. The first attempt was through ‘wiggle matching’ of radiocarbon dates based on two logs from Kyzlasov grave 4 and these indicated average dates falling within the periods AD 260–296 and AD 372–402 (Pankova et al. 2010). Two additional radiocarbon dates of leather and grass from a mannequin found in this grave support a late third or early fourth century date (Pankova et al. 2020). Although important, they are still only dates from a single grave. The study of the archives and brief publications make it clear that Oglakhty cemetery is very extensive and divided into several concentrations of graves, referred to here as plots, and grave 4 is in the Western one. In order to understand this distribution better, and physically locate the previously excavated graves for the first time, a new survey of the site was required.

This was conducted in 2019 and the visible remains checked, mapped and described by Dr Svetlana Pankova (State Hermitage Museum) with drone mapping carried out by a specialist archaeological team led by Dr Olga Zaytseva (Tomsk State University). The results confirm that the cemetery numbers more than 300 graves and other features covering a maximum area of 200 × 900 m, with strong spatial patterning and four main concentrations of graves (see paper by Vodyasov et al. in this volume). The eastern and western plots are on east- and west-facing slopes either side of the valley; the central plot on the summit of a series of long sandy ridges resembling dunes, perhaps solifluction terraces; a fourth concentration forms a north/south orientation along the summit of a narrow steep-sided ridge running parallel with an unmetalled ‘hollow way’ track which connected the valley to the south with the Yenisei at Apkashiev Ulus. The excavated graves are characterised by deep hollows, often containing a tree or thick masses of wild roses, whereas the unexcavated graves and other features are distinguishable as shallow hollows reflecting gentle subsidence into the presumably collapsed or disintegrated grave roofs beneath.

As a result of combining the old archive and new survey data, the locations of all of the graves excavated by Adrianov and Kyzlasov have been identified physically, and we can now identify Adrianov’s site Oglakhty I as the Eastern plot of the site and Oglakhty II as the Western one (see *ibid.*). This finally gives an indication of what objects were found where and how this spatial patterning might enable better understanding of the site as a whole.

Plots of the cemetery and their allocation to different museum collections.

Western plot

Eight graves were excavated here by A. Adrianov (Oglakhty II) and the finds are in Krasnoyarsk Museum (see Table 1). They have not been published, dated or scientifically analysed.

Seven graves were excavated by L. Kyzlasov. The most numerous and best-preserved finds come from grave 4 and are in the State Hermitage. Until now, these supply the most up-to-date information on the site, as indicated earlier. Finds from graves 1–2, 5–9 are reportedly kept in the Museum of the Department of Archaeology of Moscow State University. They have not been published, dated or scientifically analysed.

Central plot ('Eastern range')

This does not appear to have been excavated, thus we have no data on the graves or their contents.

Central plot ('Dunes')

Four pits excavated by Adrianov failed to supply any materials and may not be graves, and are thus not included in Table 1.

Two graves were excavated in 1969 by E. Vadetskaya and L. Kyslasov (nos 0, 3), individual finds (ceramics, bone pin) are reportedly in the Museum of the Department of Archaeology of Moscow State University. They have not been published, dated or scientifically analysed.

Two graves were excavated in 2020 by E. Vodyasov (see paper by Zaitseva et al. in this volume). All materials are temporarily stored in Tomsk State University, and will be transferred to the State Hermitage and Kunstkamera. Radiocarbon dates and grain identification are in progress.

Eastern plot

All excavations here were by A. Adrianov, who studied 17 pits (9 graves) including that the shepherd fell into in 1902 which led to the discovery of the site. According to Adrianov's notes, burials in this plot were much better preserved than those on the Western plot (Oglakhty II) (Preliminary report, 6/24 reverse²).

Finds from the Eastern plot are stored in the State Historical Museum, Museum of Anthropology of Moscow State University and in Krasnoyarsk museum. Using these museum finds and the abovementioned manuscript 'Oglakhty cemetery' (Adrianov n.d.), E. Vadetskaya made a description of the finds from Adrianov's excavations here (1999: 230–234).

The best-preserved finds were selected by Adrianov and sent to the Imperial Archaeological Commission in St. Petersburg as they supplied his funding and later arranged for their photography (SA IIMC RAS, fund 1, 1903, file 33, 38–39, 96–99). These objects were later delivered to the Imperial Historical Museum in Moscow (today the St Historical Museum). There was no list of the objects and Adrianov recommended to follow the labels attached to the objects. Marked objects came from graves 1, 2, 8, 3, 5 (Oglakhty I), but some objects have no certain grave location. A bibliography on finds from grave 1 and 2 is given above.

Finds kept in the Museum of Anthropology, Moscow State University, may also come from the Eastern plot. There are eight objects in this collection KO 31: two pottery vessels, a wooden vessel, four birchbark containers of different states of preservation, and a wooden spoon³. Beads, textiles, the remains of mannequins and parts of braids, listed by Vadetskaya as stored in the same collection (1999: 234), are kept probably with no labels pointing to grave numbers and plots. Identification of these objects requires special investigation, and none have been radiocarbon dated, scientifically examined or published in detail.

Krasnoyarsk Museum of Local Lore is the third location where Adrianov's collections from Oglakhty are held. As opposed to both previous places, the finds from both plots – Oglakhty I and II – are kept here. They came to the museum in 1903. No documentation has yet been found in the archives of St. Petersburg or Tomsk concerning the delivery of these finds to Krasnoyarsk Museum but TAM contains descriptions of objects delivered to Krasnoyarsk, museum inventory numbers and, if Adrianov's labels are preserved, the grave numbers (Adrianov n.d.). Along with the museum documentation, this manuscript is our main source on the finds sent to Krasnoyarsk.

Despite the fact that the objects in the Krasnoyarsk museum were of poorer preservation and more modest appearance compared with those sent to Moscow, they are very important for our re-analysis of this site. Firstly, there are categories of find which are absent from other Oglakhty museum collections, namely elements of a unique wooden funerary bed or couch (Oglakhty I, grave 1), as well as two leather pouches containing human hair. Secondly, there are fragments of logs of a distinctive shape intended for a special junction of the corners of the grave log cabin, wooden headrests, pottery, a plaster mask of unusual shape, and fragments of wool, silk and fur (now decomposed to hide) clothing. These finds from the Krasnoyarsk museum are unpublished apart from individual drawings (Kyzlasov 1960: fig.34, 2; table 4, 76; Vadetskaya 1985: fig. 3, 1–2). Radiocarbon dates and environmental identifications are presented in this paper for the first time.

Materials

An important research question remains as to the dating of other parts of this important cemetery, particularly given its clearly differentiated components. In order to begin to answer this, study began with an examination of the finds made by A. Adrianov, which are held in Krasnoyarsk Museum, and 17 samples taken for radiocarbon dating. These come from the three graves (1, 2, 8) where he found organic remains: 12 were of wood, one of birchbark, three of grass and one of cereal grain (Table 2).

Table 2
Radiocarbon dates and botanical identification of finds from the Eastern plot of the Oglakhty cemetery. Adrianov's excavations, 1903.
Krasnoyarsk museum of Local lore

Nos.	Grave	Object	Material	¹⁴ C BP	Calibrated date (OxCal2020) 95.4%	Lab code	Sample no	Krasnoyarsk Museum Inv. Nos.
1	1	Funerary bed-frame	<i>Pinus</i> sp.	2026 ± 24	95 BC-AD 63	SUERC-87279 (GU51595)	K/1	4/2 (3)
2	1	Funerary bed-frame	<i>Betula</i> sp.	1768 ± 24	AD 233-361	SUERC-87284 (GU51597)	K/3	4/2 (1)
3	1	Funerary bed-frame	<i>Populus</i> sp.	1870 ± 24	AD 121-235	SUERC-87280 (GU51596)	K/2	4/2 (2)
4	1	Funerary bed-frame	<i>Populus</i> sp.	1861 ± 24	AD 125-235	SUERC-87286 (GU51599)	K/5	4/3
5	1	Funerary bed leg	<i>Populus</i> sp.	1809 ± 21	AD 205-330	SUERC-87288 (GU51601)	K/7	4/6 (1)
6	1	Funerary bed leg	<i>Populus</i> sp.	1875 ± 24	AD 120-233	SUERC-87287 (GU51600)	K/6	4/6 (2)
7	1	Funerary bed leg	<i>Populus</i> sp.	1889 ± 24	AD 81-225	SUERC-87289 (GU51602)	K/8	4/6 (3)
8	1	Funerary bed leg	<i>Populus</i> sp.	1873 ± 21	AD 122-231	SUERC-87296 (GU51606)	K/37	4/6 (4)
9	1	Grass stuffing of a mannequin	<i>Festuca</i> sp.	1777 ± 24	AD 227-347	SUERC-87297 (GU51608)	K/22	24/79
10	1	Grass stuffing of a mannequin	<i>Festuca</i> sp.	1817 ± 24	AD 133-327	SUERC-87299 (GU51610)	K/33	24/71
11	2	Grass stuffing of a mannequin	<i>Typha</i> sp.	1820 ± 20	AD 133-324	SUERC-87300 (GU51611)	K/38	24/84
12	2	Tomb chamber	<i>Pinus</i> sp.	1927 ± 21	AD 27-204	SUERC-87290 (GU51603)	K/9	4/5 (1)
13	1 or 2	Tomb chamber	<i>Pinus</i> sp.	2040 ± 24	147 BC-AD 58	SUERC-87294 (GU51604)	K/10	4/5 (2)
14	8	Container	Birchbark	—		GU51607	K/26	24/22
15	No data	Funerary 'pillow'	<i>Pinus</i> sp.	2045 ± 24	150 BC-AD 26	SUERC-87285 (GU51598)	K/4	4/1 (1)
16	No data	Funerary 'pillow'	<i>Pinus</i> sp.	2077 ± 21	162-1 BC	SUERC-87295 (GU51605)	K/11	4/1 (2)
17	No data	Seeds	Millet	1179 ± 24	AD 772-949	SUERC-87298 (GU51609)	K/30	No number

Out of the wooden objects in the collection, only those which had slots were analysed, i.e. where sampling could be done without damaging objects' view and entirety. None of the wooden objects have the outermost rings and samples were taken from within the slots, not from the outer surface.

Ten samples are of objects from grave 1 (**1–10**), two others are from grave 2 (**11–12**), another from either grave 1 or 2 (**13**), and one is from grave 8 (**14**); the findspot of the remaining three is unrecorded (**15–16, 17**) (Figures 4–6).

Most of these are described in the museum inventory but without noting their function. In our list they are written under the names which reflect their true function.

1–4. Parts of the funerary bed frame. Inv. nos. 4/2 (1–3), 4/3 (Figure 4: 1–4).

5–8. Funerary bed legs. Inv. nos. 4/6 (1–4) (Figure 4: 5–8).

These different elements are parts of a funerary bed found in the grave discovered accidentally by the shepherd in 1902. It was described by Adrianov several times, briefly in his Preliminary report, a newspaper article and in details in TAM (Adrianov n.d.: 4–6). 'In one grave (this very one disturbed) a whole construction was made under the skeletons: wooden crosspieces were placed on 4 original/nicely made blocks/bollards at two ends of the frame/platform, with boards to be laid on them. The height of these blocks/bollards (they are made of roots) is about an *arshin*'⁴ (Preliminary report: 3/23; Adrianov 1903b). In each of these sources, he mentioned grave 1 as the findspot of this object.

9–10. Tufts of grass from the stuffing of a mannequin (or mannequins). Inv. nos. 24/71, 24/79 (Figure 5: 1–2). Both are from grave 1 according to museum documentation and TAM (Adrianov n.d.: 10, 13).

11. Grass from a mannequin stuffing. Inv. no. 24/84 (Figure 5: 3). Adrianov mentions imitations of human figures made from leather and grass: a kind of legs and arms were made out of twisted grass put into narrow leather pockets, placed in corresponding places, and similar twisted grass was a stuffing for a human figure's head, the face part of which was covered with silk (Preliminary report: 4/23 reverse, 5/24). Grave 2 is a findspot of this according to TAM (Adrianov n.d.: 11).

12–13. Chamber logs' endings with cuts for corner binding. Inv. nos. 4/5 (1–2) (Figure 5: 4–5). According to museum documentation, their findspot is grave 1.

Both objects were described in detail, one after the other, in TAM. The first (Inv. no. 4/5 (1) is mentioned as coming from grave 2 according to Adrianov's label on the object. The label on the second is absent, but its museum number is 4/5 (Adrianov n.d.: 4). This is the only case when museum documentation does not match Adrianov's manuscript and it is difficult to decide which identification should be followed but we opted for Adrianov's label as the primary source. In this case, the first chamber log (No. 12) is considered as coming from grave 2, and another (No. 13) as from either grave 1 or 2 until this is resolved.

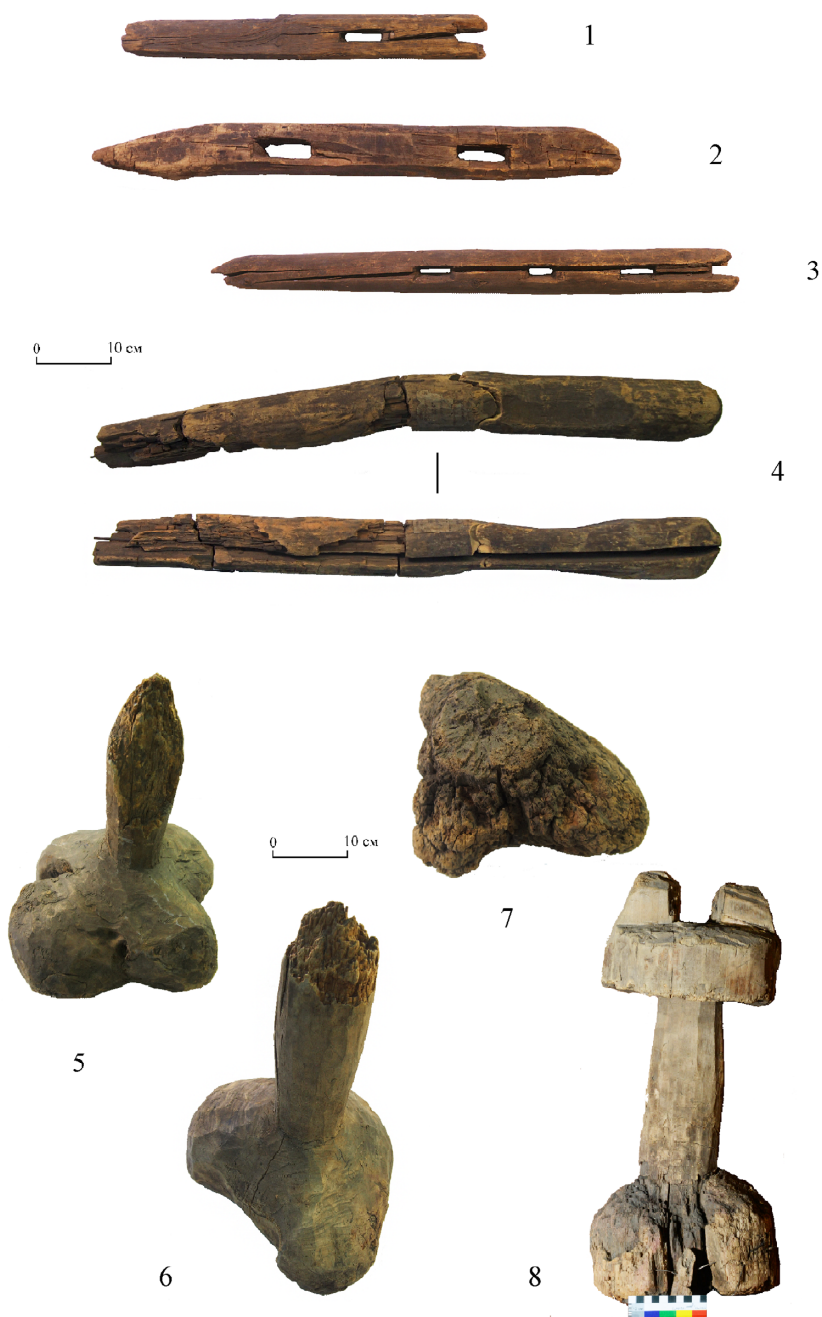

Figure 4. Funeral bed details. Oglakhty cemetery, Eastern plot, Tomb 1.
 1–4: frame details; 5–8: legs; 1 – No. 1; 2 – No. 2; 3 – No. 3; 4 – No. 4;
 5 – No. 5; 6 – No. 6; 7 – No. 7; 8 – No. 8. Krasnoyarsk Museum of Local Lore

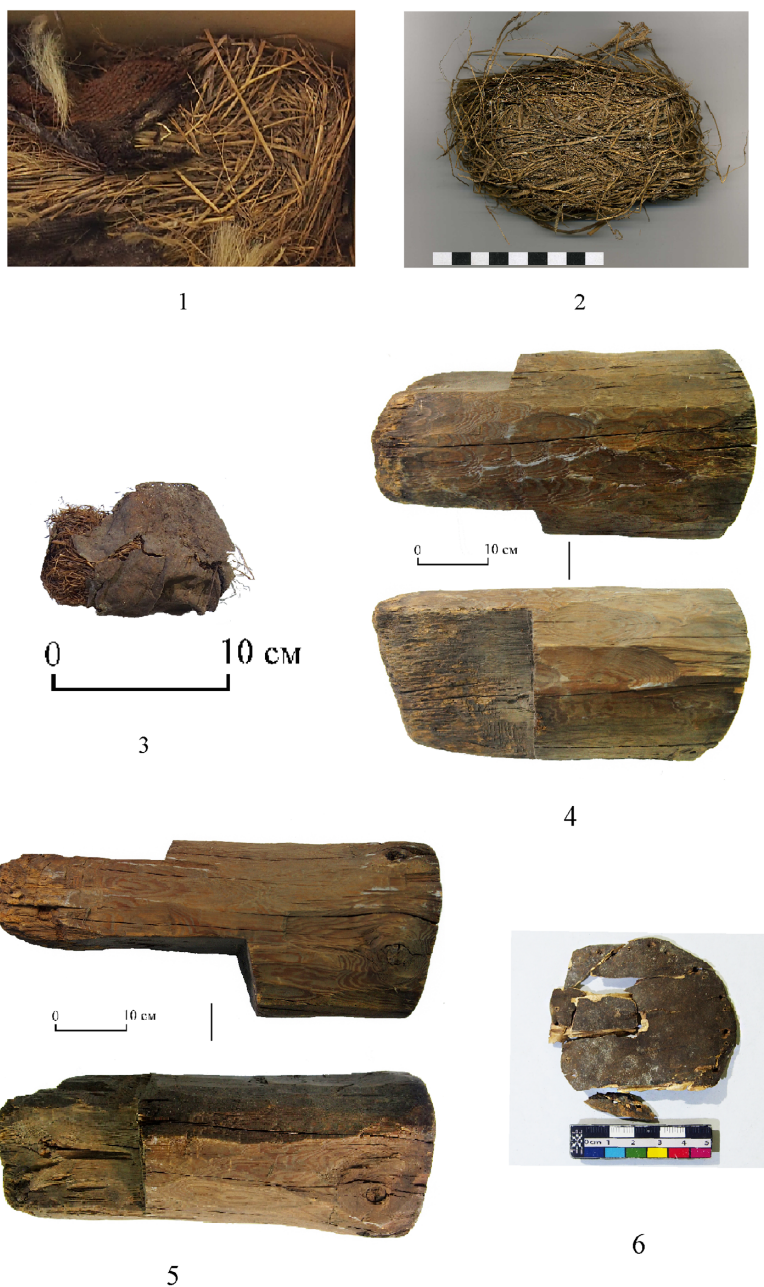

Figure 5. Objects from Oglakhty cemetery, Eastern plot. Tombs 1, 2 and 8.
 1–2: grass of stuffing, Tomb 1, Nos. 9, 10; 3: grass of stuffing, Tomb 2, Nos. 11. 4:
 chamber log. Tomb 2, Nos. 12; 5 – chamber log, Tomb 1 or 2, No. 13;
 6 – birch bark container detail. Tomb 8, No. 14. Krasnoyarsk Museum of Local Lore

Figure 6. Wooden ‘pillow’ headrests. Oglakhty cemetery, Eastern plot.
Unknown findspot. 1 – No. 15; 2 – No. 16. Krasnoyarsk Museum of Local Lore

14. Fragment of the bottom of a birchbark container. Inv. no. 24/22 (Figure 5: 6). It comes from grave 8 according to museum documentation and the manuscript (Adrianov n.d.: 2–3).

15–16. Two wooden blocks with slanted sides. Inv. no. 4/1 (1–2) (Figure 6: 1–2). These are headrests for the deceased and Adrianov records finding ‘small cuts of wood’ under the heads of the dead (Adrianov 1903b). Two blocks of similar shape and size also served as headrests of mummies in Kyzlasov’s grave 4 (Kyzlasov 1970a: 43, 45; Pankova 2020c: fig. 16,1).

Two wooden headrests have no labels or findspot identification either in Adrianov’s manuscript or in the museum card and inventory book. We could not miss an opportunity to sample these well-preserved objects in 2018 in the hope that further information on their findspot would emerge, perhaps in the diaries mentioned in his Preliminary report (4/23 reverse).

17. Cereal grains. No inv. number but stored with other Oglakhty cemetery objects. ‘Fine seeds resembling Chinese green foxtail [*Setaria viridis*]’ were mentioned by Adrianov in some graves but with no numbers mentioned (Adrianov 1903b).

The results of new radiocarbon analyses and scientific wood identifications

The samples were submitted by Dr St J. Simpson for radiocarbon dating at the Scottish Universities Environmental Research Centre (SUERC) AMS Laboratory in Glasgow (see Table 2), this being supported with a grant from the Research Board of the British Museum. Detailed descriptions of the

methods employed by the SUERC Radiocarbon Laboratory can be found in Dunbar et al. 2016. The above ^{14}C age is quoted in conventional years BP (before 1950 AD). The error, expressed at the one sigma level of confidence, includes components from the counting statistics on the sample, modern reference standard and blank and the random machine error. The radiocarbon age is calibrated to the calendar timescale using the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit calibration program OxCal 4 (Bronk Ramsey 2009). The above date ranges were initially calibrated using the IntCal13 atmospheric calibration curve (Reimer et al. 2013) and then recalibrated automatically using the IntCal20 atmospheric calibration curve (Reimer et al. 2020). The results of this recalibration have slightly narrowed the dating further.

The species identifications were made by Dr Caroline R. Cartwright in the Department of Scientific Research at the British Museum prior to submission to the SUERC laboratory in Glasgow. Only the birchbark sample proved to have insufficient carbon to yield a result and all are listed in Table 2.

Wood identification.

Essential facts about scientific wood identification. Wood anatomy is a recognised specialist area of botanical science, therefore there are precise taxonomic nomenclature requirements, as well as specific protocols, inherent to the identification process.

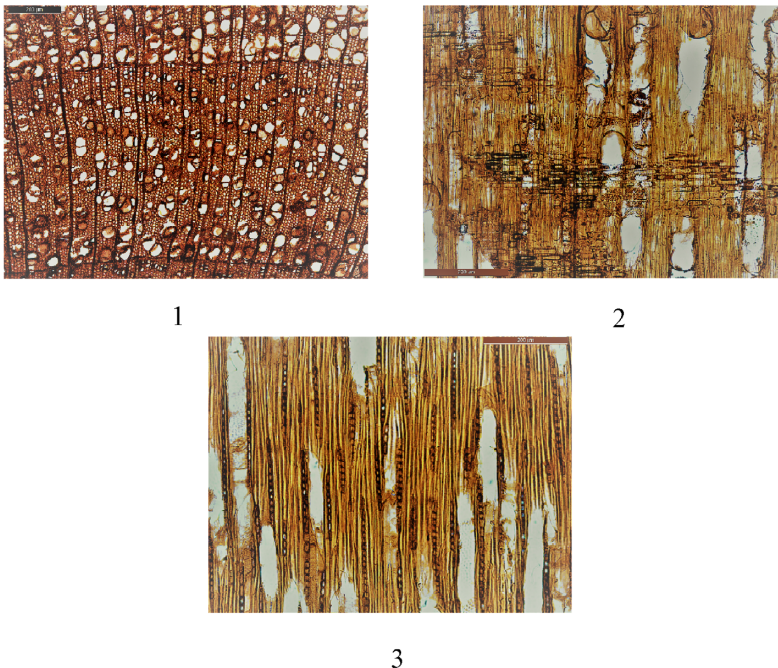

Figure 7. Biological microscope thin section images of poplar. 1 – transverse section (TS); 2 – radial longitudinal section (RLS); 3 – tangential longitudinal section (TLS).
Made and photographed by Dr C.R. Cartwright

For accurate scientific identification of ancient, historical and modern woods, preparation of the following three sections is mandatory: transverse section (abbreviated to TS) (Fig. 7: 1); radial longitudinal section (RLS) (Fig. 7: 2); tangential longitudinal section (TLS) (Fig. 7: 3). For modern and some historical wood samples (particularly those that are not desiccated), wood sectioning coupled with optical microscopy using transmitted (polarising) light is standard practice, generally on sample sizes greater than needed for scanning electron microscopy (Cartwright 2015).

Wood identification must comply strictly with the International Association of Wood Anatomists (IAWA) protocol, terminology and numerical feature classification to ensure universal comparability of reliable results (Wheeler, Baas and Gasson 1989). This means that each genus or species requires recognition of between 40 to 60 pre-defined characteristics, of which 90% are anatomical cellular features. It is important to note that such features can only be seen by examining all three sections: TS, RLS and TLS, and for this reason it is recommended that a tiny cubic sample is removed, rather than a splinter, as the latter restricts the preparation of a transverse section.

Methods. In compliance with standard protocols of IAWA, each botanical sample was sub-divided into transverse (TS), radial longitudinal (RLS) and tangential longitudinal sections (TLS) in order to examine all the anatomical features (Cartwright 2015). Each sub-divided sample was then clamped uncoated onto an aluminium SEM stub; no other sample preparation was required. Clamping was chosen in preference to mounting on an adhesive disc, as the samples were to be submitted for radiocarbon dating after identification; thus no possible contaminants were used. Examination of the mounted wood samples and comparative reference specimens was undertaken in the Hitachi S-3700N variable pressure scanning electron microscope (VP SEM) using the backscatter electron (BSE) detector mostly at 16 kV (but occasionally at 14kV, 15kV or 20kV). This mode enables the observation of non-conductive specimens without the need for coating, by filling the chamber with a selected amount of oxygen. As the samples were in variable conditions of preservation, the SEM chamber was only partially evacuated, mostly to 40 Pa (but occasionally to 30Pa or 60Pa). Magnifications ranged from $\times 20$ to $\times 350$. The preferred working distance was c.10 mm, but was extended to 22.2 mm (as required). With the BSE detector, 3D mode (rather than Compositional) was preferentially selected to maximize the opportunity to reveal diagnostic features for identification. The data-bar on each of the SEM images records the operating details and the scale bar in microns (1 micron is 0.001 mm) or mm (Fig. 8: 1–4).

The Oxford Instruments energy-dispersive X-ray spectroscopy (EDX) analyser attached to the SEM was used to provide elemental identification and semi-quantitative compositional information where necessary, for instance to determine whether crystals and inclusions were calcium oxalate or silica.

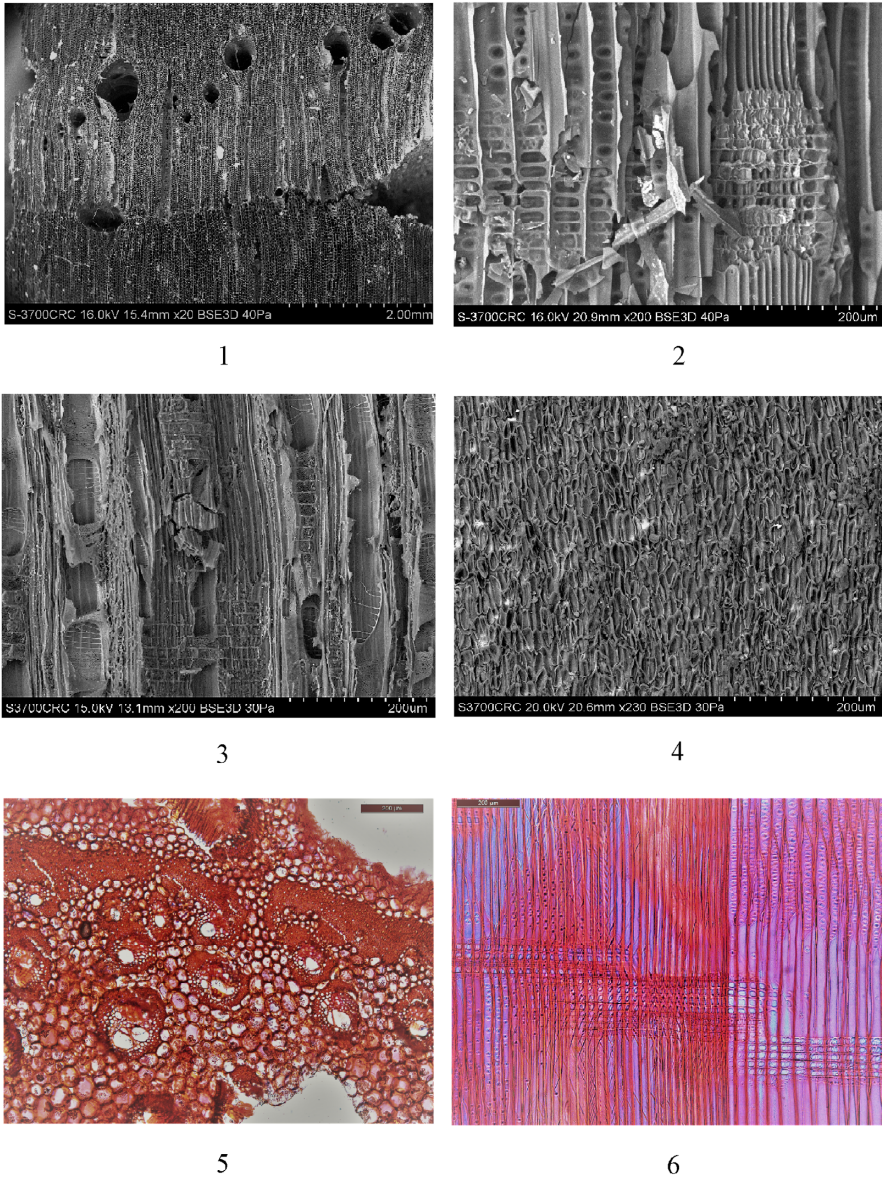

Figure 8. SEM images of botanical samples. 1 – pine, transverse section (TS); 2 – pine, radial longitudinal section (RLS); 3 – birch, radial longitudinal section (RLS); 4 – birch bark; Biological microscope thin section images. 5 – *Typha*, transverse section (TS); 6 – reference pine, radial longitudinal section (RLS).
Made and photographed by Dr C.R. Cartwright

In addition to the VP SEM, a specifically configured Leitz Aristomet biological optical microscope was used in transmitted polarising light mode

for some samples (Fig. 8: 5) and for reference collection specimens (Fig. 8: 6). Each captured image has an embedded scale bar in microns. The colours are the result of the polarising filter, which was used to enhance the diagnostic cellular features for identification.

A note on the terms 'hardwoods' and 'softwoods'. These terms are commonly used terms inherited from Forestry Commission usage, but the terms are unsatisfactory inasmuch as they infer that all woods designated as 'hardwoods' will have timber that is hard and tough, whereas those called 'softwoods' will have timber that is soft. However, this is not accurate as many 'hardwoods' yield timber which is light and soft, and some 'softwoods' produce timber which is quite hard. 'Hardwoods' are dicotyledonous trees, such as oak, ash, poplar, birch, willow etc. 'Softwoods' are coniferous trees such as pine, larch, fir, cedar etc.

Pinus sp., pine

Five samples were identified as *Pinus*, and belonged to parts of the grave log cabin from grave 1 and funerary 'pillows' used as head-rests for the dead placed in either grave 1 or 2. Different species of pine cannot be distinguished on the basis of their anatomical characteristics, hence the attribution in this article to genus level only i.e. *Pinus* sp., pine. Despite having many resin canals, which could cause resin oozing in the finished product if the surface is not sealed, pine wood can be regarded as mechanically reliable. It has a distinctive texture and pattern when planed. Pine wood is light to medium in weight, soft, elastic and mostly straight-grained although knots in the wood can be problematic for some uses. It resists shrinkage and swelling, but in external settings seasonal changes may affect pine timber if not appropriately seasoned and maintained.

Populus sp., poplar

Six samples were identified as *Populus*, and belonged to the legs and part of the frame of a funerary bed from grave 1. Different species of poplar are difficult to distinguish on the basis of their anatomical characteristics, hence the attribution in this article to genus level only i.e. *Populus* sp., poplar. Poplar trees produce a good utility wood that is even in texture, straight-grained, flexible and moderate to light in weight. It is strong but is less hard than many other hardwoods, such as oak, although local conditions may make slow-grown poplar timber denser and stronger than fast grown. It may even be softer than coniferous woods (so-called 'softwoods') such as pine and cedar. Poplar wood is relatively resistant to decay especially when sanded and painted. It is suitable for domestic uses, such as slats of a bed frame, or internal parts of other furniture.

Betula sp., birch

One sample was identified as *Betula*, and also belonged to the frame of the grave 1 funerary bed. Different species of birch are difficult to distinguish on the basis of their anatomical characteristics, hence the

attribution in this article to genus level only i.e. *Betula* sp., birch. Birch is a pioneer species; often the first tree to colonise waste ground. Birch wood is light and easy to work, with a finish that is beautiful in appearance. It is fine grained, medium in weight, and generally has good strength. It is elastic and tough but not particularly hard; shrinkage varies from slight to strong. As the wood is hygroscopic, it can warp and crack in a dry environment. Birch wood is often used for veneers in doors, panelling and furniture, and for boxes and turned objects. If used outside for long periods, birch wood can be perishable and is susceptible to fungal and insect attack. Birchbark is more durable than birch wood, and provides a natural moisture barrier resistant to fungus and rot decay.

Environmental resource exploitation at Oglakhty. The site is situated in a fertile valley with easy access to the Yenisei valley to the north and south. It is not known what the local environment was like during the period of the cemetery but first pollen core evidence indicates this period to be climatically similar to today, and marginally drier than in previous Tagar epoch (Blyakharchuk et al. 2014: table 4, 5). Photographs of the valley taken by A. Adrianov show it to be largely denuded of tree cover (Scientific Archive of IIMK, fond 1, 1903, file 33, 102), and it is unclear how much of the current woodland was planted in the 1960s, or later, as rows of new birch saplings are visible on a photograph taken by M. Gryaznov in 1969 of the Western plot (Vadetskaya 2009: 104). However, the use of logs in the construction of graves points to easy access to large quantities of wood, implying the existence of nearby stands of trees. Kyzlasov grave 4 in the Western plot was constructed of seven logs of pine (*Pinus sylvestris*) and twelve of larch (*Larix* sp.) (Pankova et al. 2010: 51), and their interchangeable use suggests that they were felled from a stand where they grew side by side. Two heavily adzed sections of log from grave 2 and 1 or 2 are preserved in Krasnoyarsk Museum and both identified as pine: they had diameters of 21–22 and 24.5 cm respectively (Nos 12, 13) (Figure 5: 4–5).

Log cabin wood samples appeared to be pine, despite Adrianov's opinion they were made from larch (Adrianov n.d.: 4) It appears to have been a common, but evidently mistaken, assumption that well-preserved wood belonging to the ancient log cabins was larch: for instance, L. Kyzlasov also thought the log cabin from grave 4 to be larch but without scientific analysis (Kyzlasov, Pankova 2004: 61), proving that it is always necessary to scientifically analyse the wood species to be certain. No samples from graves of the Eastern plot were identified as *Larix* sp., larch.

This interchangeable use of local woody resources is also seen in the individual elements used to make the funerary couch found in Adrianov grave 1, as the four legs proved to be poplar, and the horizontal bed-frame elements made from narrower branches of poplar (Nos. 3, 4), birch (No. 2) and pine (No. 1). Three of the legs showed signs of heavy vertical adzing, particularly

around the lower portion of the uprights immediately above the root flare (Nos. 5–8) (Figure 4: 5–6, 8). However, only minimal amounts of wood appear to have been removed in their manufacture, and the same applies to the frame which was selected from straight branches with circular sections and only lightly modified by removing small 0.5 cm diameter branches and adzing rectangular slots at intervals in order to facilitate assembly (Figure 4: 1–3).

The two head-rest ‘pillows’ were made by vertically splitting much larger pine logs, transverse chopping each end to form lengths of 49 and 53.5 cm respectively, and adzing the curved outer edges in order to remove the bark and make them more regular (Nos. 15, 16) (Figure 6: 1–2). Remains of ancient woodworm tracks were preserved on one of these, as well as one of the poplar bed horizontal elements.

Wood was also used to make bowls, platters and ladles, all made with adzes rather than lathes (Tallgren 1937: fig. 10–11, 13, 20). Those in both Krasnoyarsk Museum collection and State Hermitage were painted or soaked with an as-yet unidentified dark red or crimson pigment. Whisks, funerary models of horse-bridles and dagger sheaths were also made of wood and sometimes also painted (Tallgren 1937: fig. 16–19; State Hermitage collection). A miniature bowcase/quiver (*gorytos*) made for the grave was also found in Kyzlasov grave 4, with different types of wood used to make the *gorytos* (*Salix* sp., willow), bow (*Spiraea* sp., meadowsweet), and the arrows (*Betula* sp., birch) fitted within (Pankova 2021).

Bark was harvested from birches, rolled and sewn along the seam to make small cylindrical lidded containers: the best season for collecting the bark from living trees is spring or early summer. Similar containers are traditionally used to contain salt, milk and berries as they are considered to keep the contents dry and for longer than other materials. Remains of the cambium, now black, were preserved on the Oglakhty container (No. 14). The use of birchbark sheets for the roofing insulation of Oglakhty graves, as mentioned by A. Adrianov (1903a; Preliminary report, 4/23) and L. Kyzlasov (1971a, 1992) and found in 2020 (see paper by Zaitseva et al. in this volume), would be consistent with their construction in spring or summer as that is the optimum season for stripping bark, unless the sheets were prepared in advance.

Grass. A. Adrianov wrote about ‘tufts of some little grass resembling sedge’, which was stuffed inside narrow pouches along the legs and arms of skeletons and stuffed human heads (1903b). In his description of a find from grave 2 (Inv. no. 24/83) (stuffing of a ‘stuffed human figure, from a foot’), he mentioned tufted ‘thin, soft and high grass, maybe some cereal (cyper? Festuca?)’ (Adrianov n.d.: 9). Stuffing grass from two mannequins from Oglakhty graves 4 (Kyzlasov) and 1 (Adrianov) were sampled for stable isotope N and C analyses, and phytolith analyses showed that these belonged to poaceous plants (Shishlina et al. 2016: 685. Table I, samples 6 and 7).

Two varieties of wild flora were represented in graves 1 and 2 of the Eastern plot (Table 2).

Tufted grass (*Festuca*) was collected to stuff small leather pouches attached as details to anthropomorphic mannequins, and remains of this material was found in grave 1 (Nos. 9–10) (Figure 5: 1–2). The latter is described by Adrianov as well-preserved tufts of grass of different size assembled to imitate limbs and that this particular mass of grass was 36 cm long, 13 cm in diameter, probably originally forming part of a foot or lower limb (Adrianov n.d.: 10).

Festuca (fescue) is a genus of herbaceous plants of the Poaceae family, which includes grasses and cereals. Owing to complex taxonomy, it is not possible at present to determine exactly how many true species belong to the genus *Festuca*, but it is likely to be more than 400 to over 500; most are fodder, including pasture and hay plants. Today, *Festuca pulchra* (syn. *Festuca pseudovina*) is one of the commonest types of low bush-grass found over much of Oglakhty, both on the plain and slope areas and on chestnut and south chernozem soils. It is a drought-resistant plant.

Typha sp. (cattail) was also collected in large quantities as the stuffing used to bulk out the anthropomorphic mannequins, and remains were present from grave 2. Adrianov writes ‘here remains of a stuffed human-like figure from grass covered and sewn roughly with leather were clearly and doubtlessly visible’ (Adrianov n.d.: 11–12) (No. 11) (Figure 5: 3). This plant was collected in a different environment as it is a wetland species, and was presumably therefore harvested in the Yenisei valley. Cattail species grow on the banks of reservoirs, in shallow waters, in grassy swamps, as well as in a variety of secondary damp and wet places such as ditches, ditches, abandoned quarries and along roadsides (<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B7>, 04.06.2021).

Millet. Millet has also been recorded from the site. A. Adrianov mentioned that ‘fine seeds resembling Chinese green foxtail [*Setaria viridis*] were scattered under the heads of some skeletons’ at Oglakhty (1903b), leading A.-M. Tallgren and G. Sosnovsky to refer to millet being found there (Sosnovsky 1933: 39; Tallgren 1937: 81). Interestingly, Adrianov also mentioned some smaller grains: while talking about unclear pits excavated by him in the Central plot of the Oglakhty cemetery and proved to be empty, he supposed them to be either dwellings or grain storage silos, and stated that ‘in antiquity a plant resembling millet but with even smaller grains was used as such’ (Preliminary report: 6/24 reverse). Leonid R. Kyzlasov attempted to analyse grains from Adrianov’s excavations stored in the Moscow State University’s Museum of Anthropology, collection no. 4, at the Biology faculty of the University, and as a result ‘simple millet’ has been confirmed for those (Kyzlasov 1960: 189, reference 5). Leonid R. Kyzlasov also noted ‘millet glumes’ from his own excavations in 1969 in grave 4 in

the Western plot, but no identification was made to confirm this (Kyzlasov 1970a: 45). Grains or seeds have been found in Tashtyk cemetery of Chernoozernoye II in graves 12 and 36 (Gotlib 2007), and in commemorative pits of Bely Yar 3 (Vadetskaya, Poselyanin 2015: 39, pit 144). Grains from the latter were described as wild millet but no reference to any specialist identification is mentioned and this identification is therefore unconfirmed (67). A concentration of grains was found ‘next to cremation no. 3 in Tashtyk grave 1’ in Abakan-8 site but their identification is unknown (Amzarakov, Kovaleva 2016: 56). Finally, a pilot isotopic study of hair and braided hairpieces of three individuals from Kyzlasov grave 4 and Adrianov grave 1 at Oglakhty suggested that millet formed part of the diet of two of these, as well as fish, C3 plants, meat and dairy products (Shishlina et al. 2016).

Despite popular misconceptions that pastoral nomads do not consume cereals, there is abundant environmental evidence for the consumption of millet by Eurasian pastoral nomads since the third millennium BC (Frachetti 2008, 2012; Svyatko et al. 2013; Spengler 2019: 59–88). There is further isotopic evidence from the Scythian cemetery population at Aymyrlyg in Tuva suggesting that it formed a third of their diet and the high incidence of caries proves that they ate bread (Murphy et al. 2013); elsewhere there is evidence for grain storage pits (Motuzaite-Matuzeviciute, Telizhenko and Jones 2012), and similar storage features were used in medieval and recent times (Frye 2005: 40, 54; Vainshtein 1980: 146, 149–150, 155–157, 162). The reason why millet was the grain of choice for Eurasian nomads is because it is drought-tolerant, can be sown along streams or near springs, does not require ploughing, has a short growing season of two to three months (thus can be planted and harvested before moving camp), and provides a high yield per plant so seed corn can be transported from one camp to another. It was probably consumed over the summer months, rather than saved up for year-round consumption.

A single sample of seeds in Krasnoyarsk Museum was labelled as Tashtyk/Oglakhty. Although their exact findspot was not given, we considered this an opportunity to check the earlier records of millet at Oglakhty supplied by Adrianov and Kyzlasov. The seeds were indeed identified as millet but their radiocarbon dating produced a calibrated date of AD 771–942, suggesting that it had been either mis-labelled within the museum or that there is early medieval re-use of the site (No. 17). Seeds were also recovered from Oglakhty grave 1 in 2020 (see paper by Zaitseva et al. in this volume). Unfortunately, whether millet or other grains have been found in other Tashtyk graves cannot now be proven as most of the former finds are no longer preserved in museum collections and those from recent excavations have not been properly analysed or published. The question of millet consumption, whether wild or domesticated, by the Tashtyk population therefore remains open.

Discussion of the dates

If we exclude the millet seeds and birchbark container, all but two of the dates fall within the early Tashtyk period (first–fourth centuries AD) and all but two come from Graves 1 and 2 in the Eastern plot (Table 2).

Grave 1 is represented by ten samples, eight belonging to different parts of a single object, a funerary bed, and two to grass stuffing of a mannequin or mannequins (their number in grave 1 is unknown). The furniture elements consist of the four legs, each adzed from the lower parts of separate trees, and four branches which formed part of the horizontal bed-frame. All of the legs are from poplar (Nos. 5–8), whereas the frame was constructed of two poplar elements, one pine and one birch (Nos. 1–4). Of these elements the earliest date comes from the pine frame (No. 1): 95 BC–AD 63. The latest dates come from the birch frame (No. 2): AD 233–361 and a poplar bed leg (No. 5): AD 205–330. Other details, all five poplar – two frames (Nos. 3, 4) and three legs (Nos. 6, 7, 8) – provide very similar date-range: AD 121–235, AD 125–235, AD 120–233, AD 81–225, AD 122–231. Poplar is a relatively short-lived tree species, with a normal lifespan of 30 to 50 years. The clustering of these dates indicates a first quarter of the second to first quarter of the third century AD date-range. A date from one of the shortest-lived sample from grave 1 (grass/*Festuca*) (Nos. 9) overlap with the later part of this date-range: AD 227–347, whereas a date from the second short-lived sample overlap all of these intervals almost completely: AD 133–327.

As a result, the calibrated dates of samples from grave 1 fall into three main intervals: 95 BC–AD 63 (one sample), first quarter of the second–first quarter of the third centuries (five samples) and early second to early/mid-fourth centuries AD (four samples). The first interval is presented by a single sample which comes from a substantial chamber log. This could be from an older tree and therefore less reliable for the date of burial construction whereas the others are more reliable for dating the funerary bed. The latest range corresponds to that for the short-lived material used to stuff mannequins holding the cremated human remains and implies that grave 1 was built in the early third to early/mid-fourth centuries AD.

Two samples from grave 2 (Nos. 11, 12) produced dates overlapping in the mid second – early third centuries, namely a pine log cabin fragment, AD 27–204 (No. 12), and grass/*Typha* sp. stuffing of a mannequin, AD 133–324 (No. 11). Taking into consideration the short life of grass and the substantial thickness of the long-lived pine log, the latter should be considered as providing a closer date for grave 2, i.e. the second quarter of the second to second quarter of the fourth century AD.

The earliest dates refer to two pine funerary ‘pillow’ headrests coming from unknown graves: 150 BC–AD 26 (No. 15), 162–1 BC (No. 16) and a log from grave 1 or 2 (147 BC–AD 58 (No. 13). It is not possible to correlate

the earliest two dates with the other materials. As for the third, it should be noted that both long- and short-lived materials from both graves 1 and 2 provide later dates. The early date of the grave log from one of their cabins, carved from a substantial log, could be from an older tree and therefore not as reliable for dating the grave construction.

Conclusion

The new results based on the finds from Adrianov's excavations held in Krasnoyarsk Museum of Local Lore add important details for the understanding of the chronology of the Eastern plot of the Oglakhty cemetery and the exploitation of woody and non-woody species for the construction and fitting out of the graves. The identification of the species used to make the funerary furniture within grave 1 provides the first scientific evidence for the particular types of wood selected, and demonstrate that a single piece of furniture was made from as many as three different species, namely poplar, birch and pine.

Larch was not identified among analysed samples from the Eastern plot, although most of the 19 logs used to construct Kyzlasov grave 4 in the western plot were identified previously as larch. The main species of substantial thickness represented by woody species from the Eastern plot is pine. Two varieties of grass were identified from samples in graves 1 and 2 of the Eastern plot, both used as stuffing of mannequins: *Festuca* (Fescue) of the Poaceae family (grasses and cereals) was revealed in grave 1, *Typha* sp. (cattail) of the family Typhaceae – in grave 2. The question of millet in Oglakhty graves is inconclusive as a sample of millet labelled as coming from the site proved to give a much later calibrated date.

The earliest dates are from the two pine 'pillow' headrests from unknown findspot(s), and date between 162 BC and AD 26: however, these were carved from substantial logs, thus could be from older trees. This can be true for the next three early dates which are also based on pine.

These are two fragments belonging to the log cabin(s) from grave 2 and grave 1 or 2, and part of a funerary bed from grave 1. Those from graves 1 and 1 or 2 provide a combined date-range of 147 BC–AD 63, thus similar to that of the headrests. The fragment from grave 2 among these three is the latest (AD 27–204), and a short-lived grass from grave 2 of AD 133–324 suggests an even later period for grave 2.

A large set of dates from grave 1 based on short-life grass, relatively short-life poplar and long-life birch provides a much later date than that suggested by the pine.

A single piece of birch from the funerary bed dates between AD 233 and 361 and six dates based on poplar from the same piece of furniture fall between AD 81 and 330, averaging between AD 83–233. Poplar is a

relatively short-lived tree species, with a normal lifespan of 30 to 50 years, hence if these were felled at the maximum age, their average date would fall to *c.* AD 208.

Two dates based on short-life grasses place grave 1 between AD 133 and 347 (95.4% probability) and corresponds well with the date on the birch element of the funerary bed. The average of these three dates is AD 138–330 with median at *c.* AD 234, i.e. slightly later than that of the poplar and suggests the first half of the third century as a quite likely date for grave 1.

Grave 1 therefore could be slightly later than grave 2, with all their short- and relatively short-lived dates falling into the date range of AD 142–213. This preliminary conclusion needs to be tested with Bayesian statistics.

Many questions remain as to the detailed spatial organisation of the cemetery, the diachronic development of the different plots and why it is situated in this spot. Clearly, more dates are required from graves in other parts of the cemetery but the latest results suggest that the eastern plot dates between the early second and early fourth centuries, and quite likely in about the early third century AD, whereas the western plot, based on the cumulative results of dates from Kyzlasov grave 4, appears to be a little later and dates to the late third to early fourth centuries.

Graves 1 and 2 contained the best-preserved organic remains of all that Adrianov excavated, including birchbark hair decorations covered with polychrome Chinese silks *jin* (Riboud 1971; Riboud, Lubo-Lesnichenko 1973), the head of a mannequin with a large piece of unpublished *jin* silk and small unpublished pieces of *jin*. Several pieces of *jin* come from grave 4 in the Western plot (Pankova, Mikolaychuk 2019). Almost all of these finds find analogies in the Tarim basin graves and are the only certain imports found at Oglakhty. Chinese silks are not closely dated: those which have been radiocarbon dated are mainly undocumented examples from private collections (Orientations 2004; Zhao 2015), dating of those from the graves rely primarily on grave materials or construction and is therefore as wide as ^{14}C dating of Oglakhty graves (Pankova, Mikolaychuk 2019). Nevertheless, it would be useful to compare and combine these ‘floating’ dates of Chinese silk pieces with ^{14}C dates of the graves from which they originate. For grave 4 (Western plot) both sets of information are available, silks from graves 1 and 2 (Eastern plot) still wait study. This new research will be important for helping to establish a better chronology for both the Oglakhty cemetery plots and the circulation of Chinese silk to Minusinsk steppe.

The possibility of social differences either between or within plots is another question which remains unanswered. However, there are some tantalising hints as some distinctive objects are only known from the Eastern plot, such as the wooden models of dagger scabbards (Tallgren 1937). It is here where plant seeds were noticed, and found in a large quantity beneath the heads of the deceased as a form of pillow (Adrianov 1903b). Similar

finds are not known from the Western plot despite the exceptional preservation and diversity in grave 4. However, it is too early to say whether these differences are real as the other graves excavated here by Adrianov were poorly preserved. In any case, the chronology of the site and all other questions should now be studied critically and in more detail.

Footnotes

1. Here we use numbering of excavated graves given separately by different researchers (Adrianov, Kyzlasov and Vodjasov) for their own excavations as no unified numbering system has been so far developed for the cemetery.
2. First page number is that of the Preliminary report, whose pagination was given by A. Adrianov himself, second number reflects the general throughout pagination given in Imperial Archaeological Commission's file of correspondence with A. Adrianov.
3. We are grateful to Director of this museum Dr A.P. Buzhilova for supplying this information.
4. Old Russian measurement of approximately 71 cm.

Archive sources

- Adrianov A.V.* Oglakhtinsky mogilnik. Rukopis'. Bez goda [Oglakhty cemetery. Manuscript, no date] // Museum of Archaeology and ethnography of Siberia named after V.M. Florinsky. Tomsk State University. № 55/6.
- Kyzlasov L.R.* Otchet o rabote Khakasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1969 r. [Report on the work of the Khakassian Archaeological expedition by Moscow State University in 1969] // Unpublished report, Scientific Archive of the Institute of Archaeology, Moscow, Russian Academy of Sciences. 1970a. F-1. R-1. № 4010, № 4010a (album).
- Preliminary report...* Adrianov A.V. Predvaritelnyi onchet o raskopkah mogilnika i kurganov v gornoy gruppe Oglakhty, proizvedennykh v 1903 g. A.V. Adrianovym [Preliminary report on the excavations of a cemetery and kurgans in mountainous area of Oglakhty, undertaken in 1903 by A.V. Adrianov] // Unpublished manuscript, Scientific Archive of the Institute for the History of Material culture, St Petersburg, Russian Academy of Sciences. Fund 1, file 33. Set of documents collected by the Imperial archaeological Commission on A. Adrianov's excavations in the Yeniseisk province of Russia. January, 3, 1903 – November, 11, 1906. P. 22–24.

References

- Adrianov A.V. Oglakhtinsky mogilnik [Oglakhty cemetery]. In: *XXIX Illyustrirovannoye prilozheniye k gazete 'Sibirskaya zhizn'* [XXIX illustrated attachment to the newspaper 'Siberian life']. 1903a. № 249 (16th November 1903). P. 2–4.
- Adrianov A.V. Oglakhtinsky mogilnik [Oglakhty cemetery]. In: *XXX Illyustrirovannoye prilozheniye k gazete 'Sibirskaya zhizn'* [XXX illustrated attachment to the newspaper 'Siberian life']. 1903b. № 254 (23rd November 1903). P. 2.
- Azbelev P.P. Oglakhtinskaya kultura [Oglakhty culture], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gos. Universiteta*. Series 6, 2007. no. 4, pp. 381–388.
- Amzarakov P.B., Kovaleva O.V. Pamyatniki tashtytskoi kultury mogilnika Abakan 8 [Tashtyk culture sites of Abakan 8 cemetery]. In: *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayan-Altai scientific review]. Abakan: Khakassian Research Institute of history, language and literature, 2016, no. 1 (13), pp. 48–63.

- Blyakharchuk T.A., Tchebakova N.M., Parfenova E.I., Soja A.J. Potential influence of the late Holocene climate on settled farming versus nomadic cattle herding in the Minusinsk Hollow, south-central Siberia, *Environmental Research Letters*, 2014, no. 9, 15 p. (Open access publishing)
- Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates, *Radiocarbon*, 2009, no. 51/1, pp. 337–360.
- Cartwright C.R. The principles, procedures and pitfalls in identifying archaeological and historical wood samples, *Annals of Botany*, 2015, no. 116/1, pp. 1–13. <http://aob.oxfordjournals.org/content/116/1/1.full.pdf+html?sid=4f94de01-bdf1-4496-947b-c9d35981f8da>
- Devyatkin G.V., Kustov Yu.I., Lipatkina O.O., Okaemov S.A., Prokofiev S.M., Rogacheva E.V., Sannikova I.V., Syroechkovsky E.E., Shtilmark F.R. Khakasskiy zapovednik [Khakassian reserve]. In: *Zapovedniki Sibiri* [Reserves of Siberia]. Vol. II. Moscow: Logata, 2000, pp. 129–143.
- Dunbar E., Cook G.T., Naysmith P., Tripney B.G., Xu S. AMS 14C dating at the Scottish Universities Environmental Research Centre (SUERC) Radiocarbon Dating Laboratory, *Radiocarbon*, 2016, no. 58/1, pp. 9–23.
- Frachetti M.D. *Pastoralist Landscapes and Social Interaction in Bronze Age Eurasia*. Berkeley and London: University of California Press, 2008.
- Frachetti M.D. Multiregional emergence of mobile pastoralism and non-uniform institutional complexity across Eurasia, *Current Anthropology*, 2012, no. 53/1, pp. 2–38.
- Frye R.N. *Ibn Fadlan's Journey to Russia. A Tenth-Century Traveler from Baghdad to the Volga River*. Princeton: Markus Wiener, 2005.
- Geel B. van, Bokovenko N.A., Burova N.D., Chugunov K.V., Dergachev V.A., Dirksen V.G., Kulkova M., Nagler A., Parzinger H., Plicht J. van der, Vasiliev S.S., Zaitseva G.I. Climate change and the expansion of the Scythian culture after 850 BC: a hypothesis, *Journal of Archaeological Science*, 2004, no. 31, pp. 1735–1742.
- Gotlib A.I. Yarusnye zakhoroneniya tashtyetskogo mogilnika Chernoozyornoye II v Khakasii [Multi-layered burials of the Tashtyk cemetery Chernoozyornoye II in Khakasia]. In: Nesterov S.P. (ed.) *Tashtytskiye pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraya* [Tashtyk monuments of the Khakassian-Minusinsk region]. Novosibirsk: Khakasia State University named after N.F. Katanov, Novosibirsk State University, 2007, pp. 8–38.
- Gryaznov M.P. Miniatyury tashtyetskoy kultury (iz rabot Krasnoyarskoy ekspeditsii 1968 goda) [Miniatures of the Tashtyk culture (from Krasnoyarsk expedition works in 1968)]. In: *Archaeologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of articles of the State Hermitage]. Leningrad, 1971, Vol. 13, pp. 94–106.
- Gryaznov M.P. Tashtytskaya kultura [Tashtyk culture]. In: Gryaznov M.P. (ed.) *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei na Yenisee* [Complex of archaeological sites at the Tepsey mountain on the Yenisey river]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1979, pp. 89–146.
- Hildebrandt S., Müller S., Kalugin I.A., Dar'in A.V., Wagner M., Rogozin D.Y., Tarasov P.E. Tracing the North Atlantic decadal-scale climate variability in a late Holocene pollen record from southern Siberia, *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, 2015, no. 426, pp. 75–84.
- Kiselev S.V. *Drevnjaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia]. Moscow, Leningrad: Academy of Science, USSR. 1949 / Materialy i Issledovania po Arkheologii SSSR [Materials and Researches on the Archaeology of the USSR, 9].
- Kyzlasov I.L. Kamennye tverdiny Sayano-Altai (landshaftno-planigraficheskie osobennosti) [Stone fortresses of the Sayan-Altai (landscape and planigraphical peculiarities)]. In: *Drevnosti Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia], 2014, no. 7, pp. 156–173.
- Kyzlasov L.R. *Tashtytskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny* [Tashtyk epoch in the history of Khakassian-Minusinsk basin]. Moscow: Nauka, 1960.

- Kyzlasov L.R. Drevnie kreposti Khakasii [Ancient fortresses of Khakasia]. In: *Arkheologicheskie otkrytia 1968 goda* [Archaeological discoveries in 1968]. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Science, 1969, pp. 244–246.
- Kyzlasov L.R. Raskopki v Oglakh-Tah [Excavations at Oglakhty]. In: *Arkheologicheskie otkrytia 1969 goda* [Archaeological discoveries in 1969]. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Science. Moscow, 1970b, pp. 197–199.
- Kyzlasov L.R. Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsia 1969 goda [Khakasian archaeological expedition in 1969]. In: *Uchenye zapiski Khakasskogo instituta istorii, yazyka i literatury* [Scholarly notes of Khakasian research institute of history, language and literature]. Historical series. Abakan. 1971a, Vol. 16, no. 3, pp. 173–176.
- Kyzlasov L.R. Dvadsaty god raboty Khakasskoy ekspeditsii [The twentieth year of work of the Khakasian expedition. In: *Arkheologicheskie otkrytia 1970 goda* [Archaeological discoveries in 1970]. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Science, 1971b, pp. 218–219.
- Kyzlasov L.R. Raskopki srednevekovogo zdaniya v Khakasii [Excavations of Medieval building in Khakasia]. In: *Arkheologicheskie otkrytia 1973 goda* [Archaeological discoveries in 1973]. Moscow: Institute of archaeology, Russian Academy of Science. Moscow, 1974, pp. 209–211.
- Kyzlasov L.R. *Drevneishaya Khakasia* [The most ancient Khakasia]. Moscow: Moscow State University, 1986.
- Kyzlasov L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Essays on the history of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1992.
- Kyzlasov L.R., Pankova S.V. Tatuirovka drevney mumii iz Khakasii (rubezh nashei ery) [Tattoo of the ancient mummy from Khakasia (turn of the Christian era)]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. St. Petersburg: State Hermitage publishing house, 2004, Vol. LXII, pp. 61–67.
- Lubo-Lesnichenko E.I. *Kitay na Shyolkovom puti (Shyolk i vneshniye svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaya)* [China of the Silk Road (silk and external relations of Ancient and Early Medieval China)]. Moscow: Oriental Literature, Russian Academy of Sciences, 1994.
- Meek A., Nikolaev N., Simpson St J. Scientific analyses of some glass beads from Scythian and later sites in Southern Siberia. In: S. Pankova and St J. Simpson (eds) *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020, pp. 296–301.
- Miklashevich E.A. Kompleks pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Oglakhty: informatsionnyy potentsial i perspektivy issledovaniya [Oglakhty complex of rock art sites: informative potential and research perspectives]. In: *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaya. Arkheologia* [Sayan-Altai Scientific review. Archaeology], 2015, no. 1 (9), pp. 54–77.
- Miklashevich E.A. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Oglaktinskogo hrebta: perspektivy nominirovaniya v Spisok vseмирного naslediya UNESCO [Rock art sites of the Oglakhty ridge: perspectives of nomination for the List of the World heritage of UNESCO]. In: *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya)* [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, pp. 268–273.
- Miklashevich E.A. Novye materialy po naskalnomu iskusstvu skifskogo vremeni v gorah Oglakhty (Khakasiya) [New materials on the Scythian period rock art in the Oglakhty Mountains (Khakasia)]. In: *Kratkie soobshheniya instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of archaeology, Russian Academy of Science]. Moscow, 2017, Vol. 248, pp. 185–197.
- Miklashevich E. New data on the Scythian time rock art in the Oglakhty mountains. In: S. Pankova and St J. Simpson (eds) *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020, pp. 302–319.

- Miklashevich E., Simpson St J., Cartwright C.R., Pankova S.V. Radiouglerodnaya datirovka rannetagarского кургана могилника Саргов Улус [Radiocarbon dating of an early Tagar culture kurgan in the Sargov Ulus cemetery]. In: *Mezhdisciplinarnye arheologicheskie issledovaniya drevnikh kultur Yeniseiskoy Sibiri I sopredel'nykh territoriy. Tezisy mezhdunarodnoy kongerentsii* [Interdisciplinary Archaeological Research of the Ancient Cultures of the Yenisei Siberia and Adjacent Territories. Thesis of international conference]. Krasnoyarsk, 2020, pp. 8–11.
- Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Telizhenko S., Jones M.K. Archaeobotanical investigation of two Scythian-Sarmatian period pits in eastern Ukraine: implications for floodplain cereal cultivation, *Journal of Field Archaeology*, 2012, no. 37/1, pp. 51–61.
- Murphy E.M., Schulting R.J., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsyna M. Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the eastern Eurasian steppe: implications from dental palaeopathology and stable carbon and nitrogen isotopes, *Journal of Archaeological Science*, 2013, no. 40, pp. 2547–2560.
- Nikolaev N.N., Pankova S.V. After the Scythians. In: St J. Simpson and S. Pankova (eds) *Scythians: Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames and Hudson, 2017, pp. 322–351.
- Orientations*. 2004. May. No number or volume.
- Pankova S. One more culture with ancient tattoo tradition in Southern Siberia: tattoos on a mummy from the Oglakhty burial ground, 3rd-4th century AD. In: Ph. Della Casa and C. Witt (eds). *Tattoos and body modifications in antiquity* (Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings the Hague and Oslo. 2010/11), Zurich studies in archaeology, 2013, no. 9, pp. 75–96.
- Pankova S.V. Kosy iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogilnika (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Plaits from grave 4 of the Oglakhty cemetery (excavations by L.R. Kyzlasov in 1969)]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyaty G.V. Dluzhnevskoy)* [Archaeological monuments in researches and photographs]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 132–139.
- Pankova S.V. Skify v Velikobritanii: opyt sotrudnichestva Ermitazha i Britanskogo muzeya [The Scythians in Great Britain: experience of cooperation of the Hermitage and the British Museum], *Soobscheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2020a, no. 78, pp. 129–143.
- Pankova S.V. Mehovye odezhdy iz Oglakhtinskogo mogil'nika: shuby iz pogrebeniya 4 [Fur clothes from the cemetery of Oglakhty: coats from burial no. 4], *Arheologicheskie vesti*, 2020b, no. 26, pp. 202–215.
- Pankova S. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia. In: S. Pankova and St J. Simpson (eds) *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017*. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020c, pp. 373–396.
- Pankova S.V. Model' gorita iz Oglakhtinskogo mogil'nika [Model of a goritis from the Oglakhty cemetery]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura I duhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii I etnografii: sbornik nauchnykh statey, posvyaschenny 80-letiyu professora D.G. Savinova* [The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor D.G. Savinov]. St. Petersburg: Institute for the History of Material culture, Russian academy of Science, 2021 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII), pp. 460–474.
- Pankova S.V., Vasilyev S.S., Dergachyov V.A., Zaytseva G.I. Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method, *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2010, no. 2 (42), pp. 46–56.
- Pankova S., Mikolaychuk E. Kitaiskie shelkovye tkani iz Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki 1969 goda) [Early Chinese silks from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia (excavations in 1969)]. In: Wagner M., Tarasov P.E., Chen X.C. (eds). *Silk Road*

- Fashion: People, Materials, Techniques*. Archaeology in China and East Asia. 2019, no. 7, pp. 108–141. Oppenheim: Nünnerich-Asmus Verlag and Media.
- Pankova S.V., Simpson St J. (eds) *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia*. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020.
- Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P., Wagner M. *Die Menschen von Oglakhty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? in E-Forschungsberichte*. URL: <https://publications.dainst.org/journals/efb>. 2020. Deutsches Archäologisches Institut, is. 2.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP, *Radiocarbon*, 2013, no. 55/4, pp. 1869–1887.
- Reimer P.J., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson, C., van der Plicht J., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney C.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S.M., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP), *Radiocarbon*, 2020, no. 62 (4), pp. 725–757.
- Report... *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1903 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1903]. St. Petersburg, 1906.
- Riboud K. New Soviet finds at Oglakhty and their analogy to Aurel Stein textiles – Han period, *Bulletin de CIETA*, 1971, no. 2/34, pp. 30–39.
- Riboud K., Lubo-Lesnichenko L. Nouvelles découvertes soviétiques à Oglakhty et leur analogie avec les soies façonnées polychromes de Lou-Lan – dynastie Han, *Arts Asiatiques*, 1973, no. 28, pp. 139–164.
- Rock art of the Oglakhty*. Album. Abakan, 2017.
- Shirobokov I.G., Pankova S.V. Dannye kompjuternoy tomografii v izuchenii golovy muzhskoy mumii iz pogrebeniya 4 Oglaktinskogo mogil'nika [Computer tomography data for the research of the male mummy's head from grave 4, Oglakhty cemetery]. In: *Arheologicheskie pamyatniki Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Asii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epohi slozheniya godudarstvennykh obrazovaniy. Sbornik statey posvyaschennykh 85-letiyu E.B. Vadetskoy i 90-letiyu G.A. Maksimenkova* [Archaeological monuments of Southern Siberia and Central Asia: from the first pastoralists to the epoch of the state formations. Collection of papers dedicated to the 85th anniversary of E.B. Vadetskaya and 90th anniversary of G.A. Maksimenkov]. St Petersburg: Institute for the History of Material culture, Russian academy of Science, 2021 (in print).
- Shishlina N., Pankova S., Sevastyanov V., Kuznetsova O., Demidenko Yu. Pastoralists and mobility in the Oglakhty cemetery of southern Siberia: new evidence from stable isotopes, *Antiquity*, 2016, no. 90/351, pp. 679–694.
- Simpson St J., Pankova S. (eds). *Scythians: Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames and Hudson, 2017.
- Sosnovsky G.P. O nahodkah Oglaktinskogo mogil'nika [About finds from the Oglakhty cemetery]. In: *Problemy istorii material'noi kultury* [Problems of history of material culture], 1933, Vol. 7/8, pp. 34–41.
- Spengler R.N. *Fruit from the Sands: the Silk Road Origins of the Foods we Eat*. Oakland [CA]: University of California Press, 2019.

- Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, southern Siberia, Russia, *Radiocarbon*, 2009, no. 51/1, pp. 243–273.
- Svyatko S.V., Schulting R.J., Mallory J.P., Murphy E.M., Reimer P.J., Khartanovich V.I., Chistov Y.K., Sablin M.V. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe, *Journal of Archaeological Science*, 2013, no. 40, pp. 3936–3945.
- Tallgren A.-M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period, *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1937, no. 11, pp. 69–90.
- Teplouhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnih metallicheskih kul'tur Minusinskogo kraia (v kratkom izlozhenii) [Attempt of classification of ancient metal cultures of the Minusinsk region (in brief order)]. In: *Materialy po etnografii* [Materials on ethnography]. Leningrad, 1929. Vol. 4, no. 2, pp. 41–62.
- Vadetskaya E.B. Afanasjevsky mogilnik Krasny Yar [Afanasjev culture's burial ground Krasny Yar]. In: *Problemy Zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnja I bronzy* [Problems of East Siberian archaeology. Stone and Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 33–62.
- Vadetskaya E.B. Tashtyckskie nakosniki i pricheski [Tashtyk hair dresses and hair styles]. In: *Zhelezny vek Kavkaza, Sredney Azii i Sibiri* [Iron Age of the Caucasus, Middle Asia and Siberia]. Kratkie soobschenia Instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of archaeology, Russian Academy of Science]. Vol. 184. Moscow, 1985, pp. 7–14.
- Vadetskaya E.B. *Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya* [Archaeological sites in the steppes of Middle Yenisey]. Leningrad: Nauka, 1986.
- Vadetskaya E.B. Modely oruzhia tashtycksoy epokhi [Models of weapons of the Tashtyk epoch]. In: *Voennoe delo drevnego naselenia Severnoy Azii* [Warfare of the ancient population of the Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1987, pp. 67–75.
- Vadetskaya E.B. *Tashtyckskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia] (Archaeologica Petropolitana VII). St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 1999.
- Vadetskaya E.B. *Drevnie maski Yeniseya* [Ancient masks of Yenisey]. Krasnoyarsk: Verso, 2009.
- Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. *Tashtyckskiy pogrebalno-pominalny kompleks Bely Yar 3* [Tashtyk burial commemorative site Bely Yar 3]. Abakan: Khakassian book publishing house, 2015.
- Vainshtein S.I. *Nomads of South Siberia: The Pastoral Economies of Tuva*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Vyshegorodtsev A.A., Kosmakov I.V., Anufrieva T.N., Kuznetsova O.A. *Krasnoyarskoye vodokhranilische* [Krasnoyarsk reservoir]. Novosibirsk: Nauka, 2005.
- Wheeler E.A., Baas P., Gasson P. (eds). IAWA list of microscopic features for hardwood identification, *IAWA Bulletin*, 1989, no. 10, pp. 219–332.
- Zhao F. *Early Chinese Textiles from the Lloyd Cotsen Collection*. Cotsen Occasional Press, Los Angeles, 2015.

Abbreviations

CIETA – Centre International d'Etude des Textiles Anciennes

IAWA – International Association of Wood Anatomists

SA IIMC RAS – Scientific Archive of the Institute for the History of material culture, Russian Academia of Science

SA IA RAS – Scientific Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academia of Science

Новые данные радиоуглеродного и ботанического анализов находок из раскопок 1903 г. на восточном участке Оглахтинского могильника

DOI: 10.17223/2312461X/33/2

Svetlana V. Pankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); The State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: svpankova@gmail.com**Nikolay P. Makarov**, Krasnoyarsk regional museum of local lore (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mnp@kkkm.ru**St John Simpson**, The British Museum (London, Great Britain). E-mail: ssimpson@britishmuseum.org**Caroline R. Cartwright**, The British Museum (London, Great Britain). E-mail: ccartwright@britishmuseum.org

Аннотация. Таштыкский грунтовый могильник Оглахты в Минусинской котловине известен хорошей сохранностью предметов из органических материалов, обнаруженных в ходе раскопок 1903 и 1969 гг. Впервые рассмотрены неопубликованные находки из раскопок А.В. Адрианова 1903 г., хранящиеся в Красноярском краевом краеведческом музее (Оглахты I по маркировке А.В. Адрианова) и происходящие с Восточного участка Оглахтинского могильника. Это предметы из дерева – бревна срубов, детали погребального ложа, чурбаки-подголовья, а также травяная набивка кукол-манекенов, изделие из бересты и зёрна. Публикуется серия из 15 калиброванных радиоуглеродных дат, охватывающая материалы, полученные А.В. Адриановым в могилах 1 и 2, содержащих находки наилучшей сохранности. Ранее радиоуглеродные даты имелись лишь для одного погребения на Западном участке (могила 4, раскопки Л.Р. Кызласова 1969 г.), а датировка других погребений и находок из них строилась на приблизительно датированных аналогиях из других регионов, без учета расположения соответствующих оглахтинских комплексов в пространстве памятника. Ботанические определения материала всех датированных предметов дают исходную информацию об окружающей растительности и ресурсах региона в таштыкский период. Бревна срубов из могилы 2, два подголовья из неизвестных могил и деталь рамы погребального ложа из могилы 1 изготовлены из древесины сосны. Остальные детали погребального ложа – четыре стойки, продольные лаги и поперечины – сделаны из древесины березы и тополя. Набивка кукол представлена двумя таксонами: овсяницей (*Festuca* sp.) в могиле 1 и рогозом (*Typha* sp.) в могиле 2. Овсяница – широкораспространенное степное травянистое растение из семейства злаковых, рогоз растет по берегам рек и ручьев или в заболоченных оврагах. Зерна из неидентифицированных могил были определены как просо, однако их радиоуглеродное датирование показало более молодой возраст, выходящий за пределы таштыкского хронологического диапазона, что может быть связано с ошибочной музейной маркировкой. При определении возраста могил рассматривались комбинации дат, полученных для каждой из них, при этом решающее значение при выборе наиболее достоверного интервала отдавалось датировкам, полученным по короткоживущим образцам (травя). Образцы предметов из немаркированных могил и могилы 1 или 2 – подголовья и бревно сруба, изготовленные из сосны, дали наиболее ранние даты из всех полученных (162 г. до н.э. – 58 г. н.э.). Относительно ранние даты получены и по другим предметам из сосны – бревну сруба из могилы 2 и детали погребального ложа из могилы 1 (95 г. до н.э. – 204 г. н.э.). Образцы древесины тополя и травяной набивки из тех же могил 1 и 2 дали более поздние даты, значит, ранняя датировка названных сосновых предметов может объясняться значительной толщиной сосновых стволов и не отражать достоверно время устройства соответствующих погребений. Могила 1 представлена десятью образцами, два из которых относятся к травяной набивке кожаной куклы (или кукол) и восемь – к деталям погребального ложа. Наиболее ранняя дата (95 г. до н.э. – 63 г. н.э.) получена для сосновой детали ложа. Пять тополиных деталей ложа датируются интервалом 81–235 гг. н.э., причем четыре из них в пределах интервала 120–235 гг. н.э. Наиболее поздние даты получены для березовой

(233–361 гг. н.э.) и тополиной (205–330 гг. н.э.) деталей ложа и двух образцов травы (227–347 и 133–327 гг. н.э.). Даты, полученные по образцам травяной набивки, с наибольшей вероятностью представляют временной интервал устройства могилы 1: 133/227–347 гг.

Могила 2 представлена датировками травы (133–324 гг. н.э.) и соснового бревна сруба (27–204 гг. н.э.), что позволяет относить время устройства этого погребения к интервалу 133–324 гг. Таким образом, согласно результатам радиоуглеродного исследования, могилы 1 и 2 Восточного участка с вероятностью 95% датируются в пределах второй четверти II – середины IV в. н.э. При этом могила 1 может быть несколько моложе могилы 2 (вторая четверть III – середина IV в. н.э.). В дальнейшем более широкое использование возможностей радиоуглеродного датирования и дендрохронологического анализа позволит уточнить оценки возраста захоронений на всех участках Оглахтинского могильника.

Ключевые слова: Красноярский краевой краеведческий музей, Минусинская котловина, Александр Адрианов, таштыкская культура, радиоуглерод, хронология, древесина, трава, зерна, природные ресурсы

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/33/3

ПОГРЕБАЛЬНАЯ КУКЛА С КРЕМАЦИЕЙ ИЗ ОГЛАХТИНСКОЙ МОГИЛЫ 4 (РАСКОПКИ Л.Р. КЫЗЛАСОВА 1969 г.)^{*}

Светлана Владимировна Панкова
Иван Григорьевич Широбоков

Аннотация. Практика таштыкских грунтовых погребений (ранний этап таштыкской культуры Минусинской котловины) объединяла захоронения по двум обрядам: ингумации со свидетельствами вероятной мумификации (трепанация черепа) и кремации с помещением сожженных костей в человекоподобные куклы-манекены. Существование такого биритуализма обычно объясняют неоднородностью таштыкского общества, включившего в свой состав мигрантов, принесших обряд кремации, закрепившийся наряду с местным обрядом ингумации/мумификации. Половозрастные определения погребенных из могильников, раскопанных Э.Б. Вадецкой, показали, что кремации подвергались преимущественно мужчины, а ингумация/мумификация была характерна для женщин, детей и подростков. Оба тезиса, однако, недостаточно обоснованы и требуют подтверждения и конкретизации на широких материалах, как культурных (археологических), так и биологических (антропологических и генетических). Комплекс находок из могилы 4 Оглахтинского могильника (III–IV вв. н.э.) с хорошо сохранившимися органическими материалами предоставляет уникальную возможность для совместного рассмотрения культурных и биологических характеристик погребенных здесь взрослых людей – двух мумий и двух кукол. Возможная субъективность выводов, связанная с индивидуальным характером исходных данных, отчасти компенсируется их детальностью. Культурные характеристики всех погребенных в могиле 4 и краниологические данные мужской мумии были рассмотрены нами ранее. Настоящая статья посвящена изучению одной из кукол с костями кремации. Впервые дается подробное описание куклы и ее одежды, находящегося в ней кожаного футляра с кремированными костями и результаты исследования самих костей. Крупные размеры фрагментов позволили установить пол и возраст погребенного и составить представление о процессе кремации. Приведен обзор немногочисленных известных параллелей оглахтинским куклам в материалах других культур, что важно для дальнейшей интерпретации таштыкских материалов.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Хакасия, Оглахтинский грунтовый могильник, таштыкская культура, куклы-манекены, кремация, погребальный обряд

Введение

Факты совместного захоронения людей, погребенных по разным обрядам, редко фиксируются в археологических памятниках, однако

^{*} Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

именно такие захоронения были характерны для населения таштыкской культуры Минусинской котловины, особенно ее раннего этапа, приблизительно датируемого в пределах I–IV вв. н.э. Здесь в грунтовых могилах с деревянными срубами находят расположенные бок о бок погребения, совершенные по двум основным обрядам: ингумации или мумификации (если черепа трепанированы) и кремации в куклах-манекенах. Иногда встречаются отдельно сложенные кости или следы потревоженных или разложившихся тел, однако эти останки связаны скорее с перезахоронениями и представляют один из этапов погребений по обряду ингумации (Вадецкая 1975: 181; 1986: 40; 1999: 30–31, 49).

Кремация как устойчивый обряд погребения связана в Южной Сибири именно с таштыкскими памятниками. Наряду с другими новшествами этого времени, распространение обряда кремации может свидетельствовать о появлении в Минусинской котловине пришлой группы людей, о чем неоднократно писали исследователи со времен С.А. Теплоухова. Так или иначе, если таштыкские грунтовые захоронения, включающие от двух до четырех взрослых и иногда детей, были семейными гробницами, то люди с разными погребальными традициями жили в пределах одной семьи, что представляет одну из ключевых особенностей таштыкского общества этого периода.

Одна из основных проблем изучения таштыкских грунтовых могильников – происхождение той части населения, появление которой в Минусинских степях и взаимодействие с местными группами привело к формированию новой культуры. Другая проблема связана с интерпретацией погребального биритуализма как возможного отражения устройства таштыкского общества и наличия специфических групп в его составе. Наконец, помещение кремированных останков в имитирующие человеческие тела куклы-манекены, специфичное для таштыкской культуры, также нуждается в объяснении.

Один из способов решения этих вопросов состоит в сопоставлении культурных (археологических) и биологических (половозрастных, антропологических, генетических) характеристик людей, погребенных по разным обрядам.

Скудость сохранившихся предметов в большинстве таштыкских могил и сложность их соотнесения с конкретными погребенными не позволяли до сих пор отдельно описать обычно отражаемые в костюме и сопутствующих материалах культурные особенности людей, захороненных в виде мумий и кукол. Получение антропологических характеристик погребенных также было затруднено по ряду причин. Значительная часть человеческих останков в этих памятниках представлена кремированными останками, длительное время считавшимися малоинформативным источником, который практически не изучали и не брали на хранение. Однако и погребенные по обряду ингумации с антрополо-

гической точки зрения изучены явно недостаточно. Показательно, что последние данные индивидуальных измерений таштыкских черепов опубликованы более полувека назад (Дебец 1948; Алексеев 1954, 1961), хотя раскопки могильников проводились и значительно позднее¹. Изучение мумий, обнаруженных на Оглахтинском могильнике А.В. Адриановым и Л.Р. Кызласовым, затруднялось наличием мягких тканей, и лишь недавно вопрос нашел решение в использовании методов компьютерной томографии (Широбоков, Панкова 2021а; 2021б).

Методами генетики на сегодняшний день изучены лишь останки шести индивидов из могильника Абакано-Перевоз I (Keyser et al. 2009: table 1)². Генетические исследования, к сожалению, не применимы к изучению кремированных останков, так как ДНК не сохраняются в сильно пережженных костях. Родственные связи погребенных могут быть надежно установлены только по данным генетического анализа. Если семейный характер таштыкских могил подтвердится, генетические особенности предполагаемых мигрантов могут отразиться и на характеристиках погребенных по обряду ингумации. Изучение этих вопросов может составить отдельное исследовательское направление.

Больше других вопросами интерпретации таштыкских захоронений по разным обрядам задавалась Э.Б. Вадецкая, организовавшая, в частности, антропологическое исследование кремаций и ингумаций из раскопанных ею памятников. Половозрастные определения значительного числа материалов из могильников Комаркова-Песчаная, Мысок, Терский, Новая Черная IV и V, проведенные М.П. Грязновым, Н.М. Ермоловой и А.В. Громовым, показали, что все определимые кремации в них принадлежали мужчинам, а большинство ингумаций – женщинам (Вадецкая 1975: 181; 1986: 37–39; 1996: 48; Широбоков, Панкова 2021б: табл. 2). На этом основании и опираясь на предположение, высказанное Г.Ф. Дебцем (1948: 129), Э.Б. Вадецкая сформулировала важный тезис о том, что большинство мужчин сжигали, а тела женщин, детей и подростков предавали земле (Вадецкая 1986: 39).

Приведенные Э.Б. Вадецкой числа очень убедительны, но вывод требует уточнения. Соотношение мужчин и женщин в сериях из других могильников, измеренных в рамках более ранних краниологических исследований, не согласуется с идеей о преобладании женщин среди погребенных по обряду ингумации (Дебец 1948; Алексеев 1961). Данные из недавних раскопок могильника Сахсар также свидетельствуют, что выбор кремации или трупоположения не зависел от пола умершего (Грачев 2013: 30). Наконец, по метрическим признакам в целом легче идентифицировать фрагментированные останки наиболее массивных мужских скелетов, чем провести разделение между фрагментами костей женских, грацильных мужских и подростковых скелетов. Возможно, это отчасти повлияло на наблюдение о преобладании мужчин среди

погребенных с идентифицированным полом, захороненных по обряду кремации. Возможно, в действительности связь обряда с полом погребенных отличалась у разных групп населения или менялась со временем.

Так или иначе, необходимо возобновление антропологического изучения таштыкских кремаций и ингумаций с учетом современных представлений о периодизации таштыкской культуры и происхождении таштыкского населения, а также с использованием новых методик. Конкретными важными задачами являются сбор доступных материалов таштыкских ингумаций и кремаций, их целенаправленное изучение по всем возможным для каждого вида погребений параметрам, сопоставление их хронологической и территориальной изменчивости, а также сравнительный анализ половозрастных характеристик погребенных.

Разработанные в последние десятилетия методики работы с кремированными останками позволяют ставить и решать такие вопросы, как температура кремации, положение тела относительно источника огня, состояние тела в момент кремации, связанное со временем, прошедшем от момента смерти до сожжения тела, пол и возраст погребенных, избирательность сбора останков с места кремации (Щеголев 2000; Fairgrieve 2008; Holck 2008; Добровольская 2010). Эти характеристики позволяют судить о некоторых особенностях погребального обряда, т.е. дают информацию, которую, при накоплении достаточного объема данных, можно использовать для сопоставления захоронений из разных таштыкских могильников и культур. Эти методики уже были применены при исследовании таштыкских кремаций под каменными выкладками (Митько, Николаева 2016) и близких по времени кремаций из памятников Нижнего Приангарья (Дедик 2020). Публикации, посвященные изучению кремированных останков из таштыкских грунтовых могил, до настоящей работы отсутствовали.

Возможности анализа культурных и антропологических характеристик мумий и кукол зависят от сохранности и объема материалов, достоверно связанных с каждым из таких погребений. Идеальным комплексом для проведения такого сравнения является могила 4 Западного участка Оглахтинского могильника (раскопки Кызласова 1969 г.), в которой сохранились как предметы одежды и погребального инвентаря, так и мумии и уникальные погребальные куклы с кремированными человеческими останками. Для этой могилы есть и надежные хронологические привязки, позволяющие датировать захоронение III–IV вв. н.э. (Панкова и др. 2010; Панкова, Миколайчук 2019; Pankova et al. 2020).

Культурные характеристики двух найденных здесь мумий и двух кукол уже были рассмотрены в отдельной статье и сопоставлены по таким позициям, как костюм (одежда, обувь, прически) и погребальные принадлежности (подголовья, лицевые покрывала, посмертное оформление лиц) (Pankova 2020). Начало антропологическому изучению мумий из могилы 4

положил анализ головы мужчины при помощи компьютерной томографии (Широбоков, Панкова 2021а, 2021б). Получены данные о возрасте и краниологических особенностях этого погребенного, а также проводимых с его головой посмертных процедурах, следы которых сохранились в виде сшитых разрезов кожи лица и трепанационного отверстия на черепе.

Настоящая статья представляет следующий этап изучения погребенных и сопутствующих им материалов из могилы 4 и посвящена рассмотрению одной из кукол с костями кремации. Впервые дается подробное описание куклы и ее одежды, находящегося в ней кожного футляра с кремированными костями и результаты исследования самих костей. Крупные размеры фрагментов позволили установить половозрастную характеристику погребенного и составить представление о процессе кремации. Полученные данные являются хорошей основой для будущих сопоставлений с материалами других погребальных комплексов. В заключение приведен обзор аналогий оглахтинским куклам с кремациями в материалах территориально и хронологически далеких культур, представления о которых могут оказаться важными для дальнейшей интерпретации таштыкских материалов.

Куклы-манекены из могилы 4

Могила 4 была исследована Л.Р. Кызласовым в 1969 г. на Западном участке памятника. Из всех раскопанных могил она выделяется не только наилучшей сохранностью органических материалов, но и полнотой коллекции, целиком хранящейся в Эрмитаже. Четверо взрослых и ребенок из могилы 4 были погребены по двум разным обрядам (рис. 1, а, б).

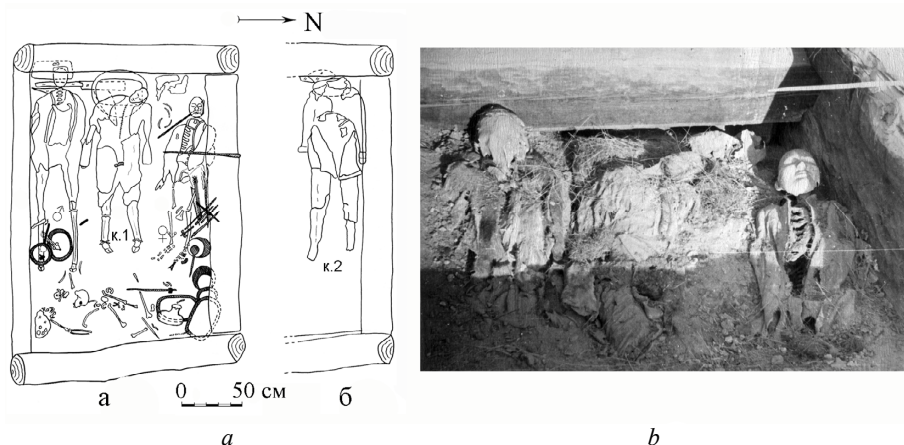

Рис. 1. Оглахтинский могильник, могила 4:
а – план (с рисунка Л.Р. Кызласова 1969 г.); б – Вид погребения
после снятия перекрытия. Фотография Л.Р. Кызласова 1969 г.

Двое взрослых – мужчина и женщина – захоронены по обряду ингумации с трепанированными черепами и расписными гипсовыми масками на лицах. Сходным образом, видимо, был похоронен ребенок, находившийся в ногах взрослых. Недалеко от его черепа лежали обломки маски со следами красной краски (Кызласов 1992; Кызласов, Панкова 2004: 62)³. Тела двух других взрослых были сожжены, а выбранные из костра кости помещены внутрь человекоподобных кожаных манекенов (рис. 2, *a, b*).

Рис. 2. Погребальные куклы из могилы 4 Оглахтинского могильника:
a – кукла 1; *b* – кукла 2 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/78, 2864/....
Фото П.С. Демидова; К.Синявского)

Хорошо сохранившаяся голова подобного манекена и другие его фрагменты были обнаружены в 1903 г. А.В. Адриановым (Tallgren 1937: fig. 5–7; Вадецкая 1999: 22–23, рис. 7). Эти так называемые погребальные куклы – единственные сохранившиеся образцы таштыкских погребений такого рода. Останки подобной куклы отмечены в могильнике Сахсар в Аскизском районе Хакасии (Грачев 2013: 29). В могильнике Староозначенская переправа I (могила 29) кремированные кости человека были разложены на дне могилы в соответствии с анатомическим порядком. Какое-либо вместилище-манекен не упомянуто и, по мнению авторов раскопок, отсутствовало (Митько, Тетерин 2008).

Мумии и куклы в могиле 4 были погребены в меховой одежде и обуви, с характерными прическами, их головы покоились на подголовниках, а на лицах находились особые погребальные покрытия. Сопоставление костюмов мумий и кукол показало их значительное сходство, что позволяет предполагать единство прижизненной культуры оглахтинцев (Pankova 2020). Явное отличие, помимо собственно способа погребения (кремация в кукле или ингумация/мумификация), касалось лишь такой принадлежности ритуального характера, как подголовники. Под головами мумий лежали деревянные чурбаки, а у кукол настоящие кожаные подушки: две из них наполнены сухой травой, третья – волосом северного оленя (рис. 3, *a*, *b*) (Кызласов 1992; Кызласов, Панкова 2004; Кызласов, отчет: 44, 47).

Рис. 3. Подголовья из могилы 4 Оглахтинского могильника:

a – деревянный чурбак из-под головы мужской мумии; *b* – кожаная подушка куклы 2 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/37; 2864/20)

Если отличие в способах погребения действительно было связано с различным происхождением населения, сформировавшего культуру таштыкских грунтовых могильников, можно предполагать, что «бытовые», «повседневные» отличия разных групп со временем нивелировались, тогда как черты их погребальных традиций оказались более устойчивы к ассимиляции. Если верно наблюдение о гендерной специфике мумий и кукол, традиции разных групп могли закрепиться по мужской и женской линиям. Следует, однако, иметь в виду, что эти выводы сделаны по материалам лишь одного погребения и нуждаются в проверке с привлечением дополнительных данных.

Два помещенные в могилу куклы – это человекообразные манекены, сшитые из кожи сухожильными нитями и заполненные скрученной в витки травой. Сожженные человеческие кости помещены в кожаные футляры, находящиеся в области верха живота манекенов.

Кукла 1, лежавшая в центре могилы, сохранилась почти полностью, ее длина 161 см (см. рис. 2, *а*). Передняя часть кожаной головы куклы 1 – ‘лицо’ – обшита красной шерстяной тканью, на которую нанесены горизонтальные полосы черной угольной краской. Под тканью пришит свернутый кусочек кожи, обозначающий нос. Задняя часть головы не сохранилась, и с оборота ‘лица’ видно, что на месте глаз сделаны прорезы. Кожаные уши обшиты отдельными кусочками другой красной шерстяной ткани (Pankova 2020: fig. 17). На темени сохранился фрагмент наосника – кусочек полихромного шелка, пришитый с трех сторон как кармашек, а в нем пучок травы (имитация волос?) (Панкова, Миколайчук 2019: рис. 2–4). На животе куклы была найдена настоящая косичка с обломком деревянной шпильки (Панкова 2018: рис. 2, 1–2), видимо, перемещенная с головы грызунами. Кукла одета в шубу и штаны и обута в сапожки, от которых сохранились носы и передняя часть голенища (Панкова 2020; Pankova 2020: fig. 19).

В месте утраты кожи живота виден уголок футляра (рис. 2, *а*). Рентгенография куклы в области футляра, проведенная в 2012 г. в Отделе научно-технологической экспертизы Эрмитажа, показала, что в футляре подпрямоугольной формы размером около 18 × 23 см расположено плотное скопление костей. Отдельные фрагменты, выступающие за его пределы, представлены среднего размера обломками костей, заполненных губчатым веществом⁴. Хорошая сохранность куклы 1 не позволяет вынуть футляр с кремацией.

У куклы 2 кожа груди и живота, как и часть футляра под ними, сильно разрушена, так что пережженные кости оказались обнажены, что сделало возможным их извлечение и изучение.

Кукла 2: расположение в могиле и сопутствующие предметы, устройство, одежда

Кукла 2 находилась в могиле под телом женщины у северной стенки сруба на толстом желобообразном куске березовой коры. Кукла представляет собой кожаный футляр, в общем виде передающий форму, размеры и пропорции человеческого тела (длина куклы 2 – 153 см). Кукла 2 сохранилась хуже куклы 1: голова и ступни утрачены, область груди разрушена, так что кости сожжения оказались на поверхности. Разрушены и плечевые части рук, а также соответствующие участки шубы. По замечанию Л.Р. Кызласова, кукла 2 «выглядит более старой, в сравнении с куклой № 1» (Кызласов, отчет: 47). Проанализировав расположение погребенных, автор раскопок предположил, что кукла 2, мумия мужчины и ребенок были помещены в сруб первыми, а позднее подхоронили мумию женщины и куклу 1 (Кызласов 1992: 67; Кызласов, Панкова 2004: 62).

Кукла 2 была похоронена в шубе и штанах. Вдоль левой ноги куклы была положена модель горита (рис. 4, *a*) (Панкова 2021), а под ним миниатюрная модель конской уздечки из ремешков с железными удилами и прямыми деревянными псалиями с заостренными шишечками, вырезанными на концах (рис. 4, *b*); здесь же лежала модель нагайки в виде палочки с ремешком. На основании этих находок Л.Р. Кызласов считал, что трупосожжение в данной кукле принадлежало мужчине-воину (Кызласов, Панкова 2004: 62).

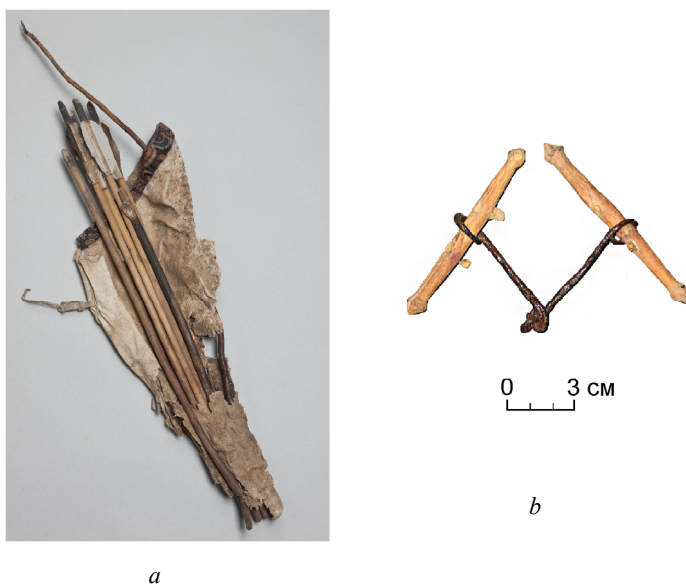

Рис. 4. Оглахтинский могильник, могила 4. Предметы, сопровождавшие куклу 2:
a – модель горита с моделями лука и стрел; *b* – модель узды
 (Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/21; 2864/... Фото П.С. Демидова; С.В. Панковой)

При описании куклы 2 Л.Р. Кызласов упомянул «тонкий кожаный головной убор и человеческую кожу с волосами – нечто вроде скальпа», лежавшие у западной стенки сруба (Кызласов, отчет: 47). Головной убор по покрою подобен шапке мужской мумии (Панкова и др. 2010: рис. 2) и также имеет лицевое покрывало, однако то и другое плохо сохранилось. Загадочный «скальп» – «кожа, снятая с головы погребенного перед сожжением тела» (Кызласов, Панкова 2004: 63), не идентифицирован среди предметов коллекции.

Детали манекена – торс, шея, руки, ноги – сшиты встык толстой двойной сухожильной нитью. Ноги и торс сделаны из толстой слабо выделанной кожи с густым коротким рыжим ворсом, обращенным наружу. Сохранившаяся часть плеч и рук (предплечья), а также шея изготовлены из кожи без ворса (рис. 5, 6, *b*, *c*). Внутри всех частей кожаного футляра – торса, конечностей, шеи – находится травяная набивка. Согласно определению А.В. Калининой 1970 г. (Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР), это листья перистых ковылей (секции *Pennatae*), в основном *Stipa rubens* P. Smirn. (ковыль красный) с небольшой примесью ковыля Иоанна (*Stipa Joannis* Čel.) (Tarasov et al. 2021). Выпавшие отдельные витушки представлены овальными подушечками размером 9–11 × 8 см. В грудной части и некоторых других местах трава спрессована или разрушена до мелкой россыпи. Вероятно, футляр-тело был плотно набит отдельными витушками, а не сшит на какой-то единой травяной основе. Никакого дополнительного каркаса внутри манекена не прослеживается: его нет ни в разрушенной грудной части, ни в заполнении доступной для осмотра правой руки.

Сохранность куклы – фрагментарность и хрупкость кожаных частей, сыпучесть травы – не позволяет с легкостью переворачивать куклу, удалось только ненадолго взглянуть на ее спину и нижнюю поверхность ног. Торс сшит из переднего и заднего кусков кожи, края которого соединены встык вдоль боков куклы. Сверху края торса соединены по плечам, по сторонам от вшитой шеи. Верх спины из сплошного куска кожи сохранился на высоту 15 см. Нижний прямой край кожи торса сшит с верхним обрезом кожи ног, образуя прямые поперечные швы спереди и сзади (см. рис. 5, 6, *c*).

Ноги сшиты из полотнищ кожи, продольные края каждого полотнища соединены спереди по всей длине ног, дополнительно добавлены меньшие фрагменты. Левая рука манекена скрыта в рукаве шубы, который сохранился на 44 см от края манжеты. Правый рукав разрушен и видно, что рука под ним образована свернутым в уплощенный цилиндр фрагментом кожи с продольным швом по внутренней стороне руки. Сохранившаяся длина «руки» – 35 см, ее диаметр 6,5–8 см. Окончание «кисти» оформлено закруглением со сшитыми краями. Подобное закругление просматривается и у левой руки в глубине рукава. Сохранилось соединение правой руки

и торса: кожа руки пришита к торсу как втачной рукав, образуя прямой вертикальный шов. Параллельно этому шву от плечевого шва отходит короткий вертикальный шов (вытачка?) (см. рис. 5).

Образующая шею цилиндрическая деталь собрана из фрагментов, соединенных вертикальными швами: два расположены асимметрично по бокам и один сзади. Шея пришита к торсу по нижнему диаметру, внахлест. Она лучше сохранилась по бокам и сзади, где переходит в «затылок». Он сохранился на высоту 25–26 см, имеет продольный шов, продолжающий шов на шее (см. рис. 5; 6, а, b). Подобный шов есть и у куклы 1 (Панкова, Миколайчук 2019: рис. 3, 2). Небольшой прорыв в коже «затылка» куклы 2 закрыт изнутри полукруглой кожаной заплаткой (см. рис. 6, а).

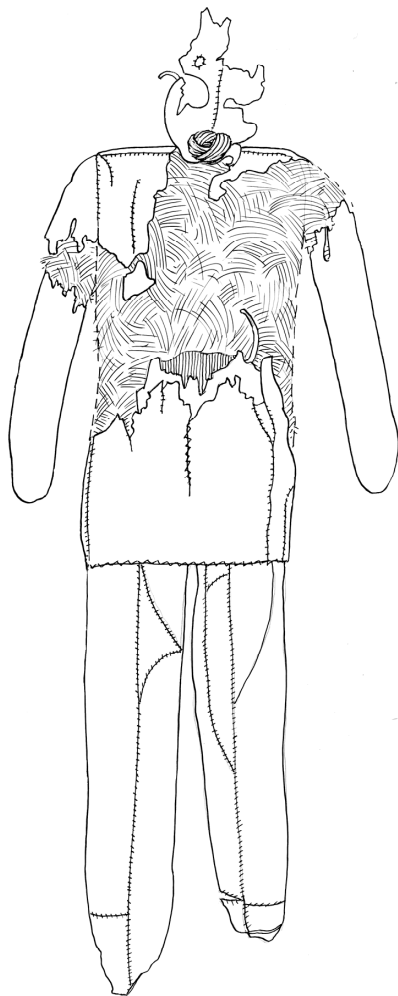

Рис. 5. Кукла 2 – кожно-травяной манекен без шубы и штанов.
Рисунок-схема А.О. Машезерской

a

b

c

Рис. 6. Фрагменты куклы 2: *a* – фрагмент кожи «затылка» со швом, волосками и заплаткой; *b* – плечи и шея куклы 2; *c* – нижняя часть живота куклы 2 и шов ее стыка с ногами; швы на животе и правой ноге. Фото К. Сияевского

На тонкой коже «затылка» снаружи сохранились отдельные тонкие белесые волоски до 1,5 см длиной (см. рис. 6, а). Трудно сказать, оставлены ли они специально для имитации человеческих волос и насколько густыми были раньше. Не этот ли фрагмент был назван Л.Р. Кызласовым человеческим «скальпом»? Подробные описания куклы, сделанные непосредственно после раскопок, не сохранились, видовой принадлежность кожи и волос «затылка» пока не определена.

По центру живота куклы, ниже разрушенной кожи, имеется продольный шов – зашитый встык разрез, не достигающий до соединения торса с ногами. Параллельно ему с правой стороны куклы имеется отрезок подобного шва. Центральный шов мог служить для вкладывания футляра с костями внутрь торса куклы; такой же зашитый разрез имеется у другой, лучше сохранившейся куклы как раз поверх вложенного футляра (см. рис. 2, а).

На куклу надет полушубок мехом внутрь, сшитый из фрагментов шкуры домашнего козла и взрослого северного оленя с оторочкой из меха лайки⁵; двойной стоячий ворот снаружи украшен фигурными аппликациями (Панкова 2020: 209–212, рис. 5) (рис. 7).

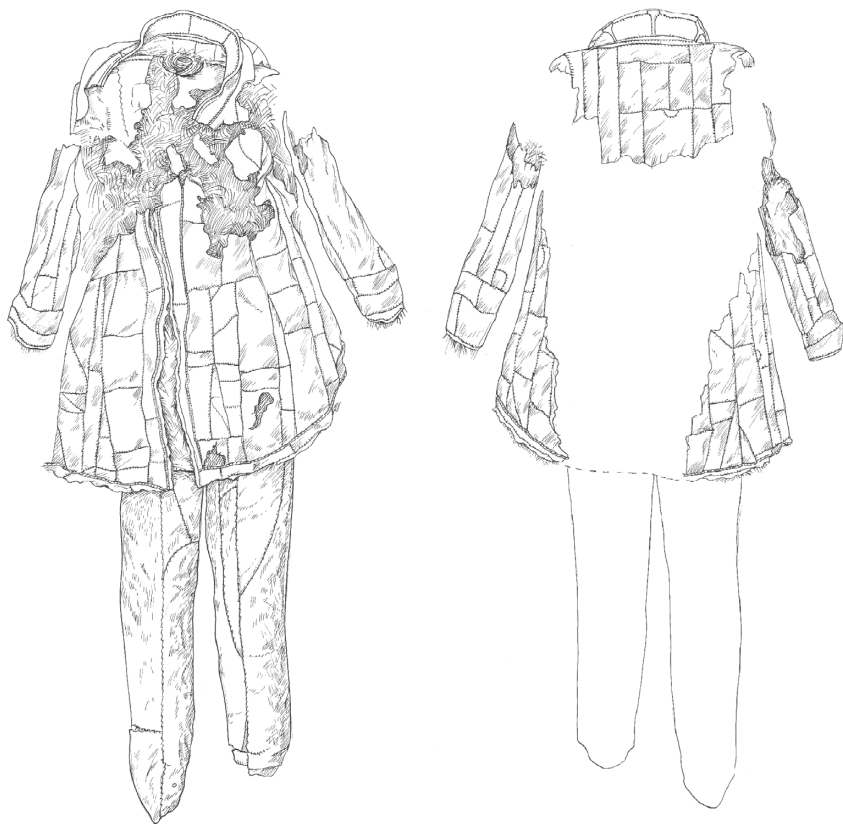

Рис. 7. Кукла 2 – кожно-травяной манекен в шубе и штанах.
Рисунок А.О. Машезерской

Тщательно сшитая шуба с многочисленными заплатками производит впечатление ношенной одежды, использованной погребенным при жизни. Штаны сделаны из шкуры домашнего козла мехом внутрь. Верх штанов прямо обрезан, передняя часть набрана из маленьких кусочков меха, имеется петелька (рис. 8). Вдоль штанин спереди проходят фронтальные рельефные швы. Задняя часть штанов сохранилась значительно хуже, и окончания штанин внизу утрачены, так что установить длину точнее, чем «чуть ниже колен», невозможно – как и в случае с похожими по покрою штанами мужской мумии. Штаны имеют многочисленные заплатки и сильно вытянуты на коленях, что позволяет считать их предметом одежды, использованным погребенным при жизни.

Рис. 8. Меховые штаны, принадлежавшие кукле 2
(длина 80 см; Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/68. Фото П.С. Демидова)

Внутри тела куклы в области живота находился уплощенный кожаный футляр прямоугольной формы (рис. 9, *а*). В длину он сохранился примерно на две трети (23 см), длина короткой стороны составляет 21–22 см. Футляр находился в полости куклы горизонтально (если кукла лежит), длин-

ной осью вдоль оси куклы. Сохранившаяся часть располагалась под неразрушенной частью живота куклы. В настоящее время футляр реставрируется, его кожа размягчается, расправляются заломы и складки. Кожа в основной части футляра несет следы деформации, вызванной давлением плотно лежащих фрагментов костей, однако угловые части футляра остались не заполнены. Вероятно, на момент размещения останков многие костные фрагменты были достаточно крупными, что препятствовало заполнению всего свободного пространства футляра. Все швы футляра сшиты мелкими аккуратными стежками двойной сухожильной нитью, причем швов больше, чем требуется для изготовления такого простого по крою предмета. Возможно, он был переделан из какого-то другого изделия.

Рис. 9. Футляр и кости кремации из куклы 2:
а – кожаный футляр до реставрации; б – кости кремации

Кожа груди и живота куклы 2, как и часть футляра под ними, сильно разрушена, пережженные кости оказались обнажены, что сделало возможным их извлечение и изучение.

Общая характеристика кремированных костных останков

Скелетные останки представлены фрагментами костей взрослого человека, большая часть которых имеет с внешней стороны белый или серый цвет (кремирование до стадии серого и белого каления), однако внутренняя сторона некоторых трубчатых костей, а также фрагменты губчатых костей имеют черный цвет. Размеры фрагментов варьируют от нескольких миллиметров до 15–16 см (рис. 9, б). Среди анатомически идентифицированных фрагментов представлены элементы всех отделов скелета, в том числе черепа, пояса нижних и верхних конечностей, грудного отдела (рис. 10).

Общая масса останков, находившихся в футляре на момент вскрытия погребальной куклы, составляет 919 г и несколько уступает минимальной ожидаемой величине по данным наблюдений в современных крематориях.

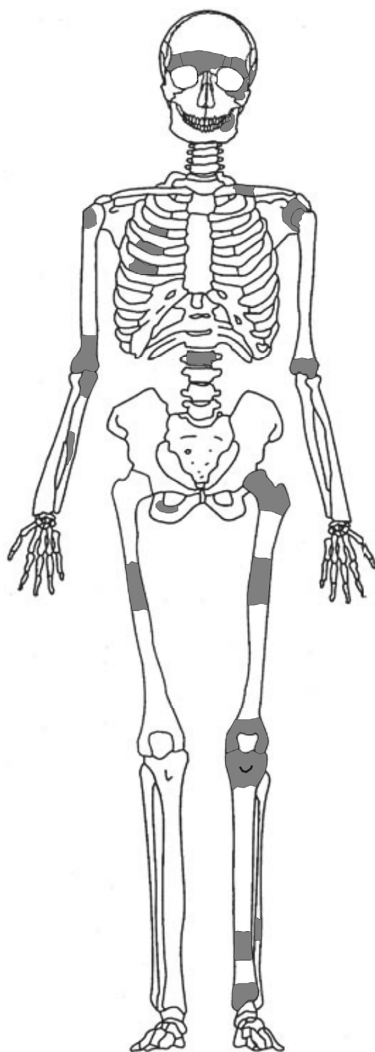

Рис. 10. Анатомически идентифицированные фрагменты скелета из кремированных костей внутри куклы 2 (отмечены серым цветом, в некоторых случаях сторона определена условно)

После кремации тела взрослого человека, протекающей в течение 1–2,5 ч с максимальной температурой от 800 до 1 200°C, общая масса костных останков варьирует от 1 до 3 кг (Bohnert, Rost, Pollak 1998: 19; Щеголев 2000; Chirachariyavej, Limburanasombat, Tiensuwan 2007: 1873; Larsson 2009: 308). Археологические кремации, как правило, имеют значительно меньший вес. Отчасти эти различия объясняются неизбежной утратой части останков при их сборе и переносе на место захоронения, отчасти – разрушительным действием различного рода пост-

депозиционных факторов. Обожженные кости отличаются повышенной хрупкостью, и не случайно трупосожжения в урнах имеют в среднем более крупные размеры и вес по сравнению с безурновыми захоронениями (McKinley 1994).

В рассматриваемом случае можно предположить, что участники погребального обряда старались собрать все наиболее крупные фрагменты костей с места проведения кремации, отделяя фрагменты костей от остатков погребального костра: среди останков из футляра не было зафиксировано ни одного уголька. Помещение останков в футляр минимизировало их фрагментацию в период после совершения захоронения.

Половозрастная характеристика костных останков

Обследование идентифицированных фрагментов показало, что кости принадлежали одному человеку, вероятно, мужчине 20–45 лет. О принадлежности останков мужчине свидетельствует величина наименьшей ширины лба (112 мм), чрезвычайно большая даже в общемировом масштабе (Алексеев, Дебец 1964: 116). При этом восстановленный участок лобной кости таштыкца не демонстрирует характерных мужских признаков. Верхний край глазниц скорее острый, развитие надбровья может быть оценено на 1,5–2 балла, присутствуют надглазничные выемки. Однако метрические характеристики костей посткраниального скелета, в частности ширина нижнего эпифиза плечевой кости (не менее 67 мм без учета усадки костной ткани), также с высокой степенью вероятности позволяют предполагать, что останки принадлежали мужчине (Медико-криминалистическая идентификация... 2000: 272).

Маловероятно, что возраст покойного превышал 40–45 лет, так как сохранившиеся суставные поверхности фрагментов лопатки, большой берцовой, бедренной и лучевой кости не имеют каких-либо следов краевых разрастаний. Однако на сохранившихся фрагментах бедренных и плечевых костей отсутствуют также следы сращения диафизарной и эпифизарной частей, следовательно, возраст погребенного на момент смерти составлял не менее 20 лет. Сохранившийся небольшой фрагмент теменной (?) кости несет следы облитерации шва с внутренней стороны. Это может свидетельствовать о том, что погребенному в момент наступления смерти было не менее 30–35 лет. Индивидуальная изменчивость сроков облитерации швов и плохая сохранность останков делают предпочтительным определение возраста в более широких градациях: *adultus* – *maturus* I (20–45 лет), нежели просто *maturus* I (35–45 лет).

Максимальная температура кремации

Экспериментальные данные, полученные разными исследователями, показывают, что цвет костей может использоваться в качестве грубого

индикатора приблизительной максимальной температуры, при которой протекала кремация. Большинство костей таштыкца сожжено до стадии серого и белого каления, а значит, температура горения на поверхности костей в процессе кремации достигала не менее 700–800°C.

Проведение продолжительной высокотемпературной кремации в древности не являлось чем-то невозможным даже в условиях отсутствия специальных технических средств. Известно, что в ходе экспериментальных наблюдений за горением костра на открытом воздухе была зафиксирована температура 1 430°C, при этом в течение более 40 минут температура превышала 800°C (Shipman, Foster, Schoeninger 1984: 308). Впрочем, маловероятно, что высокотемпературное воздействие было столь продолжительным в рассматриваемом случае. Как указывалось выше, внутренняя часть значительного числа фрагментов обожжена только до состояния черного каления (обуглена), а кальцинированным оказался лишь внешний слой. Таким образом, продолжительность высокотемпературного воздействия оказалась недостаточной для полного выгорания органического компонента костей.

Период, истекший между моментом смерти и временем сожжения тела

Не только черный (иногда с глянцевой текстурой) цвет внутренней поверхности длинных костей, но и криволинейные и U-образные поперечные трещины, наличие деформаций свидетельствуют о том, что кости скелета содержали большой процент органических веществ в период, когда подвергались сожжению. Неравномерная окрашенность фрагментов костей, особенно заметная на суставных поверхностях, позволяет предположить, что, по всей вероятности, сожжению подвергалось тело с еще неразложившимися мягкими тканями и связками. По всей вероятности, тело оглахтинца было подвергнуто кремации в течение первых недель после наступления смерти (эта осторожная формулировка означает, что кремация могла быть проведена и в первые дни, но сегодня мы знаем, что макроскопический анализ кремированных останков, к сожалению, не позволяет устанавливать время сожжения с такой точностью).

Сбор костных останков с места совершения кремации

Необычным для археологических кремаций являются полное отсутствие среди скелетных останков идентифицированных фрагментов фаланг и других костей кисти и стопы, а также низкая доля костей черепа. Даже в современных крематориях более чем в половине случаев фаланги кисти хорошо опознаются после сожжения, при этом, как правило,

они сохраняются лучше, чем фаланги стопы (Holck 2008: 49). Кроме того, общая масса фрагментов черепа в футляре составила всего 54 г, т.е. около 6% от общей массы останков. Между тем известно, что даже в современных крематориях средняя доля идентифицированных костей черепа относительно общей массы кремированных останков варьирует в пределах 13–20% (Chamberlain 1994: 11; Gonçalves et al. 2010). Учитывая значительную общую массу останков, приходится признать, что низкая доля костей черепа не может быть удовлетворительно объяснена чистой случайностью.

Могут быть выдвинуты три основных предположения объяснения такой картины:

1. Отсутствие костей кисти и стопы может объясняться тем, что кремации было подвержено частично разложившееся тело. Кости кисти и стопы нередко первыми освобождаются от мягких тканей и связок, иногда даже раньше, чем череп отделяется от посткраниального скелета (Roksandic 2002: 102; Зайцева 2005). Эта версия является маловероятной (другие аргументы в ее пользу отсутствуют), хотя и не может быть отвергнута полностью. К тому же она не объясняет частичное отсутствие костей черепа.

2. Весьма вероятно, что при сборе останков с места кремации внимание целенаправленно уделялось наиболее крупным сохранившимся фрагментам костей. Вероятно, что мелкие кости и мелкие фрагменты крупных костей сохранялись в кострище на момент завершения кремации, однако они просто не попали на место окончательного захоронения. Эта версия согласуется с указанными выше особенностями расположения останков в футляре, заставляющими предполагать, что собранные кремированные останки сохраняли относительно крупные размеры на момент захоронения. Не совсем ясно, однако, почему в таком случае кости свода черепа, особенно затылочной области, имеющие хорошую сохранность, оказались плохо или совсем не представлены в захоронении.

3. Иногда хорошую сохранность костей стопы и кисти связывают с тем, что они более устойчивы к воздействию огня, а покрывающие их мягкие ткани имеют небольшую толщину, в других случаях с тем, что кисти и стопы часто оказываются на периферии очага возгорания (Holck 2008: 111–112). Отсутствие этих элементов скелета и низкую долю костей черепа у таштыкца можно было бы рассматривать как следствие их попадания в зону высокотемпературного воздействия и разрушения в процессе кремации, что, в свою очередь, предполагает широкую (относительно площади сжигаемого тела) площадь костра и высокую продолжительность горения. Однако выше уже указывалось следующее: характеристики сохранившихся костей свидетельствуют о том, что участниками обряда, по-видимому, не ставилась цель длитель-

ного поддержания интенсивного горения (высокой температуры) костра. Следовательно, более вероятно, что при сборе останков не просто отдавалось предпочтение крупным фрагментам из центральной части кострища перед мелкими, но и центральной области кострища уделялось больше внимания, чем периферийной, а верхним слоям больше, чем нижним.

Таким образом, характеристика останков становится более понятной, если исходить из избирательного подхода участников обряда к останкам уже после завершения кремации, нежели из особенностей непосредственно ее проведения. Очевидно также, что надежные заключения о погребальной обрядности быть могут получены лишь при работе с серией сходных кремаций из других кукол-манекенов. Даже самый тщательный анализ единичных захоронений не позволяет учитывать фактор случайной вариативности фиксируемых антропологами параметров.

Выводы из изучения костей кремации из куклы 2

Скелетные останки из таштыкской куклы, по всей вероятности, принадлежали мужчине 20–45 лет. Кремация тела была проведена в течение первых недель после наступления смерти, до времени распада связок и разложения мягких тканей. Максимальная приблизительная температура кремации составляла не менее 700–800°C, однако очевидно, что участники погребального обряда не стремились поддерживать высокую температуру в течение всего процесса трупосожжения. После кремации большая часть костных останков была собрана, очищена от остатков погребального костра и затем (вероятно, без преднамеренного разрушения и дробления) помещена в футляр. Отсутствие в нем идентифицированных костей кисти и стопы, низкая доля костей черепа свидетельствуют либо о широкой площади костра, либо о том, что при сборе останков отдавалось предпочтение крупным фрагментам. Поскольку отдельные фрагменты длинных костей сохранили крупные размеры и в футляре, весьма вероятно, что сбор останков и очищение от остатков кострища происходили уже после того, как останки остыли до температуры окружающей среды.

Важно отметить, что при работе с археологическими материалами не только реконструкция погребальной обрядности и культурных традиций сопряжена с неизбежными трудностями в интерпретации, обусловленными недостатком необходимой информации, но и даже простое сопоставление характеристик кремированных останков таит в себе высокие риски ошибочных заключений.

Так, может показаться, что различия между характеристиками кремированных останков из исследованных к настоящему времени та-

штыкских захоронений свидетельствуют о существенных вариациях погребального обряда. Например, кости из оглахтинской куклы и захоронений под каменными выкладками из могильника Маркелов мыс II (Митько, Николаева 2016) отличаются по целому ряду параметров: в Маркеловом мысе II существенно ниже средние размеры фрагментов и масса останков, встречаются фаланги пальцев, часть останков, вероятно, принадлежит женщинам. Сходство между захоронениями состоит в высокой температуре кремации и предположительно коротких сроках между смертью и сожжением.

С одной стороны, кремации под каменными выкладками представляют иной тип таштыкских захоронений, нежели грунтовые могильники, и относятся, по мнению авторов публикации, к позднеаташтыкскому времени (103). Поэтому соблазнительно интерпретировать различия между характеристиками останков как обусловленные культурно или хронологически. В частности, авторы исследования Маркелова мыса II предположили, что останки подвергались преднамеренному дроблению, поскольку фрагменты имеют мелкие размеры. Крупные размеры останков из оглахтинской куклы делают излишними такие предположения, как и в случае с кремациями из исследованных Э.Б. Вадецкой таштыкских могильников, средние размеры фрагментов костей в которых достаточно велики (до 8–10 см) (1986: 37).

С другой стороны, все очевидные отличия между захоронениями из грунтовых могильников и под каменными выкладками, за исключением средней массы останков, могут и не иметь никакой культурной основы. Присутствие или отсутствие фаланг пальцев является статистическим фактом, который нельзя учитывать при сравнении с единичными захоронениями. Это же замечание справедливо по отношению к присутствию женских кремаций, идентификация которых к тому же сопряжена с ошибками установления пола, избежать которых невозможно даже при работе с целыми скелетами. Кроме того, значительные различия в средних размерах костных фрагментов не требуют привлечения гипотез о практике преднамеренного дробления костей, поскольку в первую очередь обусловлены неравной степенью защищенности останков от фрагментации в условиях вариативности внешней среды. Костные останки, находившиеся в куклах, в среднем имеют более крупные размеры, чем останки из захоронений под каменными выкладками, просто потому что лучше защищены от разрушительного воздействия различных постдепозиционных факторов, чем вторые. Костные фрагменты в безурновых захоронениях и захоронениях, в которых останки были потревожены, статистически чаще имеют меньшие размеры (McKinley 1994).

Эти наблюдения имеют характер статистической закономерности. Показательно, что два скопления кремированных костей, обнаружен-

ных в 2020 г. в могилах 1 и 2 Центрального участка того же Оглахтинского могильника, имеют большую общую массу останков (1 113 и 815 г), хотя включают в себя преимущественно мелкие фрагменты (Зайцева и соавт., этот сборник). По определениям И.Г. Широбокова останки в обоих скоплениях принадлежали взрослым людям, однако пол установить не удалось. Среди идентифицированных фрагментов в обоих случаях присутствовали элементы всех отделов скелета, в том числе кости кисти и стопы. Как и в других случаях, на кальцинированных фрагментах зафиксированы различные типы трещин, в том числе дугообразные. Это согласуется с предположением о том, что сжигание тел осуществлялось до разложения мягких тканей.

Масса костей кремации из могилы 1 – 1 113 г, т.е. больше минимальной ожидаемой (1 000 г), что является редкостью при работе с археологическими кремациями и чаще характеризует захоронения в урнах и других емкостях, что соответствует реконструируемой ситуации захоронения костей в кукле-манекене, несохранившейся ко времени раскопок (Зайцева и соавт., этот сборник). Кремированные останки из могилы 2 – каменного ящика – также были помещены в футляр, в данном случае сохранившийся, берестяной.

Таким образом, в качестве действительного важного дифференцирующего признака, значительные различия в величине которого между Оглахтинским могильником и Маркеловым мысом II невозможно объяснить средовыми (не связанными с преднамеренными действиями человека) факторами, может рассматриваться только средняя общая масса останков. Культурное значение этих различий неизвестно, но во всяком случае можно утверждать, что в рамках одного варианта обряда важное значение придавалось сбору и захоронению большей части останков, тогда как другой предполагал совершение погребений символической доли «праха», а о судьбе основной части скелетных останков остается лишь догадываться.

Индивидуальная вариативность отдельных характеристик кремированных останков из погребений, совершенных даже в рамках единой культурной традиции, может быть довольно значительна. Надежность заключений несомненно будет возрастать при условии, что сопоставляются группы захоронений, объединенных по территориальному, культурному или хронологическому принципам. Но и работа с массовым материалом не является гарантией от совершения систематических ошибок.

Фиксируемые антропологами и археологами параметры кремаций не всегда идентичны исходным (актуальным на период совершения захоронения). Корректный сравнительный анализ кремаций, происходящих из разных захоронений, требует учитывать как общую массу костных фрагментов, так и относительную долю конкретных элементов скелета (особенно костей черепа, легче других поддающихся идентификации).

Он требует также оценивать возможное влияние внешних факторов на фрагментацию и объем останков, наличие и целостность емкостей для размещения трупосожжений, как фактически зафиксированных во время археологических исследований, так и реконструируемым по косвенным признакам. Важным этапом анализа должно быть выделение тех комплексов признаков, которые хорошо дифференцируют исследуемые серии захоронений, но при этом отличаются низкой внутригрупповой вариабельностью. Разумность этих замечаний вряд ли поставит под сомнение хотя бы один исследователь, но на практике оказывается довольно сложно удержаться от упрощенного подхода к анализу. Систематическое изучение таштыкских кремаций требует пристального внимания со стороны как заинтересованных научных коллективов, так и критически настроенных исследователей.

Половая принадлежность кукол и мумий

Принадлежность кремированных останков из куклы 2 мужчине согласуется с данными Э.Б. Вадецкой о преимущественном сожжении тел мужчин. Кремация из куклы 1 пока не исследована, так как хорошая сохранность манекена и целостность футляра не позволяют извлечь кости без причинения ущерба этому уникальному объекту. Предположение о мужской принадлежности этого захоронения ранее неоднократно высказывалось на основании сходства «лица» куклы 1 с маской мужской мумии из той же могилы 4 (Кызласов 1992; Вадецкая 1986; Панкова 2018): и ткань на лице куклы, и гипсовая маска на мумии ярко-красного цвета, с горизонтальными полосами черной росписи, обе охватывают не только лицо, но и уши;верху маски имеется прямоугольный вырез для уложенной на темени косицы, на верхней части тканевого лица куклы был пришит прямоугольный шелковый наконечник, очертаниями подобный вырезу маски. По-видимому, в обоих случаях отражено посмертное оформление мужского лица и мужская прическа. В соответствии с оглахтинским «стандартом», «по-мужски» – красной шелковой тканью с горизонтальными черными полосами – оформлена лицевая часть головы куклы из раскопок 1903 г. (Вадецкая 2009: рис. 57–59)⁶.

Добавим, что о принадлежности куклы 1 мужчине могут свидетельствовать и ее штаны. Они подобны штанам куклы 2 и мужской мумии, тогда как женщина из могилы 4 погребена в юбке (Панкова 2005; Pankova 2020: fig. 11, 15).

Косвенными аргументами для отнесения сожжений/кукол к числу мужских погребений могут служить находки с ними предметов вооружения, вернее их моделей. С куклой 2 из могилы 4 Оглахтинского могильника найдена модель горита (Панкова 2021), с сожжениями в мо-

гильниках Комаркова-Песчаная, Староозначенская Переправа-1 и Черноозерное-2 – деревянные модели кинжалов в ножнах (Вадецкая 1999: 49, 271; Тетерин, Готлиб 2006). Правда, в Комарковой-Песчаной (могила 47) известна и находка модели ножен у скелета женщины (Вадецкая 1999: 274), так что судить о поле погребенных по сопутствующему инвентарю нужно с осторожностью, отдавая предпочтение антропологическим (и по возможности генетическим) определениям.

Таким образом, предположение о принадлежности кремаций мужчинам подтверждается на примере захоронений в куклах из могилы 4 Оглахтинского могильника. Здесь же, однако, была обнаружена и мумия мужчины, так что вопрос о гендерной специфике способов погребения в таштыкских грунтовых могильниках остается открытым. Видимо, состав общества и дифференциация погребальных норм были более сложными, чем представляется из простого разделения погребенных на кремируемых мужчин и предаваемых земле женщин. Для объективной оценки ситуации необходимо исследование большого массива данных из разных таштыкских грунтовых могильников.

Возможности интерпретации погребальных кукол

Только двоим исследователям – А.В. Адрианову в 1903 г. и Л.Р. Кызласову в 1969 г. – посчастливилось раскопать сохранившиеся таштыкские погребальные куклы и составить о них непосредственное представление, хотя связь кремированных костей с «чучелами» была понята только после раскопок 1969 г. После этого присутствие кукол с сожжениями во многих таштыкских могилах уверенно реконструировалось исходя из расположения костей кремаций на свободном пространстве, достаточном для размещения человеческого тела. Однако сами сохранившиеся куклы до недавнего времени не были опубликованы, что определило скорее условное представление об этих уникальных находках и редкие попытки их объяснения.

Л.Р. Кызласов считал, что мумии и куклы отражали две различные традиции воссоздания облика умерших, одновременно существовавшие в таштыкской культуре: мумификацию и имитацию: «Имитация совмещает черты пришлого и местного обрядов, ибо содержит трупосожжение, сохраняя внешнее подобие трупоположения. Очевидно, что при похоронах люди пытались создать иллюзию единого обряда трупоположения, в ту эпоху превалировавшего среди местного населения, хотя часть новопоселенцев предпочитала вершить исконный для них обряд трупосожжений» (Кызласов, Панкова 2004: 63). Появившийся в Минусинской котловине обряд кремации Л.Р. Кызласов связывал с «пришедшими с юга тюркоязычными гянгунями-кыргызами» (Кызла-

сов 1960: 162–165; Кызласов, Панкова 2004: 63), хотя и не предлагал для них археологических соответствий за пределами Южной Сибири.

Э.Б. Вадецкая считала, что «...очевидная новизна обряда кремации трупов позволяет предполагать, что ее осуществляли в отношении неместного населения, во всяком случае, на ранних таштыкских кладбищах, где приблизительно равное число людей кремировано и похоронено без кремации (Комаркова, Абаканская управа)» (1999: 46–48). По мнению Э.Б. Вадецкой, кремировались только мужчины, отличавшиеся от погребенных по обряду ингумации этнически и антропологически (174). Правда, не обнаружив «следов мигрантов с обрядом трупосожжения на подступах к Саяно-Алтаю», Э.Б. Вадецкая допустила местное возникновение обряда кремации на Енисее (184–185), свидетельство чему она увидела в единичных кремациях Тепсея VII с предметами еще хуннско-тесинского облика (Пшеницына 1979: рис. 48–52; Вадецкая 1999: 185–187).

Поиск истоков обряда кремации действительно осложнен тем, что находки соответствующих погребений на сопредельных и даже отдаленных территориях единичны и пока непонятны (Кызласов 1979: 99, 114–115; Семёнов 1979), либо контекст кремаций и сопутствующий инвентарь не позволяют видеть в них прототипы для раннеташтыкских сожжений (Ширин 2003: 131–132, 138–142; Мандрыка 2018; Сенотрусова 2021); наконец, погребения по обряду сожжения легче подвержены разрушению или могли остаться необнаруженными.

Похоже, по мнению обоих исследователей, только обряд кремации являлся новшеством в Южной Сибири, а не имитирующие/воссоздающие/сохраняющие тело манекены. Э.Б. Вадецкая связывала манекены с местной традицией: «...общие приемы обшивки кожей жестких жгутов травы» использовались для изготовления и таштыкских кукол, и так называемых “минусинских мумий” из позднетагарских/тесинских склепов (в основе которых кости скелетов. – *С.П., И.Ш.*) (Вадецкая 1999: 175–176). Общим для таштыкцев и склепных тесинцев назван и обычай многоактных похорон и длительного хранения тел перед погребением, являющийся, по Вадецкой, местной традицией и связанный с природными условиями Сибири (промерзание земли зимой) и(или) хозяйственным укладом населения – сезонными перекочевками между летниками и зимниками. На существование обычая длительного хранения тел у минусинского населения, оставившего таштыкские грунтовые могильники, указывают свидетельства совершения вторичных погребений, наблюдения о подновлении или ремонте масок и факт трепанации большинства таштыкских черепов – знак вероятного проведения консервирующих процедур с головами и(или) телами умерших. Последнее подтвердилось выявленным фактом мумификации головы одного из оглахтинцев (Широбоков, Панкова 2021a, 2021b).

Итак, Л.Р. Кызласов объяснял помещение кремации в манекены *имитацией единого обряда ингумации*, принятого у местного населения, а Э.Б. Вадецкая связывала его с местной же *традицией воссоздания тел из-за отложенных похорон*, в данном случае примененной к сожженным, т.е. намеренно разрушенным останкам. На наш взгляд, воссоздание тел умерших – кремированных или нет – могло быть связано с необходимостью их присутствия при проведении каких-то ритуалов в период между смертью и похоронами, когда мумия или кукла, заменявшая покойного, еще продолжала находиться среди живых.

При всей редкости археологически фиксируемого обряда кремации в куклах, он все же находит аналогии в культурах Центральной Азии и Китая (Pankova et al. 2020). Именно такой обряд – помещение кремированных останков в антропоморфный объемный манекен из органических материалов – подозревал М.П. Грязнов в андроновских захоронениях могильника Тау-гары в Южном Казахстане, керамика которых отличалась смешением федоровских и алакульских характерных признаков: «В могилах погребен пепел сожженных умерших, но могилы вырыты таких размеров и формы, как будто бы в них хоронили целые трупы умерших. Длина могил 170–240 см, ширина 80–120 см. Можно предполагать, что в могилу кроме пепла погребали также какое-то подобие умершего, сшитое из мягких материалов и, вероятно, одетое в одежды умершего. Очевидно, этим и объясняется, что находимые в могилах предметы украшения, как-то: подвески, серьги, бусы, в том числе стеклянные и легкоплавкие сурьмяные, – не имеют следов пребывания на огне. Так как горшки стоят в восточном конце могилы, а в андроновских могилах посуду ставили в головах погребенного, надо предполагать восточную ориентировку погребенных подобий умершего» (Грязнов 1970: 37).

Доказательства правоты М.П. Грязнова были вскоре получены Н.В. Виноградовым на могильнике Кулевчи VI эпохи поздней бронзы в Южном Зауралье: здесь по анализу микропланиграфии находок (бронзовых деталей наконечника и украшающих обувь бус) реконструировано былое присутствие объемного антропоморфного изображения – «куклы» – с кремированными костями (Виноградов 1984: 151)⁷.

В обоих памятниках присутствовали как федоровские, так и алакульские культурные маркеры. По мнению Н.В. Виноградова, специфика погребений с кремациями в куклах отражает процесс интеграции групп федоровских мигрантов из степей Центрального Казахстана в алакульские общины Южного Зауралья с образованием семейно-брачных отношений, а также желание федоровцев сохранить культурные традиции в условиях невозможности этнического и культурного обособления (Виноградов 2020: 117, 119, 122). Позднее и другие исследователи отмечали вероятное присутствие «кукол» в целом ряде погребений с кремациями в памятниках этого периода.

Захоронения кремированных костей в деревянных и соломенных куклах в человеческий рост с подвижными сочленениями известны и в значительно более поздних памятниках – семейных гробницах периода династии Ляо (907–1125 гг.) в провинциях Хебей и Внутренняя Монголия КНР (Steinhardt 1998; Shen 2005). Многочисленные сопроводительные надписи, отражающие идеи буддийского и даосского содержания, объясняют и иллюстрируют гибридный характер обряда погребения, а также показывают, что погребенных и членов их семей не смущали коренные различия в «посмертной» идеологии буддизма и даосизма: по буддийской традиции для достижения вечной жизни нужно было избавиться от тела, а по даосской, наоборот, сохранить его как залог продолжения существования в загробном мире. Следование обеим традициям в погребальной практике могло рассматриваться как своего рода «двойная страховка» для преодоления смерти (Shen 2005). Такой синкретизм соответствовал и сочетанию «варварских» (киданьских) и китайских традиций в обществе под началом династии Ляо (Steinhardt 1998).

Таштыкские куклы с сожжениями в пределах своего хронологического пласта пока уникальны, но в них, по-видимому, также отразилась ситуация взаимодействия разных мировоззренческих традиций, существовавших в рамках одного коллектива. В отличие от ляоских манекенов, присутствие «тел» покойных у населения Минусинской котловины могло быть необходимо не столько для посмертного существования, сколько для осуществления предпохоронных ритуалов. Впрочем, для реконструкции представлений оглахтинцев о «загробной жизни» данных явно недостаточно.

Заключение

Приведенное описание куклы из оглахтинской могилы 4 и результаты исследования захитых в ней кремированных костей предоставляют новые фактические данные по таштыкским грунтовым захоронениям, совершенным по обряду кремации. Несмотря на единичность изученного погребения, они дают детальную информацию, которая в дальнейшем может быть использована при работе с другими таштыкскими кремациями и при рассмотрении погребального обряда и половозрастных характеристик погребенных в таштыкских грунтовых могильниках.

Изучение костей показало, что они принадлежали мужчине 20–45 лет. Кремация тела была проведена в течение первых недель после наступления смерти, до времени распада связок и разложения мягких тканей. Максимальная приблизительная температура кремации составляла не менее 700–800°C, однако очевидно, что участники погребального обряда не стремились поддерживать высокую температуру в течение всего процесса трупосожжения. После кремации большая часть

костных останков была собрана, очищена от остатков погребального костра и помещена в кожаный футляр, вложенный в область живота куклы. Отсутствие в составе скопления идентифицированных костей кисти и стопы и низкая доля костей черепа свидетельствует либо о широкой площади костра, либо о том, что при сборе останков отдавалось предпочтение крупным фрагментам из центральной части кострища.

Параллели таштыкским манекенам с кремациями, зафиксированными в других культурах Азии, отражали, по мнению их исследователей, взаимодействие разных мировоззренческих традиций, существовавших в рамках одного поликультурного коллектива. Такое объяснение актуально и для оглахтинских/таштыкских кукол с костями сожжений, появившихся в обществе, где на протяжении нескольких веков уживались разные обряды погребений. Специфика каждого из них еще требует дальнейшего исследования, в первую очередь путем сравнительного изучения кремаций и ингумаций с культурной (контекстной, археологической) и биологической точек зрения.

Примечания

1. В монографии В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984) приведены средние значения признаков в сборной таштыкской серии, измеренной И.И. Гохманом, но, к сожалению, в ней не указаны даже названия памятников.
2. Образцы погребенных в могиле 4 мужчины, женщины и ребенка были переданы для изучения их ДНК в две лаборатории, однако результаты пока не получены.
3. Возраст ребенка, по Л.Р. Кызласову, 6–7 лет, тогда как антрополог Е.Н. Учанева (МАЭ РАН) определила череп как принадлежащий подростку 12 лет.
4. Благодарим заместителя заведующего ОНТЭ С.В. Хаврина за проведение этого исследования.
5. Определение заведующего лабораторией млекопитающих ЗИН РАН Н.К. Верещагина, 1970 г.
6. Связь определенных видов росписей таштыкских масок с полом погребенных наиболее ярко отражена в масках из оглахтинской могилы 4: маска на лице мужчины сплошь красная с черными горизонтальными полосами, на лице женщины – белая с красными щеками, лбом и спиральными узорами (Вадецкая 2009: рис. 98–99). Маска с росписью в виде спиралей принадлежала женщине из могильника Абакано-Перевоз I (Вадецкая 2009: рис. 103). По-прежнему справедливо замечание Э.Б. Вадецкой, что «маски в грунтовых могилах обычно сохраняются во фрагментах, поэтому на массовом материале нельзя проверить, насколько их раскраска определяла пол погребенного». Однако здесь же Э.Б. Вадецкая отмечает, что все же в могилах преимущественно встречаются фрагменты белых масок с красными узорами, связывая этот факт с преобладанием женщин среди погребенных по обряду ингумации (1986: 35). Среди единичных сохранившихся кукол нет таких, чьи лица были бы оформлены подобно росписи женских масок. Правда необходимо обратить внимание на описание, данное А.В. Адриановым единственной гипсовой маске с головы куклы (обшитого кожей травяного кома из оглахтинской могилы 2, раскопки 1903 г.). Согласно этому описанию, маска была двойной, и у верхней (внешней) маски «за правой бровью на виске сделана красной краской спираль в 1,5 оборота» (Адрианов, б. г.: л. 8–9, инв. № 24/69; целиком не сохранилась).
7. Благодарим В.С. Бочкарева (ИИМК РАН), познакомившего нас с этой информацией.

Архивные материалы

Адрианов А.В. Оглахтинский могильник. Без года [Опись находок из Оглахтинского могильника, переданных в Красноярский городской общественный музей] // МАЭС им. В.М. Флоринского. ТГУ. Дело № 55/6. На 9 листах.

Литература

- Алексеев В.П. Материалы по палеоантропологии населения Минусинской котловины времени таштыкской культуры // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1954. Вып. 20. С. 52–58.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XX. М.; Л., 1961. С. 238–327.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б. Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 186. С. 33–41.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Вадецкая Э.Б. Древние маски Енисея. Красноярск: Версо, 2009.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. Вып. 3. С. 136–153.
- Виноградов Н.Б. Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI // Поволжская археология. 2020. Вып. 1 (31). С. 117–123.
- Грачев И.А. Новые данные о раннесредневековых памятниках Южной Сибири // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 28–32.
- Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1970. Вып. 122. С. 35–38.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. IV). М., 1948.
- Дедик А.В. Погребения по обряду кремации как источник информации о населении Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Тезисы международной конференции (Красноярск, 20–22 октября 2020 г.). Красноярск: СФУ, 2020. С. 51.
- Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С. 85–97.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Наука, 1960.
- Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции Московского Государственного Университета в 1969 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 4010.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ. 1979.
- Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.

- Кызласов Л.Р., Панкова С.В. Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сообщения Государственного Эрмитажа LXII. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. С. 61–67.
- Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в Южной тайге Среднего Енисея и Низовьев Ангары: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2018.
- Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта. М., 2000.
- Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 98–105.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В. Таштыкская кремация: проблемы интерпретации (по материалам исследования могильника Староозначенская переправа I) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 132–142.
- Панкова С.В. Композитная юбка из могильника Оглахты в Южной Сибири // VI конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: тезисы докладов. СПб., 2005. С. 159–160.
- Панкова С.В. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Дзужневской) / отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 132–139.
- Панкова С.В. Меховые одежды из могильника Оглахты: шубы из погребения 4 // Археологические вести. Вып. 26. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 202–215.
- Панкова С.В. Модель горита из Оглахтинского могильника // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 460–474. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).
- Панкова С.В., Миколайчук Е.А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 г.) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018 г.) / отв. ред. И.И. Ёлкина, М. Вагнер, П.Е. Тарасов. Москва; Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. С. 108–141. (Archaeology in China and East Asia. Т. 7).
- Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачёв В.А., Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» // Археология, этнография, антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 46–56.
- Пушеницына М.Н. Тесинский этап. Комплекс археологических памятников и горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–88.
- Семёнов Вл.А. Археологические памятники конца I тыс. до н.э. в Саянском каньоне Енисея // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Кемерово, 1979. С. 87–89.
- Сенотрусова П.О. Таштыкские вещи в комплексах финала раннего железного века в нижнем течении Ангары // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию д.и.н. Э.Б. Вадецкой и д.и.н. Г.А. Максименкова (19–21 апреля 2021 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 118–119.
- Тетерин Ю.В., Готлиб А.И. Модели кинжалов таштыкской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 141–149.
- Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003.

- Ширококов И.Г., Панкова С.В.* Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из погребения № 4 Оглахтинского могильника // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: материалы международной конференции, посвященной 85-летию д.и.н. Э.Б. Вадецкой и 90-летию д.и.н. Г.А. Максименкова. 19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2021а. С. 107–109.
- Ширококов И.Г., Панкова С.В.* Данные компьютерной томографии в изучении головы мужской мумии из могилы 4 Оглахтинского могильника // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: сборник статей, посвященных 85-летию Э.Б. Вадецкой и 90-летию Г.А. Максименкова. Археологические вести. № 33. СПб.: ИИМК РАН, 2021б (в печати).
- Щеголев С.Б.* Судебно-медицинская экспертиза кремированных останков (экспериментальное и практическое исследование): автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2000.
- Bohnert M., Rost T., Pollak S.* The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire // *Forensic Science International*. 1998. Vol. 95. P. 11–21.
- Chamberlain A.* Human remains. London, 1994.
- Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M.* The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation // *Journal of the Medical Association of Thailand*. 2007. Vol. 90, № 9. P. 1872–1878.
- Gonçalves D., Duarte C., Costa C., Muralha J., Campanacho V., Costa A.M., Angelucci D.E.* The Roman cremation burials of Encosta de Sant'Ana (Lisbon) // *Revista Portuguesa de Arqueologia*. 2010. Vol. 13. P. 125–144.
- Fairgrieve S.I.* Forensic cremation. Recovery and analysis. New York, 2008.
- Holck M.D.* Cremated bones. A medical-anthropological study of an archaeological material on cremation burials. Oslo, 2008.
- Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B.* Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // *Human Genetics*. 2009. Vol. 126 (3). P. 395–410.
- Larsson A.M.* Breaking and making bodies and pots. Material and Ritual Practices in Sweden in the Third Millennium BC. Uppsala, 2009.
- McKinley J.I.* Bone fragment size in British cremation burials and its implications for pyre technology and ritual // *Journal of Archaeological Science*. 1994. Vol. 21. P. 339–342.
- Nikolaev N.N., Pankova S.V.* After the Scythians // *Scythians: Warriors of Ancient Siberia* / eds. St.J. Simpson, S. Pankova. London: Thames and Hudson, 2017. P. 322–351.
- Pankova S.* Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / eds. St.J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 373–396.
- Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P., Wagner M.* Oglakhty, Russland. Die Menschen von Oglakhty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? // *E-Forschungsberichte*. 2020. Deutsches Archäologisches Institut. Is. 2. P. 66–80. URL: <https://publications.dainst.org/journals/index.php/efb/article/view/2595/7094>
- Roksandic M.* Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior // *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives*. Boca Raton; London; New York; Washington, 2002. P. 100–117.
- Shen H.* Body Matters: Manikin Burials in the Liao Tombs of Xuanhua, Hebei Province // *Artibus Asiae*. 2005. Vol. 65, № 1. P. 99–141.
- Shipman P., Foster G., Schoeninger M.* Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage // *Journal of Archaeological Science*. 1984. Vol. 11. P. 307–325.

- Steinhardt N.S. Liao Archaeology: Tombs and Ideology along the Northern Frontier of China // Asian Perspectives. 1998. Vol. 37, № 2. P. 224–244.
- Tallgren A.M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. XI: Helsinki. 1937. P. 69–90.
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Pantelev A.V., Brandt L.Ø., Kyzlasov I.L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE // Quaternary international. Special issue, Holocene Environments, Human Subsistence and Adaptation in Northern and Eastern Eurasia'. 2021. In print.

Статья поступила в редакцию 11 июня 2021 г.

Burial Mannequin with Cremains from the Grave 4 of the Oglakhty Burial Ground (Excavations by L.R. Kyzlasov, 1969)

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/3

Svetlana V. Pankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); The State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: svpankova@gmail.com

Ivan G. Shirobokov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivansmith@bk.ru

The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme

Abstract. The funeral practice of Tashtyk ground burials (early stage of the Tashtyk culture, Minusinsk basin) combined those made according to two different rites: inhumation with evidences of probable mummification (crania trepanation) and cremation with bones placed in human-like mannequins. This biritualism is generally considered as a result of the heterogeneity of the early Tashtyk society, which included migrants who incorporated the tradition of the cremation. Age and sex analyses of individuals buried in the Tashtyk cemeteries excavated by E.B. Vadetskaya showed that men were mostly cremated, while women, as a rule, were buried according to the rite of inhumation. Both conclusions however are not sufficiently proved and need further justification and concretization on the base of the wide materials of both cultural (archaeological) and biological (physical anthropology and genetic) character. Complex of grave 4, Oglakhty cemetery (AD 3–4 centuries) thanks to the well preserved organic remains provides a unique opportunity of considering in conjunction both cultural and biological characteristics of individuals buried here – two mummies and two mannequins. Possible subjectivity of the conclusions, related to the individual character of the source data, can be partly made up for their detailed character. Cultural features of all adult people from grave 4 as well as craniological data of the male mummy have been considered in the previous papers of the authors. Current paper is devoted to a mannequin with cremated bones. Detailed description of the mannequin, its cloths and a leather pocket containing cremated bones is given here for the first time as well as results of the bone analyses. Large size of the bone fragments allowed their age and sex determination and gave an idea on the very process of cremation. An overview of the scarce parallels to the Oglakhty mannequins known from the other cultures is given which is important for the further interpretation of the Tashtyk materials.

Keywords: Southern Siberia, Khakassia, Oglakhty burial ground, Tashtyk culture, mannequins, cremation, burial rite

References

- Alekseev V.P. Materialy po paleoantropologii naseleniia Minusinskoi kotloviny vremeni tashtytskoi kul'tury [Materials on the paleoanthropology of the population of the Minusinsk Basin during the Tashtyk culture]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR* [Brief communications of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. 1954. Vol. 20, pp. 52–58.
- Alekseev V.P. Paleoantropologiya Khakasii epokhi zheleza [Paleoanthropology of Khakassia during the Iron Age]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. Vol. XX. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 238–327.
- Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry. Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR* [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moscow: Nauka, 1984.
- Bohnert M., Rost T., Pollak S. The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire, *Forensic Science International*, 1998, Vol. 95, pp. 11–21.
- Chamberlain A. *Human remains*. London, 1994.
- Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M. The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation, *Journal of the Medical Association of Thailand*, 2007, Vol. 90, no. 9, pp. 1872–1878.
- Debets G.F. *Paleoantropologiya SSSR*. (Trudy Instituta Etnografii. Novaia seriia. Vol. IV) [Paleoanthropology of the USSR. (Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Vol. IV)]. Moscow, 1948.
- Dedik A.V. Pogrebeniia po obriadu krematsii kak istochnik informatsii o naselenii Nizhnego Priangaria v finale rannego zheleznogo veka [Cremation Burials as a Source of Information about the Population of the Lower Angara Region in the Final of the Early Iron Age]. In: *Mezhdistsiplinarnye arkhеologicheskie issledovaniia drevnikh kul'tur Eniseiskoi Sibiri i sopredel'nykh territorii. Tezisy mezhdunarodnoi konferentsii* (Krasnoyarsk, 20–22 oktiabria 2020 g.) [Interdisciplinary Archaeological Studies of Ancient Cultures of Yenisei Siberia and Neighboring Territories. Theses of the international conference (Krasnoyarsk, October 20–22, 2020)]. Krasnoyarsk: SFU, 2020, pp. 51.
- Dobrovolskaia M.V. K metodike izucheniia materialov krematsii [On the Method of Investigations of Cremation Materials], *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*. 2010, Vol. 224, pp. 85–97.
- Fairgrieve S.I. *Forensic cremation. Recovery and analysis*. New York, 2008.
- Gonçalves D., Duarte C., Costa C., Muralha J., Campanacho V., Costa A.M., Angelucci D.E. The Roman cremation burials of Encosta de Sant'Ana (Lisbon), *Revista Portuguesa de Arqueologia*, 2010, Vol. 13, pp. 125–144.
- Grachev I.A. Novye dannye o rannesrednevekovykh pamiatnikakh luzhnoi Sibiri [New Data on Early Medieval Monuments of Southern Siberia]. In: *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekta MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsky Collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2012]. St. Petersburg: MAE RAN, 2013, pp. 28–32.
- Gryaznov M.P. Pastusheskie plemena Srednei Azii v epokhu razvitoi i pozdnei bronzy [The Pastoral Tribes of Central Asia in the Developed and Late Bronze Age]. In: *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Arkheologii*, 1970, Vol. 122, pp. 35–38.
- Holck M.D. *Cremated bones. A medical-anthropological study of an archaeological material on cremation burials*. Oslo, 2008.
- Keyser, C., Bouakaze, C., Crubézy, E., Nikolaev, V. G., Montagnon, D., Reis, T., & Ludes, B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people, *Human Genetics*, 2009, Vol. 126(3), pp. 395–410.

- Kyzlasov L.R. *Drevniaia Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: MGU. 1979.
- Kyzlasov L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Essays on the history of Siberia and Central Asia]. Krasnoiar'sk: Izd-vo Krasnoiar'skogo un-ta, 1992.
- Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Khakasskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta v 1969 g. [Report on the work of the Khakass archeological expedition of the Moscow State University in 1969]. In: *Arkhir Instituta Arkheologii RAN* [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. R-1, № 4010.
- Kyzlasov L.R. *Tashtyskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny* [Tashtyk epoch in the history of Khakasian-Minusinsk basin]. Moscow: Nauka, 1960.
- Kyzlasov L.R., Pankova S.V. Tatuirovka drevney mumii iz Khakasii (rubezh nashei ery) [Tattoo of the ancient mummy from Khakasia (turn of the Christian era)]. In: *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. St. Petersburg: State Hermitage publishing house, 2004, Vol. LXII, pp. 61–67.
- Larsson A.M. *Breaking and making bodies and pots. Material and Ritual Practices in Sweden in the Third Millennium BC*. Uppsala, 2009.
- Mandryka P.V. *Bronzovyi i rannii zheleznyi vek v Iuzhnoi taige Srednego Eniseia i Nizov'ev Angary*. Avtoref. dis. d-ra ist. nauk [The Bronze and Early Iron Age in the Southern Taiga of the Middle Yenisei and Lower Angara. Author's abstract of dissertation for the Doctoral degree in History]. Barnaul, 2018.
- McKinley J.I. Bone fragment size in British cremation burials and its implications for pyre technology and ritual, *Journal of Archaeological Science*, 1994, Vol. 21, pp. 339–342.
- Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiya. Nastol'naya kniga sudebno-meditsinskogo eksperta* [Medical and Forensic Identification. The handbook of the forensic expert]. Moscow, 2000.
- Mit'ko O.A., Nikolaeva T.A. Osobennosti pogrebal'nogo obriada tashtyskского naseleniia (po dannym antropologicheskogo analiza zakhoroneniia pod kamennymi vykladkami na mogil'nye Markelov Mys II) [Peculiarities of the Burial Rite of the Tashtyk Population (According to the Anthropological Analysis of Burials Under Stonework at the Markelov Cape II Burial Ground)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2016, no. 6(44), pp. 98–105.
- Mit'ko O.A., Teterin Iu.V. Tashtyskaia krematsiia: problemy interpretatsii (po materialam issledovaniia mogil'nika Starooznachenskaia pereprava I) [Tashtyk Cremation: Problems of Interpretation (on Materials of Research of Burial Ground Starooznachenskaya Pereprava I)], *Vestnik NGU. Seriya: istoriia, filologiya*, 2008, Vol. 7, Is. 3, pp. 132–142.
- Nikolaev N.N., Pankova S.V. After the Scythians. In: *Scythians: Warriors of Ancient Siberia* / eds. St.J. Simpson and S. Pankova. London: Thames and Hudson, 2017, pp. 322–351.
- Pankova S. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia. In: *Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017* / Eds. St J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020, pp. 373–396.
- Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P., Wagner M. Oglakhty, Russland. Die Menschen von Oglakhty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? *E-Forschungsberichte*. 2020. Deutsches Archäologisches Institut, issue 2. pp. 66–80. Available at: <https://publications.dainst.org/journals/index.php/efb/article/view/2595/7094>
- Pankova S., Mikolaychuk E. Kitaiskie shelkovye tkani iz Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki 1969 goda) [Early Chinese silks from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia (excavations in 1969)]. In: Wagner M., Tarasov P.E., Chen X.C. (eds). *Silk Road Fashion: People, Materials, Techniques*. Archaeology in China and East Asia. 2019, no. 7, pp. 108–141. Oppenheim: Nünnerich-Asmus Verlag and Media.

- Pankova S.V. Kompozitnaia iubka iz mogil'nika Oglakhty v Iuzhnoi Sibiri [Composite skirt from the Oglakhta burial ground in southern Siberia]. In: *VI kongress etnografov i antropologov Rossii. Sankt-Peterburg, 28 iyunia – 2 iuliia 2005 g. Tezisy dokladov* [VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia. St. Petersburg, June 28 - July 2, 2005]. 2005, pp. 159–160.
- Pankova S.V. Kosy iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogil'nika (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Plaits from grave 4 of the Oglakhty cemetery (excavations by L.R. Kyzlasov in 1969)]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyah i fotografiyah (pamyaty G.V. Dluzhnevskoy)* [Archaeological monuments in researches and photographs]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 132–139.
- Pankova S.V. Mehovye odezhdyy iz Oglakhtinskogo mogil'nika: shuby iz pogrebeniya 4 [Fur clothes from the cemetery of Oglakhty: coats from burial no. 4], *Arheologicheskie vesti*, 2020, no. 26, pp. 202–215.
- Pankova S.V. Model' gorita iz Oglakhtinskogo mogil'nika [Model of a goritus from the Oglakhty cemetery]. In: Smirnov N.Yu. (ed.) *Tvoret's kul'tury. Material'naya kul'tura I duhovnoye prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii I etnografii: sbornik nauchnykh statey, posvyaschennyi 80-letiyu professora D.G. Savinova* [The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor D.G. Savinov]. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Science, 2021 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII), pp. 460–474.
- Pankova S.V., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I. Radiouglerodnoe datirovanie oglakhtinskoi grobnitsy metodom «wiggle matching» [Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method], *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2010, no. 2(42), pp. 46–56.
- Pshenitsyna M.N. *Tesinskii etap. Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov i gory Tepsei na Enisee* [Tesi stage. Complex of archaeological monuments and the Tepsei Mountain on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka, 1979, pp. 70–88.
- Roksandic M. Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior. In: *Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives*. Boca Raton, London, New-York, Washington, 2002, pp. 100–117.
- Semenov V.I.A. Arkheologicheskie pamiatniki kontsa I tys. do n.e. v Saianskom kan'one Eniseia [Archaeological monuments of the late 1st millennium BC in the Sayan Canyon of the Yenisei]. In: *Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva* [Problems of Scythian-Siberian cultural and historical unity]. Kemerovo, 1979, pp. 87–89.
- Senotrusova P.O. Tashtytskie veshchi v kompleksakh finala rannego zheleznogo veka v nizhnem techenii Angary [Tashtyk items in Early Iron Age Final Complexes in the Lower Angara]. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poiyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya gosudarstvennykh obrazovaniy*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiyu d.i.n. E.B. Vadetskoi i d.i.n. G.A. Maksimenkova (19–21 aprelya 2021 g.) [Archaeological Monuments of South Siberia and Central Asia: From the Emergence of the First Pastoralists to the Epoch of State Formations Formation. Materials of the international scientific conference dedicated to the 85th anniversary of Dr. E.B. Vadetskaya and Dr. G.A. Maksimenkov (April 19-21, 2021)]. St. Petersburg: IIMK RAN, 2021, pp. 118–119.
- Shchegolev S.B. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kremirovannykh ostankov (eksperimental'noe i prakticheskoe issledovanie)*. Avtoref. dis. ... k.m.n. [Forensic Examination of Cremated Remains (Experimental and Practical Study). Author's abstract of dissertation PhD (Cand.) in medical sciences]. St. Petersburg, 2000.
- Shen H. Body Matters: Manikin Burials in the Liao Tombs of Xuanhua, Hebei Province, *Artibus Asiae*, 2005, Vol. 65, no. 1, pp. 99–141.

- Shipman P., Foster G., Schoeninger M. Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage, *Journal of Archaeological Science*, 1984, Vol. 11, pp. 307–325.
- Shirin Iu.V. *Verkhnee Priob'e i predgor'ia Kuznetskogo Alatau v nachale I tysiacheletii n.e. (pogrebal'nye pamiatniki fominskoi kul'tury)* [Upper Priob'ye and the foothills of the Kuznetsk Ala Tau at the beginning of the 1st millennium AD. (Funerary monuments of the Fomin culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost', 2003.
- Shirobokov I.G., Pankova S.V. Dannye komp'yuternoi tomografii v izuchenii golovy muzhskoi mumii iz pogrebeniia № 4 Oglakhtinskogo mogil'nika [Computer tomography datae for the research of the male mummy's head from grave 4, Oglakhty cemetery]. In: *Arkheologicheskie pamiatniki Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poiavleniia pervykh skotovodov do epokhi slozheniia gosudarstvennykh obrazovaniy*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu d.i.n. E.B. Vadetskoi i 90-letiiu d.i.n. G.A. Maksimenkova. 19–21 aprelia 2021 g., Sankt-Peterburg [Archaeological monuments of Southern Siberia and Central Asia: from the first pastoralists to the epoch of the state formations. Materials of the conference dedicated to the 85th anniversary of E.B. Vadetskaya and 90th anniversary of G.A. Maksimenkov]. St Petersburg: Institute for the History of Material culture, Russian academy of Science, 2021a, pp. 107–109.
- Shirobokov I.G., Pankova S.V. Dannye komp'yuternoy tomografii v izuchenii golovy muzhskoy mumii iz pogrebeniya 4 Oglakhtinskogo mogil'nika [Computer tomography datae for the research of the male mummy's head from grave 4, Oglakhty cemetery]. In: *Arheologicheskie pamyatniki Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya godudarstvennykh obrazovaniy*. Sbornik statey posvyashchennykh 85-letiyu E.B. Vadetskoy i 90-letiyu G.A. Maksimenkova [Archaeological monuments of Southern Siberia and Central Asia: from the first pastoralists to the epoch of the state formations. Collection of papers dedicated to the 85th anniversary of E.B. Vadetskaya and 90th anniversary of G.A. Maksimenkov]. St Petersburg: Institute for the History of Material culture, Russian academy of Science, 2021b (in print).
- Steinhardt N.S. Liao Archaeology: Tombs and Ideology along the Northern Frontier of China, *Asian Perspectives*, 1998, Vol. 37, no. 2, pp. 224–244.
- Tallgren A.M. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period, *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI: Helsinki. 1937, pp. 69–90.
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Pantelev A.V., Brandt L.Ø., Kyzlasov I.L., Wagner M. New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE", *Quaternary international*. Special issue: Holocene Environments, Human Subsistence and Adaptation in Northern and Eastern Eurasia'. 2021. In print.
- Teterin Iu.V., Gotlib A.I. Modeli kinzhalov tashtytskoi kul'tury [Models of daggers of the Tashtyk culture], *Vestnik NGU. Seriya: istoriya, filologiya*, 2006, Vol. 5, Is. 3-S2, pp. 141–149.
- Vadetskaia E.B. Cherty pogrebal'noi obriadnosti tashtytskikh plemen po materialam gruntovykh mogil'nikov na Enisee [Features of Tashtyk tribes' funeral rites based on the materials of the Yenisei soil burial grounds]. In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri* [Primitive archeology of Siberia]. Leningrad: 1975, pp. 173–183.
- Vadetskaia E.B. *Drevnie maski Eniseia* [Ancient masks of Yenisey]. Krasnoarsk: Verso, 2009.
- Vadetskaia E.B. Mumii i pogrebal'nye kukly tashtytskikh mogil'nikov [Mummies and funerary dolls of the Tashtyk burial grounds]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of archaeology, Russian Academy of Science]. 1986, Vol. 186, pp. 33–41.

- Vadetskaia E.B. *Tashtytskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII), 1999.
- Vinogradov N.B. Antropomorfnye “kukly” v pogrebal'noi obriadnosti mogil'nika Kulevchi VI [Anthropomorphic “Dolls” in the Funeral Rites of Kulevchi VI Burial Ground], *Povolzhskaya arkheologiya*, 2020, Vol. 1(31), pp. 117–123.
- Vinogradov N.B. Kulevchi VI – novyi alakul'skii mogil'nik v lesostepiakh Iuzhnogo Zaural'ia [Kulevchi VI - a new Alakul burial site in the forest-steppe of the Southern Trans-Ural], *Sovetskaia arkheologiya*, 1984, Vol. 3, pp. 136–153.
- Zaitseva O.V. *Pogrebeniia s narushennoi anatomicheskoi tselostnost'iu kostiaka: metodika issledovaniia i vozmozhnosti interpretatsii*. Avtoref. dis. ... k.i.n. [Burials with compromised anatomical integrity of the skeleton: research methodology and interpretation possibilities. Author's abstract of dissertation PhD (Cand.) in History]. Novosibirsk, 2005.

УДК 902/904

DOI: 10.17223/2312461X/33/4

МНОГОАКТНОСТЬ РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЭКСГУМАЦИЯ В ТАШТЫКСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В 2020 г.)*

Ольга Викторовна Зайцева
Евгений Вячеславович Водясов
Юрий Викторович Ширин
Игорь Юрьевич Слюсаренко

Аннотация. В научный оборот вводятся новые материалы, полученные в ходе раскопок на аварийном участке Оглахтинского могильника в 2020 г. В его центральной части исследовано грунтовое погребение таштыкской культуры, совершенное в деревянном срубе. В погребении обнаружены компактно расположенные кремированные останки взрослого человека у северной стенки сруба и разрозненные необожженные кости конечностей, принадлежащие другому взрослому, находящиеся вне анатомического порядка в южной половине сруба. Установлено, что изначально в могилу были помещены останки двух человек. Первый был сожжен на стороне, а его кремированные останки, вероятно, были помещены в погребальную «куклу». Второй человек был захоронен по обряду ингумации. Парные биритуальные погребения достаточно типичны для таштыкской культуры. По прошествии некоторого времени, за которое мягкие ткани и связки индивида, погребенного по обряду ингумации, частично или полностью успели истлеть, его останки были аккуратно извлечены из могилы. После этого была восстановлена целостность погребального сооружения – сруб был перекрыт накатом из десяти бревен и «обернут» слоями бересты. Рассмотрены случаи эксгумации в других могильниках и намечены перспективы реконструкции сложного ритуального сценария многоэтапных таштыкских похорон.

Ключевые слова: таштыкская археологическая культура, погребальный обряд, эксгумация, Минусинская котловина

Введение

В любом исследуемом погребении нам в первую очередь открывается материальное воплощение реакции сообщества на смерть его конкретного члена. Часто археологи склонны воспринимать погребение как некое один раз и навсегда совершенное действие, вольно или невольно перенося на иные культуры опыт своего взаимодействия с современными погребальными практиками, которые, действительно, те-

* Статья написана при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

перь чаще всего укладываются в один акт, достаточно четко ограниченный по времени.

Однако уже более ста лет назад антропологом Робертом Герцем была высказана идея рассматривать смерть не как событие «прерывания» и «конца», а как протяженный социальный процесс, который заново «пересоздает» людские сообщества после травмы утраты. По сути, Герц первый смог объяснить существование ритуальной практики «двойных похорон». Тело покойного становится объектом ритуалов, на который направлена коллективная активность. Включение умершего в сообщество предков не станет окончательным, пока его материальные останки не воссоединятся с их останками. Именно манипуляции с телами покойных, иногда весьма продолжительные и многоступенчатые, и позволяют вернуть общество в равновесие после утраты (Герц 2019).

Практикам перезахоронения человеческих останков, вторичного обращения и иным самым разнообразным многоэтапным манипуляциям с телами покойных не всегда уделяется достаточное внимание. Несмотря на кажущееся для нас очевидное преобладание «обычных», т.е. одноактных погребальных ритуалов, наличие вторичных, или окончательных погребальных обрядов, по некоторым современным оценкам, характерно более чем для 75% традиционных обществ. При этом отмечается, что вторичные погребальные обряды более характерны для оседлых обществ, чем для кочевых (Schroeder 2001).

Иногда нам удастся археологически зафиксировать подобные многоэтапные практики обращения с умершими. Так, таштыкская культура демонстрирует нам поразительную сосредоточенность на самых разнообразных манипуляциях с телами покойных: трепанация и мумификация, разные варианты кремации, в том числе с созданием кукол-манекенов, вторичные, расчлененные и парциальные погребения. Каждый из этих случаев требует тщательной фиксации и изучения на основе интеграции методов археологии, физической антропологии и судебной медицины. В данной статье мы на конкретном примере из раскопок Оглахтинского могильника 2020 г. покажем, что население таштыкской культуры практиковало сложные многоэтапные формы обращения с умершими, пока не поддающиеся какой-либо однозначной интерпретации и требующие дальнейшего исследования и осмысления.

Материалы погребения 1 из раскопок Оглахтинского могильника 2020 г.

В ходе исследований совместной экспедиции Государственного Эрмитажа и Томского университета в 2019 г. на территории Оглахтинского могильника были зафиксированы разрушения – в центральной части могильника образовался почвенный провал. Тогда мы предположили,

что он мог образоваться над грунтовым погребением, у которого под действием тяжести почвы обрушилось перекрытие, и поставили вопрос о проведении спасательных раскопок в следующем полевом сезоне.

В 2020 г. раскоп размером 10×8 м был заложен над провалом почвы таким образом, чтобы последний оказался в центре раскопа. Однако наши ожидания того, что провал маркирует разрушающееся погребение, не оправдались. Непосредственно в провале ни погребения, ни каких-либо других археологических объектов обнаружено не было. Образование провала было связано с сезонными водотоками и естественным размывом почвы.

Тем не менее после снятия первого пласта на глубине 0,3 м от уровня современной поверхности на краю провала было зафиксировано пятно светло-серой супеси, маркировавшее грунтовое погребение. На этом же уровне в центре пятна обнаружены фрагменты придонной части сосуда с поддоном.

Дальнейшие исследования показали, что к восточному краю провала примыкают западная стенка погребального сруба. Бревна западной стенки сруба и перекрытия над ней уже начали постепенно «сползать» в провал (рис. 1, 2).

Рис. 1. Берестяное перекрытие погребального сруба. Погребение 1. Раскопки 2020 г.

Рис. 2. Бревенчатое перекрытие погребального сруба. Погребение 1. Раскопки 2020 г.

На глубине 0,5 м от уровня современной дневной поверхности расчищено берестяное покрытие сруба размером $2,26 \times 1,35$ м, состоящее как минимум из четырех берестяных полотен, плотно уложенных друг на друга. Берестяные полотна были цельными и не имели никаких следов повреждения, что указывало на ненарушенный характер погребения. Берестяные полотнища с перекрытия опускались по внешним сторонам сруба до дна ямы. Между листами бересты снаружи от северной и восточной стенок сруба найдены единичные ребра овцы. После снятия бересты расчищено бревенчатое перекрытие сруба, состоящее из 10 бревен, уложенных параллельно друг другу в поперечном направлении север–юг (рис. 2). Размер перекрытия $1,83 \times 1,33$ м в самых широких частях. Все концы бревен подтесаны с нижней стороны для более плотного примыкания к бревнам верхнего венца, а торцы отесаны наискось, что является характерным признаком таштыкских срубов. Семь бревен под действием грунта и с течением времени надломились, и частично провалились внутрь сруба, три бревна перекрытия уцелели. Интересно при этом отметить, что ровно лежащие на

бревнах перекрытия берестяные полотнища практически не отразили деформацию бревен.

Таким образом, в погребальной яме был расчищен сруб, сложенный в два венца, бревна которого были соединены «в лапу». Размеры сруба $2 \times 1,15$ м, высота 0,4 м. На дне сруба обнаружено берестяное полотнище размером $1,55 \times 0,65$ м. Находки, а также человеческие кости располагались непосредственно на этом берестяном полотне. В погребении обнаружены останки, предположительно, двух взрослых индивидов, представленные кремированными и не кремированными костями (рис. 3, 4).

У северной стенки сруба на берестяном полотне расчищены компактно залегающие кремированные останки. Размер скопления кремированных костей $0,47 \times 0,28 \times 0,08$ м. Незначительная часть кремированных костей разнесена по погребению в результате деятельности землеройных животных. Кремированные останки принадлежали взрослому человеку. Определить пол не удалось. Среди идентифицированных останков присутствуют элементы всех отделов скелета. Останки представлены кальцинированными костями преимущественно небольшого размера с различными типами трещин, в том числе дугообразными. Общая масса кремированных останков – 1 143 г.

Компактное расположение кремированных костей, их положение относительно погребального сруба и сопоставление ситуации с уже изученными ранее погребальными комплексами таштыкской культуры позволяют предположить следующее: после сожжения на стороне взрослого человека, его кремированные останки были собраны и помещены внутрь «погребальной куклы». Такие «куклы» представляли собой полноразмерные имитации человеческого тела, сшитые из кожи или меха и одетые в одежды, вероятно, принадлежавшие умершему (Вадецкая 1975, 1999).

Рис. 3. Ортофотоплан расчищенного погребения 1. Раскопки 2020 г.

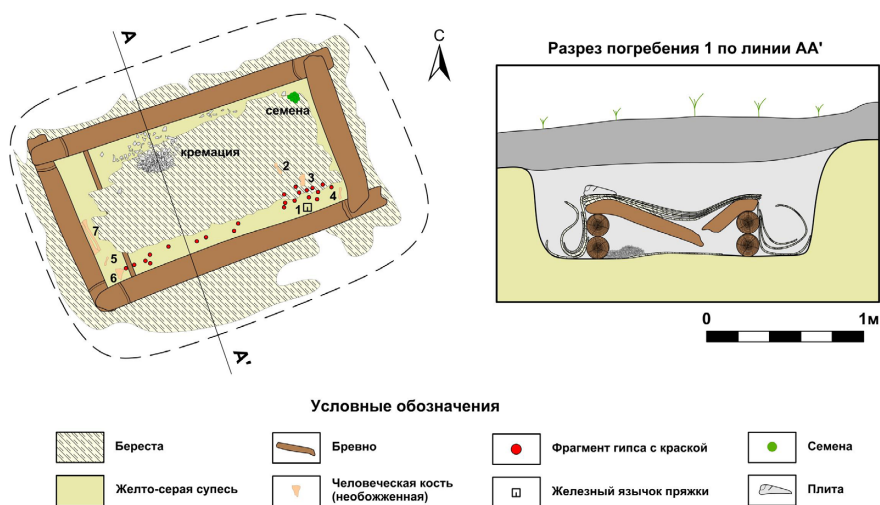

Рис. 4. План погребения 1. Раскопки 2020 г.:

- 1 – железный язычок пряжки; 2 – фрагмент плюсневой или пястной кости;
 3 – фрагмент правой пяточной кости с задней таранной суставной поверхностью;
 4 – тело пястной кости; 5 – тело фаланги кисти; 6 – фрагмент верхнего эпифиза
 большеберцовой кости; 7 – диафизы правой локтевой и лучевой костей

Кроме компактного скопления кремированных останков в погребении также обнаружены отдельные необожженные кости конечностей взрослого человека. Эти кости находились в южной части погребения вне анатомического порядка. В расположении костей зафиксирована интересная особенность: они образуют два условных скопления в юго-западном и юго-восточном углах южной части сруба. Юго-западное скопление представлено четырьмя костями: фаланга кисти, фрагмент верхнего эпифиза большеберцовой и диафизы правой локтевой и лучевой костей, лежащие вдоль западной стенки сруба. Юго-восточное скопление представлено тремя костями: фрагмент плюсневой или пястной кости, фрагмент правой пяточной кости с задней таранной суставной поверхностью и фрагмент пястной кости. Все эти кости принадлежали, с высокой долей вероятности, одному взрослому индивиду возрастом 20–40 лет, пол которого определить не удалось.

В южной половине погребения помимо разрозненных костей конечностей человека были также обнаружены очень мелкие фрагменты гипса со следами красной краски. Эти фрагменты буквально представляли собой гипсовую крошку, но их наличие и, тем более, следы на них красной краски указывали на то, что в погребении могла присутствовать характерная для таштыкской культуры гипсовая погребальная маска.

В большинстве таштыкских грунтовых могил гипсовые маски находятся в очень плохом состоянии, их почти никогда не удается «снять»

целиком, они буквально «рассыпаются» при расчистке. Но при этом, в каком бы состоянии они не были, они четко локализованы на черепе погребенного. Даже в случае, если маски были перемещены и разбиты и находились в нескольких скоплениях, всегда можно понять по количеству фрагментов гипса, что целая маска изначально была в могиле. В нашем случае картина иная: мы собирали и фиксировали только гипсовые крошки. Просев всего грунта из могилы в сетке с мелкой ячейкой в 0,2 см исключал вероятность того, что мы могли «пропустить» мелкие фрагменты гипса, как и костей. Фрагменты гипсовой крошки расположены шлейфом вдоль южной стенки сруба. Ни в центральной, ни в северной части могилы ни одного фрагмента гипса не обнаружено. В юго-восточном углу сруба найден железный язычок от пряжки, а в северо-восточном углу сруба зафиксировано скопление семян.

На основании полученных радиоуглеродных дат могила датирована III–IV вв. н.э. (полные данные по радиоуглеродным датировкам материалов из раскопок 2020 г. готовятся к публикации).

Возможная реконструкция последовательности действий, приведших к наблюдаемому в погребении положению скелетных элементов

Знания о погребальном обряде других таштыкских грунтовых могильников, размер погребального сруба, расположение останков погребенных и инвентаря позволяют сделать предположение о том, что первоначально в погребальный сруб были помещены останки двух человек, похороненных по обрядам кремации и ингумации.

Первого сожгли на стороне, кремированные кости собрали и зашили в куклу-манекен, которую поместили в северную половину могилы. В южную часть могилы поместили взрослого человека, похороненного по обряду ингумации. Сам факт сочетания кремации и ингумации в одной могиле типичен для таштыкских кладбищ. Однако положение и комплектность костей индивида, погребенного по обряду ингумации, нетипичны и вызывают целый ряд вопросов.

Первый вопрос связан с некомплектностью костяка. В могиле присутствуют только разрозненные кости верхних и нижних конечностей. Ни одного фрагмента остального посткраниального скелета в могиле нет, также полностью отсутствуют кости черепа. Можно было бы предположить, что могила была нарушена при ограблении, но сохранившееся целостность перекрытие из бревен и бересты исключают такой вариант. Полное отсутствие костей туловища и головы при хорошей сохранности отдельных костей конечностей, находящихся не в анатомическом состоянии, требует своего объяснения.

Кроме того, требует объяснения и наличие следов от маски в виде гипсовых крошек на дне могилы, при отсутствии остатков самой гип-

совой маски. Единственная гипотеза, которая может объяснить наблюдаемую ситуацию, указывает на поспогребальные действия. Первоначально было совершено парное погребение по достаточно распространенному в таштыкской культуре варианту с сочетанием в одной могиле кремации и ингумации. Наличие гипсовой маски на ингумированном теле не исключает, что покойник был мумифицирован. По прошествии некоторого времени, за которое мягкие ткани и связки индивида, погребенного по обряду ингумации, успели частично или полностью истлеть, его останки были достаточно аккуратно извлечены из могилы. Особое внимание было уделено черепу с гипсовой маской и костям туловища. Часть костей конечностей намеренно или не намеренно не была изъята из могилы. Так как следов перекапывания заполнения могилы не выявлено, нельзя исключать, что первоначально сруб, перекрытый бревнами и берестой, мог какое-то время стоять в открытой яме. Затем вскрытый погребальный сруб вновь был аккуратно «запечатан» накатом из 10 бревен и берестяными полотнищами. После проведения неких обрядовых действий, оставивших кости овцы и разбитый сосуд, погребальная яма была засыпана.

Заключение

Выявленный нами случай эксгумации одного из похороненных в парной могиле на Оглахтинском кладбище с последующим восстановлением целостности погребального сооружения наглядно демонстрирует сложное, разнообразное и многоэтапное обращение с телом умершего после его биологической смерти и до смерти «социальной».

Естественным образом возникает вопрос о дальнейшей судьбе извлеченных из погребения останков. Однозначный ответ мы вряд ли когда-нибудь получим, но ряд интересных наблюдений, сделанных нашими коллегами при исследовании других таштыкских грунтовых кладбищ, могут пролить свет на эту проблему.

Перемещение останков молодой женщины из одной могилы в другую зафиксировано на кладбище Сахсар. Одна из могил с парным захоронением мужчины и женщины была вскрыта, женский скелет изъят, свидетельством чему стала ступня левой ноги, оставшаяся в могиле. Скелет с отсутствующей левой ступней и нарушенной анатомией был обнаружен в соседней могиле вместе с кремированными останками другого человека (Грачев 2013: 39).

Э.Б. Вадецкая также отмечала случаи эксгумации в таштыкских грунтовых кладбищах: «...на Красной Гриве об извлечении покойников свидетельствовали случайно завалившиеся под нижний венец сруба либо фаланга пальца человека, либо несколько сожженных косточек, либо нашивка на одежду – амулет» (Вадецкая 1999: 30).

Если посмотреть на массив данных, накопленный по таштыкским грунтовым могильникам, то станет очевидным, что «потревоженные» могилы встречаются очень часто. Привести сейчас достоверную статистику невозможно, так как идентифицировать нарушения могил родственниками погребенных и возможные более поздние ограбления часто не позволяет состояние источниковой базы. Впрочем, состав инвентаря таштыкских грунтовых погребений вообще ставит под сомнение возможность их массового и целенаправленного ограбления с «целью наживы». Также очень сложно достоверно различить парциальные, вторичные и нарушенные погребения, если во время исследования погребений в поле непосредственно не присутствовал антрополог и специалист по судебной-медицинской остеологии.

Э.Б. Вадецкая, основываясь на своем богатейшем опыте изучения таштыкской культуры, высказала гипотезу о существовании временных первичных захоронений на таштыкских грунтовых могильниках: «Таким образом, возможно, что покойников выкапывали и перезахоранивали сами родственники. Это объясняет большое количество копанных могил, которые обычно и видят археологи на поверхности земли в виде небольших западин. На одних могильниках (Новая Черная IV и Красная Грива) срубы, из которых извлечены покойники, ничем не отличаются от других: аккуратно сложены, окутаны берестой. На других они нестандартные, выглядят как временные захоронения: неглубокие простые ямы, закрытые плитами или жердями. Хотя нестандартных могил очень мало, они подтверждают версию о первичных и вторичных захоронениях, т.е. о многоактности похоронных процедур» (Вадецкая 1999: 31).

Пока мы не можем достоверно реконструировать весь сложный ритуальный сценарий многоэтапных таштыкских похорон. Движение в этом направлении возможно только при активном участии антропологов и судебных медиков на всех этапах исследований. К сожалению, пока междисциплинарный подход исследования положения и состояния скелетных элементов непосредственно в момент их обнаружения еще не получил должного распространения в российской археологии, несмотря на отдельные положительные примеры (Abramov et al. 2015). Кроме того, весьма актуален был бы тщательный анализ таштыкских погребальных комплексов на предмет отделения случаев сознательной эксгумации, проводимой родственниками умерших, от позднейших банальных ограблений могил.

Литература

- Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999.

- Герц Р. Смерть и правая рука. М.: Arspress, 2019.
- Грачев И.А. Новые данные о раннесредневековых памятниках Южной Сибири // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 28–32.
- Abramov A., Veselovskaya E., Dolgov A., Engovatova A., Mednikova M., Nikitin S., Safarov A. Forensic archaeology in the Russian Federation // Forensic archaeology in global perspective (eds W.M. Groen, N. Márquez-Grant and R.C. Janaway). Chichester, West Sussex; Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Ltd., 2015.
- Schroeder S. Secondary Disposal of the Dead: Cross-Cultural Codes // World Cultures. 2001. № 12. P. 77–93.

Статья поступила в редакцию 11 июня 2021 г.

Multiple activities of ritual actions and exhumation in Tashtyk cemeteries (based on excavation data from the Oglakhty cemetery in 2020)

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/4

Olga V. Zaitceva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: snori76@mail.ru

Evgeny V. Vodyasov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Yuriy V. Shirin, Novokuznetsk Institute of the Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: shirin_a@mail.ru

Igor Y. Slusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: slig1963@yandex.ru

The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

Abstract. The new materials obtained during the 2020 excavations in the emergency site of the Oglakhta burial ground are introduced into the scientific community. In its central part, a soil burial ground of the Tashtyk culture, located in a wooden blockhouse, was investigated. In the burial were found compactly positioned cremated remains of an adult at the northern wall of the log cabin, while in the southern half of the log cabin we found scattered unburnt limb bones, not in anatomical order, belonging to another adult. It has been established that the remains of two individuals were originally placed in the grave. The first was burned on the side, and his cremated remains were probably placed in a burial “doll.” The second person was buried in an inhumation ceremony. Paired burials are quite typical of the Tashtyk culture. After some time had passed, during which the soft tissues and ligaments of the individual buried according to the rite of inhumation had partially or completely decayed, his remains were carefully removed from the grave. After that the integrity of the funerary structure was restored – the log cabin was covered with a roll-up of ten logs and “wrapped” in layers of birch bark. We considered cases of exhumations in other burial grounds, and outlined the prospects for reconstruction of the complex ritual scenario of the multistage Tashtyk burials.

Keywords: Tashtyk archaeological culture, burial rite, exhumation, Minusinsk valley

References

- Vadetskaia E.B. Cherty pogrebal'noi obriadnosti tashtykskikh plemen po materialam gruntovykh mogil'nikov na Enisee [Features of Tashtyk tribes' funeral rites according to the materials of the Yenisei soil burial grounds]. In: *Pervobytnaia arkheologiya Sibiri* [Primitive Archaeology of Siberia]. Leningrad, 1975, pp. 173–183.

- Vadetskaia E.B. *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri [The Tashtyk Era in the Ancient History of Siberia]*. St. Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe Vostokovedenie”, 1999.
- Gerts R. *Smert' i pravaia ruka [Death and the Right Hand]*. Moscow: Arspress, 2019. (in Russian)
- Grachev I.A. Novye dannye o rannesrednevekovykh pamiatnikakh Iuzhnoi Sibiri [New Data on Early Medieval Monuments of Southern Siberia]. In: *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekta MAE RAN v 2012 g.* [Radlov's Collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2012]. St. Petersburg, 2013, pp. 28–32.
- Abramov A., Veselovskaya E., Dolgov A., Engovatova A., Mednikova M., Nikitin S., Safarov, A. Forensic archaeology in the Russian Federation. In: *Forensic archaeology in global perspective* (eds W.M. Groen, N. Márquez-Grant and R.C. Janaway). Chichester, West Sussex; Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Ltd. 2015.
- Schroeder S. Secondary Disposal of the Dead: Cross-Cultural Codes, *World Cultures*, 2001, no. 12, pp. 77–93.

MISCELLANEA

УДК 572+929

DOI: 10.17223/2312461X/33/5

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЛИКА ТЮМЕНСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА С ЦЕЛЮ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ*

Елизавета Валентиновна Веселовская
Анна Владимировна Рассказова
Алексей Юрьевич Конев
Оксана Васильевна Конева

Аннотация. Приводятся результаты экспертизы фрагментов черепа, найденных при реставрации объекта культурного наследия федерального значения «Церковь Спаса», расположенной в Тюмени. Предположительно, в склепе храма в 1916 г. были перезахоронены купец первой гильдии, тюменский городской голова А.И. Текутьев и его супруга. Проверка этой версии обусловила необходимость изучения их биографий, сопоставления данных метрических книг и сообщений в прессе того времени. Приведена биография А.И. Текутьева и описан тот внушительный вклад, который он сделал в развитие и процветание Тюмени. При обнаружении останков в склепе «Церкви Спаса» встал вопрос об их идентификации. Именно благодаря значимости фигуры Текутьева для города власти задались целью воздать должное его памяти, перезахоронив останки (при условии, что будет доказана их принадлежность знаменитому градоначальнику) и увековечить память путем создания мемориала. Инициативу поддержала общественность города. В связи с этим были осуществлены поиски родственников городского головы, не приведшие к положительным результатам, что не позволило провести генетическую экспертизу. Тогда было принято решение осуществить реконструкцию прижизненного облика по найденным останкам методом восстановления лица по черепу М.М. Герасимова и сопоставить полученные портреты с имеющимися прижизненными фотографиями А.И. Текутьева. Для успешной, но не обязательно положительной, идентификационной экспертизы необходимы удовлетворительная сохранность черепа и наличие прижизненных фотографий хорошего качества. Поскольку оба условия были соблюдены, идентификация оказалась возможной. Результаты экспертизы позволяют сделать за-

* Статья написана в соответствии с планами НИР ИЭА РАН и ИПОС ТюмНЦ СО РАН. Идентификационная экспертиза выполнена в соответствии с Государственным контрактом № ЗИКН от 11.09.2020 по заказу Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области. Историко-биографическое исследование осуществлено в рамках Госзадания № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

ключение о принадлежности останков Текутьеву Андрею Ивановичу с высокой достоверностью.

Ключевые слова: А.И. Текутьев, сибирское купечество XIX – начала XX в., фотосовмещение, идентификационная экспертиза, антропологическая реконструкция внешности

А.И. Текутьев: исторический портрет

Имя купца и мецената, городского головы А.И. Текутьева хорошо известно жителям Тюмени. Текутьевская больница, Текутьевский сад, училище Текутьева, театр – это лишь немного из того обширного наследия, которое он оставил тюменцам. Человек талантливый, с непростым характером и сложной, интересной судьбой. Современник так описывал внешность Андрея Ивановича: «...коренастый, слегка сутуловатый, с крупными чертами лица, звериными, острыми, черными глазами исподлобья, с выдающейся нижней челюстью... с русским носом картошкой» (Кубочкин 2017: 14). Вид у него был суровый и даже отталкивающий. Он вызывал у людей разные эмоции: его уважали, боялись, боготворили, кого-то он раздражал, кто-то испытывал к нему даже ненависть. Его имя нередко всплывало в контексте разного рода скандалов, например с фальшивыми деньгами или продажей непригодной крупы. И все же он остался в памяти тюменцев прежде всего как человек, заботившийся об устройении жизни в городе и много для этого сделавший.

Публикаций, посвященных личности и деятельности самого известного тюменского предпринимателя-мецената, вышло немало. Значительную часть из них составляют публицистические и научно-популярные статьи и заметки в краеведческих изданиях и тюменской периодической печати. Как правило, они выходили в годы юбилейных дат со дня рождения Андрея Ивановича. Мы обратим внимание только на немногочисленные научные публикации историков, часть которых имеет справочный характер (Жиров, Скубневский 1997; Беспалова 2002; Храмцов 2010; Анкушева 2011). Первым полноценным биографическим исследованием, посвященным А.И. Текутьеву, является недавно вышедшая книга тюменского историка-краеведа С.Н. Кубочкина (2017). Опираясь на эти публикации, привлекая архивный материал и сведения из изданий начала XX в., мы представляем краткий исторический портрет А.И. Текутьева.

«Отец мой был крестьянин»

Родился Андрей Иванович 14 октября 1838 г. в день Покрова Пресвятой Богородицы в деревне Борковской (ныне Борки) Тюменского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина Ивана Ивановича Те-

кутьева и его жены Варвары Ивановны (в девичестве Созоновой). Он был четвертым ребенком. На третий день, невзирая на осеннюю распутицу, младенец был крещен. Крещение состоялось в Екатерининской церкви (Великомученицы Екатерины) села Созоновского, что в 15 верстах от Борков, где до этого были венчаны его родители и крещены старшие братья и сестра. Из шестерых детей Текутьевых четверо умерли во младенчестве. Выжили двое – Андрей и его младшая сестра Анна (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 982. Л. 264 об.; Д. 985. Л. 138 об.; Д. 986. Л. 229 об., 235 об.; Д. 988. Л. 193 об., 201 об.; Д. 989. Л. 208 об.; Д. 991. Л. 322 об.; Д. 992. Л. 410 об.; Д. 996. Л. 394 об., 416 об.).

В 1843 г. семья Ивана Текутьева переезжает в Тюмень и селится в Заречье (на левом берегу р. Туры). Сам он занимался выделкой кож и «вел мелочное коммерческое дело». О своем детстве Андрей Иванович оставил всего несколько строк: «До 12 лет я был помощником в домашнем обиходе, и между делом учился грамоте самоучкой». Далее он сообщает, что в 12 лет был отдан в хлеботорговую лавку купца Данченкова. Начинал подручным, а в 15 лет стал старшим приказчиком, «ответственным лицом» и имел в подчинении работников старше себя. Это очень беспокоило его матушку, которая, по словам А.И. Текутьева, имела над ним «более власти, чем отец». Мать-то и забрала его из торговой лавки практически силой. Но в 17 лет он снова поступил туда же управляющим и работал там, пока не женился (Сибирский листок 1904: 2–3; Кубочкин 2017: 11).

Документальных сведений о первых двадцати годах жизни Андрея Текутьева, кроме записей о рождении и крещении, не сохранилось. Единственным источником об этом периоде могут служить оставленные им воспоминания. Уже упомянутый тюменский краевед обнаружил запись в документах Воскресенской церкви о бракосочетании 4 октября 1857 г. А.И. Текутьева и девицы, крестьянской дочери Евдокии Яковлевны Петрушиной из Тавдинской волости (Кубочкин 2017: 12).

После женитьбы начинается череда испытаний. Отсутствие работы, ссоры с отцом, а в 1864 г. – рекрутский набор. Помог купец А.Т. Тимофеенков, дал денег на «наемщика», а потом предложил работу – покупка и пригон скота. Но через месяц Андрей оказался под следствием по делу о сбыте фальшивых кредитных билетов. Вина его не была доказана и он был отпущен, хотя и «оставлен в сильном подозрении». Снова на помощь пришел А.Т. Тимофеенков, предложил продать залежавшийся товар – 100 мешков крупчатки. Андрей справился, сбыв товар и себе заработал. Через три года тюменский мещанин А.И. Текутьев встал на ноги, завел свое дело, торговал крупчаткой с курганских и шадринских мельниц. В 1879 г., имея две торговые лавки, взял в аренду мельницу, а в 1880 г. объявил капитал и вступил в купеческое сословие (Сибирский листок 1904: 3–4; Кубочкин, 2017: 15–18, 24).

На благо города и общества

К началу XX в. А.И. Текутьев по праву считался одним из самых богатых людей в Тюмени. Не случайно, что именно он становится гласным Тюменской городской Думы на четырехлетие 1899–1902 гг. На ее заседании 17 января 1899 г. 14 голосами против 9 Андрей Иванович был избран городским головой (ГБУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 528. Л. 9–10). Отметим, что на этот пост он избирался еще дважды. Время подтвердило мнение одного из современников произошедшего, что вновь избранный будет очень энергичным головой.

18 апреля 1904 г. состоялось торжественное открытие больницы, выстроенной на собственные средства А.И. Текутьева и предоставленной им в полное распоряжение города. Под впечатлением этого события собрание городской Думы единогласно постановило: «1. пожертвованное Андреем Ивановичем для городской больницы здание принять и принести жертвователю сердечную благодарность Думы за этот дар, 2. Ходатайствовать в установленном порядке о присвоении Андрею Ивановичу звания Почетного Гражданина города Тюмени, 3. Назначить его пожизненным почетным попечителем построенной им больницы, 4. Поместить в больнице портрет строителя для увековечения памяти об нем в будущие времена» (ГБУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 533. Л. 88 об.–89). Интерес представляет перечисление совокупности заслуг, за которые гласные Думы решили представить своего голову к почетному званию. Это не только построенная им больница, но и «многие его другие жертвы и личные труды на пользу города, а именно: по устройству Потаскуйского приходского училища, Пушкинской библиотеки, по сиропитательному заведению, по приобретению для города лесопилки Гуллет, приносящей ныне городу значительный доход» (ГБУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 533. Л. 87 об.–88). Прошло три года и на заседании городской Думы 16 мая 1907 г. было озвучено сообщение от тобольского губернатора Н.Л. Гондатти о том, что «Государь император всемилостивейше соизволил на присвоение Тюменскому городскому голове Андрею Ивановичу Текутьеву звания почетного гражданина города Тюмени» (ГБУТО ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 536. Л. 32 об.–33).

Дела, направленные на устройство городской жизни, не исчерпываются вышеперечисленными примерами. Известно, что А.И. Текутьев инициировал сооружение земляного вала для защиты от наводнений Заречной части Тюмени, приобрел паровую машину для устройства электрического освещения, его трудами была сооружена скотобойня, построено новое пожарное депо с домом для служителей, он содержал на свои средства хор Спасского храма, часть средств направил на создание ремесленной школы. Не забывал и о своей малой родине – пожертвовал средства на строительство храма и двухклассного училища в Борках (Чествование 1911: 3–4; Жиров, Скубневский 1997; Кубочкин 2017: 123–127).

4 октября 1909 г. в зале «Приказчицкого клуба» прошло чествование почетного гражданина г. Тюмени, городского головы, почетного мирового судьи А.И. Текутьева, что стало выражением признательности за те труды, которые он «понес в хлопотах о проведении железнодорожной линии от Тюмени на Омск». В памятном адресе Думы, в частности, отмечалось: «Вам пришлось в течение почти шести лет доказывать перед высшим правительством выгоду Тюмень-Омской линии и ту пользу, которую она принесет для обширного и изобилующего природными богатствами края» (Чествование 1911: 2–3). Мероприятие собрало более ста человек «разных сословий и учреждений»: гласные городской думы, военные, чиновники, банкиры, врачи, представители судебного ведомства, учителя городских приходских училищ, представители городского еврейского общества, группа коммерсантов-татар из окрестных юрт, представители тюменского купечества, издатели. Прибыли гости из других городов. Виновника торжества встречали «аплодисментами и маршем, исполненным военным оркестром» (1–2).

Радости коммерческого и общественного успеха на протяжении совместной жизни супругов Текутьевых омрачала трагическая череда потерь всех родившихся у них детей, некоторые из которых не доживали даже до отроческого возраста (Кубочкин 2017: 10–11). Можно предполагать, что это обстоятельство, наряду с другими, лежало в основе мотивов щедрой благотворительности Андрея Ивановича и Евдокии Яковлевны.

Последний приют

Известно, что супруги Текутьевы были прихожанами и благотворителями тюменской Спасской церкви. Ее каменное здание было выстроено еще в 1796 г. на месте деревянной обветшавшей (рис. 1). Церковь двухэтажная с двумя престолами – в нижнем этаже во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской, в верхнем – в честь образа Нерукотворного Спаса (Козлова-Афанасьева 2008: 249).

После продолжительной болезни 28 июня 1913 г. в возрасте 75 лет Евдокия Яковлевна скончалась и была похоронена 30 июня того же года «в ограде Спасской церкви»* (ГБУТО ГАТО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 139. Л. 114 об.–115). В газетной хронике сообщалось, что «Глазетовый гроб с телом покойной запаян в цинковый гроб, а тот в свою очередь поставлен в деревянный футляр; сделано это ввиду того, что Андрей Иванович будет к Спасской церкви пристраивать придел Андрея Критского и при этом приделе предполагается сделать фамильный склеп г[оспод]

* Территория храма по красным линиям улиц Спасской и Иркутской была обнесена каменной оградой, которая до сего дня не сохранилась.

Текутьевых, в который и перенесется гроб с телом Евдокии Яковлевны» (Сибирская торговая газета 1913: 3).

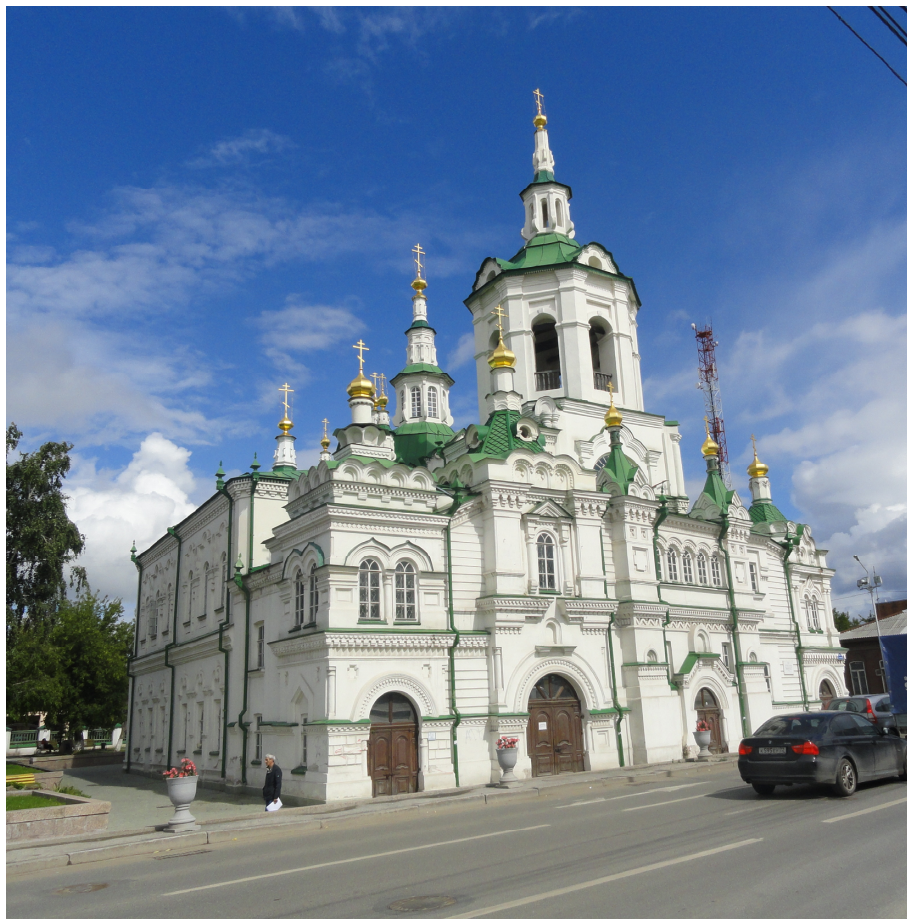

Рис. 1. Объект культурного наследия федерального значения «Церковь Спаса», расположенная в Тюмени по адресу ул. Ленина, 43, где были найдено погребение, принадлежавшее Андрею Ивановичу Текутьеву

В самом деле, в 1913 г. А.И. Текутьев, много лет занимавший должность старосты Спасской церкви, своим иждивением начал возведение двухэтажного северного придела по проекту архитектора К.П. Чакина. Строительство пристроя было закончено в июле 1916 г. (Козлова-Афанасьева 2008: 249). Через неделю после его освящения 30 июля 1916 г. в возрасте 77 лет Андрей Иванович умер. В метрике записано: «...от старости», захоронен «при градо-тюменской Спасской церкви – в склепе» (ГБУТО ГАТО. Ф. И-254. Оп. 1. Д. 148. Л. 220 об.–221) (рис. 2).

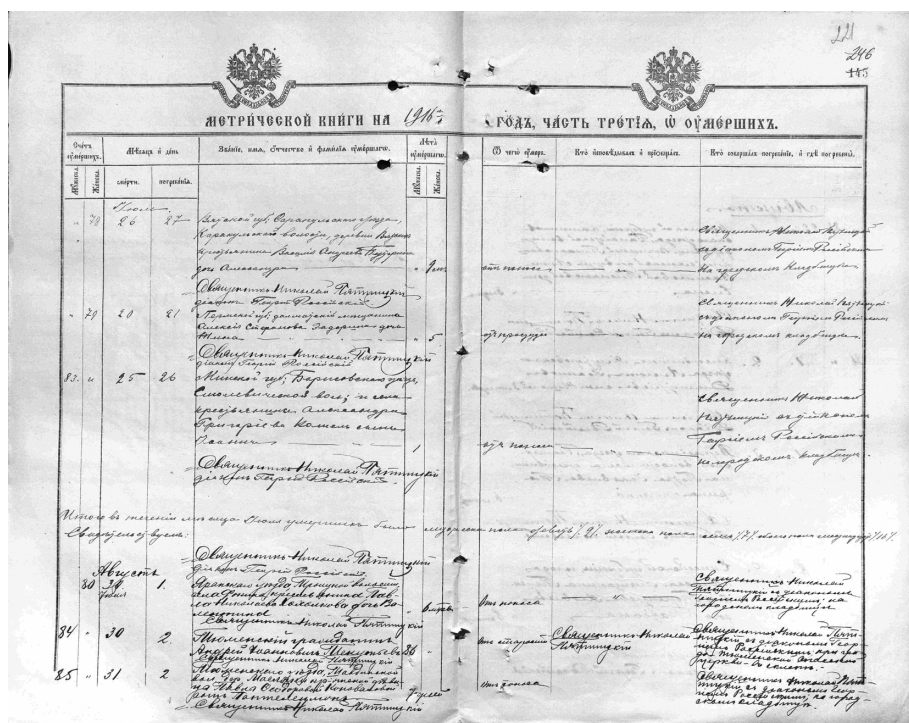

Рис. 2. Фото страницы метрической книги с записью о смерти А.И. Текутьева

Отпевание Текутьева состоялось 2 августа в том самом приделе. Похоронили его в тот же день с большими почестями «в саду Спасской церкви рядом со своей супругой. Под придельным храмом для Текутьевых сделан склеп, но пока еще не получено разрешения на похороны в склепе» (Сибирская торговая газета 1916а: 2). Разночтения в сведениях о точном месте упокоения Андрея Ивановича, вероятно, были связаны с тем, что перезахоронение его останков состоялось без привлечения внимания общественности, спустя две недели, когда, как считают, было получено разрешение. Известно, что 18 августа 1916 г. в склеп храма были перенесены останки Евдокии Яковлевны (Сибирская торговая газета 1916b: 2), скорее всего, уже после погребения там А.И. Текутьева.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что супруги Текутьевы летом 1916 г. были перезахоронены в склепе Спасской церкви. Известно, что в ограде храма (не в склепе) были похоронены в 1904 и 1916 гг. соответственно священники Спасской церкви А.И. Фокин и А.Н. Грамматин. Информации о других захоронениях на территории Спасской церкви в метрических книгах 1900–1919 гг., хранящихся в ГБУТО ГАТО, не обнаружено.

В марте 2020 г. при проведении реставрационных работ в северном пределе Спасской церкви было обнаружено захоронение. При укреплении фундаментов на поверхность вышел гроб с костными останками. Работы были приостановлены. Гроб и человеческие останки были переданы для экспертизы в бюро судмедэкспертизы. В виду утрат части черепа провести его идентификацию сотрудникам бюро не удалось. Существуют сведения о том, что в 1920–1930-е гг. склеп после закрытия храма грабили. Все эти обстоятельства потребовали тщательного изучения обнаруженных останков методами физической антропологии и реконструкции.

Реальные и легендарные потомки

Для выяснения возможности проведения генетической экспертизы была проведена работа по выявлению родственников не позже 5–6 колена, прямых потомков Андрея Ивановича и Евдокии Яковлевны. На эту роль по разным основаниям претендовали шесть человек.

На основе архивных материалов были выявлены генеалогические связи интересующих нас Текутьевых – от Ивана Ивановича (отца купца) до Ивана Яковлевича Некрасова, родного племянника А.И. Текутьева, сына его сестры Анны Ивановны. После смерти Андрея Ивановича И.Я. Некрасов оказался единственным потомком купеческого рода Текутьевых и по завещанию, наряду с А.П. Россошных, был душеприказчиком своего покойного дяди (ГБУТО ГАТО. И-1. Оп. 1. Д. 490. Л. 5–6 об.). Купец первой гильдии и наследник текутьевского богатства был женат дважды, первая жена умерла от чахотки. Сведений о рождении детей в первом и втором браке не найдено. Существует мнение, что Иван Яковлевич погиб в годы революционной смуты, предположительно в 1917 г. Документальных подтверждений этого факта не обнаружено. Итак, предстояло установить наличие или отсутствие у претендентов родственных связей с И.Я. Некрасовым. В силу того, что собственно Текутьевы по линии Андрея Ивановича пресеклись с его кончиной, то из списка претендентов были сразу исключены все современные носители этой фамилии.

Рассказы о родстве с А.И. Текутьевым у оставшихся претендентов носят легендарный характер, они передавались из поколения в поколение, но документальных подтверждений не имеют. Л.М. Гусева (в девичестве Избышева), которая в региональных журнальных и газетных публикациях (Кубочкина 2005; Дубовская 2015) фигурирует как правнучка Андрея Ивановича, своим прадедом называет Никиту Ивановича Текутьева, якобы родного брата тюменского купца, но ни архивные, ни иные материалы не подтвердили существование у Андрея Ивановича брата Никиты. Н.А. Шишкина, утверждающая свое родство по ли-

нии брата Андрея Ивановича – Ивана (Беспалова 2002: 138), также не является ему родственницей, так как точно известно, что единственный брат купца с именем Иван умер в 1836 г. трех лет от роду (ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 989. Л. 208 об.). Возможно, Нина Анатольевна является представительницей какой-то иной семьи с фамилией Текутьевы, ведь в Борках их было несколько. Более перспективной казалась история М.В. Прудниковой (по матери в девичестве – Лесиной). Ее отец В.А. Коряков по семейному преданию является потомком Андрея Ивановича Текутьева, в этом предании фигурирует фамилия «Некрасов» (ПМА). После ряда запросов удалось установить следующее: В.А. Коряков родился в 1933 г. в г. Тюмени, родители умерли, с 1946 г. воспитывался в детском доме № 62 Зырянского сельского поселения, затем переведен в Кушеватовский детский дом № 117 Ямало-Ненецкого автономного округа (Письмо ГБУТО ГАСПИТО). Нам не удалось установить родителей Владимира Андреевича и подтвердить его родственную связь с И.Я. Некрасовым.

Таким образом, в результате камеральных и полевых исследований ныне живущие потомки А.И. Текутьева не обнаружены. Те, кто считали себя таковыми, на самом деле ими не являются. В силу этих обстоятельств забор генетического материала оказался невозможен.

Идентификационная экспертиза

В мае 2020 г. в Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) поступил запрос из Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области (далее Комитет) с просьбой проанализировать найденные останки на предмет возможности проведения идентификации. Имелись четыре прижизненные фотографии Андрея Ивановича Текутьева. В Москву были привезены фотографии фрагментов черепа, с которыми ознакомилась сотрудник ЛАР А.В. Рассказова. По ее мнению, сохранившиеся фрагменты вполне подходят для сборки практически целого черепа, а следовательно, идентификация возможна. Для успешной (не обязательно положительной!) экспертизы необходимо соблюдение двух условий: 1) удовлетворительная сохранность черепа; 2) наличие прижизненных фотографий хорошего качества. В данном случае оба условия соблюдены.

Принимая во внимание вышеизложенное, стороны, ИЭА РАН и Комитет, заключили государственный контракт № ЗИКН от 11.09.2020.

О передаче останков в Москву не было и речи, поэтому в сентябре 2020 г. был осуществлен выезд Е.В. Веселовской в г. Тюмень для реставрации черепа и фотографирования его по специальной методике для последующего построения 3D-модели методом фотограмметрии.

Методика

Идентификация личности по черепу проведена методами, применяемыми для этих целей в мировой практике.

1. Фотосовмещение. Суть метода в совмещении двух изображений. Его часто применяют в криминалистике для идентификации личности по черепу и прижизненным изображениям предполагаемой персоны. В последнее время он широко используется в процедуре идентификации исторических личностей.

2. Сопоставление пропорций головы и лица на черепе и прижизненных портретах. С помощью программы «Алгоритм внешности» размеры черепа переводят в соответствующие размеры головы (Веселовская 2018). На основе этих измерений рассчитывают индексы, характеризующие индивидуальные пропорции, и сопоставляют их с индексами, полученными при измерении прижизненных фотографий.

3. Составление прижизненного словесного портрета лица по черепу с акцентом на особые приметы и индивидуализирующие облик черты. Оно базируется на подробном измерении и описании черепа. Полученный словесный портрет сопоставляют с характеристиками внешности на прижизненных фотографиях.

4. Графическая реконструкция лица по черепу (фас и профиль). Выполненный по черепу графический портрет сопоставляют с имеющимися прижизненными изображениями.

Исследование и ход работы

Реставрация. С помощью скульптурного пластилина фрагменты черепа были соединены в анатомическом порядке. Недостающие части лобной скуловой и верхнечелюстной костей были восстановлены путем отзеркаливания. Носовые кости были реставрированы в соответствии со строением лобного отростка верхнечелюстной кости и носового отростка лобной кости.

В связи с давней прижизненной утратой всех зубов была проведена реставрация искусственных челюстей в соответствии с моделями начала XX в. На прижизненных фотографиях видно, что А.И. Текутьев носил зубные протезы: губы не провалены, имеют нормальную высоту. Протез выполнен из скульптурного пластилина.

Фотосовмещение. Для фотосовмещения была построена виртуальная трехмерная модель черепа методом фотограмметрии (рис. 3). Такая модель необходима для приведения черепа в строгое соответствие ракурсу прижизненной фотографии. Всего имелось четыре прижизненных фотографии А.И. Текутьева удовлетворительного качества. Фотосовмещение проводили двумя способами.

Рис. 3. Виртуальная трехмерная модель черепа, выполненная методом фотограмметрии

1. На прижизненном портрете размечали видимые контуры свода головы, лица, бровей, линии смыкания губ, крыльев носа, контуры глаз. Затем 3D-модель черепа проецировали на обработанное изображение лица в таком положении и масштабе, при котором контуры черепа максимально приближались к контурам лица на фотографии с учетом толщины мягких тканей (рис. 4).

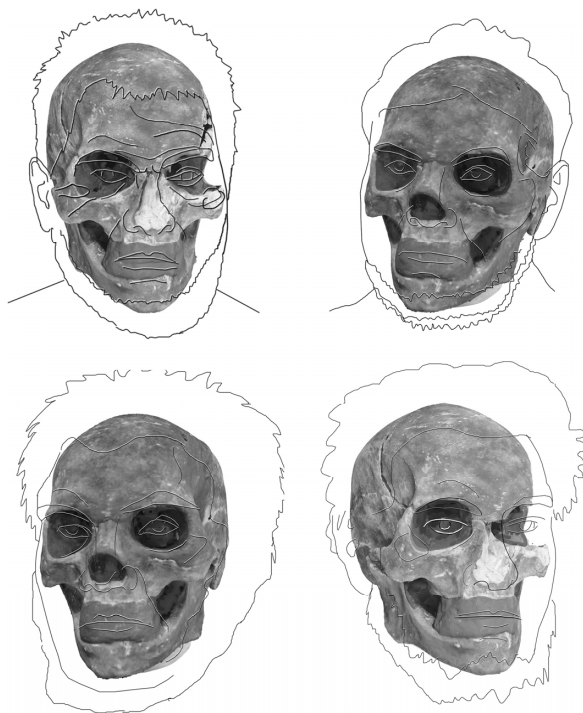

Рис. 4. Фотосовмещение черепа и контуров головы

2. На черепе, ориентированном в нужном ракурсе, размечают контуры свода, нижней челюсти, скуловых костей, грушевидного отверстия, орбит, верхней челюсти. Полученное контурное изображение черепа вписывали в прижизненный портрет (рис. 5).

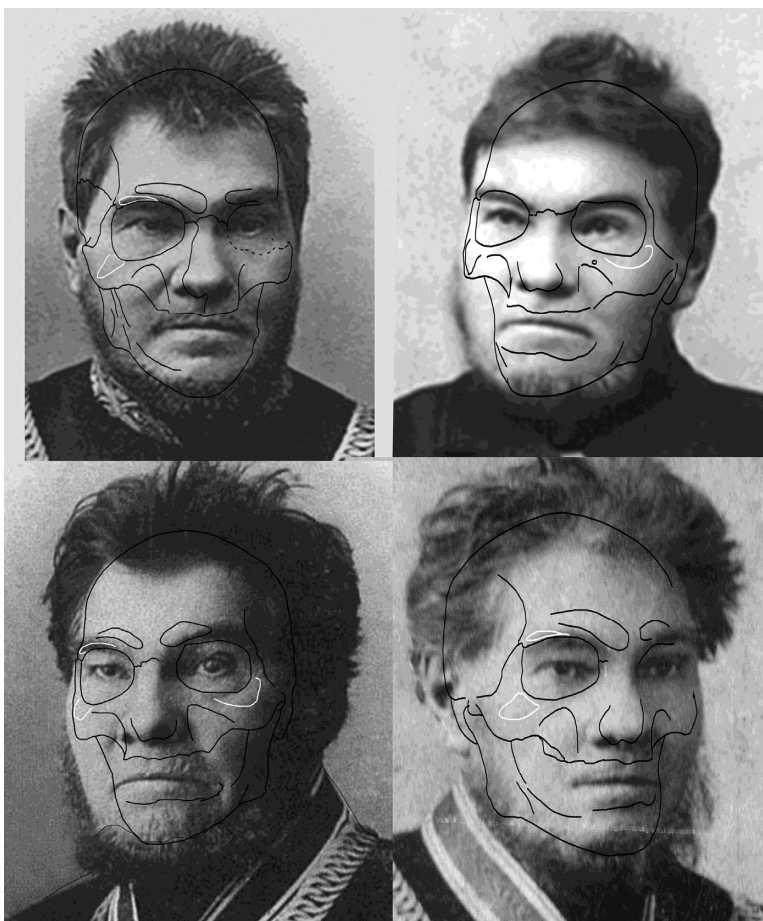

Рис. 5. Фотосовмещение контуров черепа с изображением на портретах

Масштабирование проводилось по точкам порион, глабелла, стомион и назо-спинале. Затем проводили исследования совмещенных изображений. Проекционные соотношения контуров элементов головы и черепа учитывали по трем параметрам:

- по схожести контуров (контур лба, контур спинки носа, контуры подбородка и нижней челюсти);
- взаиморасположению элементов головы и подлежащих им структур черепа;

– соответствии расстояний между контурами головы и черепа стандартам толщин мягких покровов в определенных точках.

Различия, которые могут быть объяснены возрастными изменениями, мимикой, неточностью расположения отдельных элементов, расценивали как несущественные, не исключающие принадлежности черепа изображенному на фотоснимке лицу.

Различия, которые нельзя объяснить перечисленными выше причинами, признавали существенными, т.е. исключающими принадлежность черепа предполагаемому лицу.

По результатам двух видов фотосовмещения можно сделать следующее заключение. При наложении изображений не наблюдалось видимых анатомических несоответствий. Одноименные контуры черепа и лица на фотоизображениях в целом совпали. Отдельные элементы внешности (глаза, нос, рот, уши) хорошо вписываются в соответствующие отделы черепа. Стандартное распределение толщины мягких тканей не нарушено. Вывод: фотосовмещение выявляет большую степень вероятности принадлежности черепа и фотоизображений одному лицу.

Сопоставление пропорций головы. В Лаборатории антропологической реконструкции ИЭА РАН многие годы ведутся работы по совершенствованию приемов точной передачи прижизненного облика при реконструкции его по черепу. На основе трудов М.М. Герасимова (Герасимов 1955), Г.Л. Лебединской (Лебединская 1989), Т.С. Балугоевой (Балугоева, Веселовская 2004) и Е.В. Веселовской (Веселовская, Балугоева 2012) разработана программа «Алгоритм внешности», которая позволяет шаг за шагом рассчитывать прижизненные характеристики головы, основываясь на размерах и признаках черепа (Веселовская 2018). Применение научных разработок последних лет обогатило антропологическую реконструкцию новыми возможностями. Исследование палеоантропологического материала представляется теперь более информативно и наглядно (Веселовская и др., 2015). Успешное использование программы «Алгоритм внешности» в следственной практике при идентификации личности отражает широкие возможности метода и его преимущества (Веселовская и др., 2013). Один из аспектов данной программы – расчет пропорций элементов внешности и словесное описание внешнего облика, сопоставимое с криминалистическим словесным портретом (Веселовская 2015). Последние исследования краниофациальных соотношений, выполненные на компьютерных томограммах, позволили внести некоторые уточнения в процесс восстановления внешности (Рассказова, Веселовская, Пеленицына 2020).

Антропометрические измерения проводили на черепе и прижизненных фотографиях. На основе этих измерений вычисляли ряд индексов, характеризующих лицевые пропорции, которые использовались в

дальнейшем сопоставлении (табл. 1). Поскольку все прижизненные фотографии были сняты с отклонением от точного положения головы анфас, к анализу можно было привлечь только вертикальные размеры, которые меньше искажаются при изменении позиции головы. При расчете индексов к размерам черепа прибавляли толщину мягких тканей в соответствующих точках.

Сопоставление описательных характеристик. Из анализа табл. 1 можно заключить, что высотные лицевые пропорции, рассчитанные по черепу № 1 и фотоизображениям А.И. Текутьева, практически полностью совпали.

Т а б л и ц а 1

**Сопоставление лицевых пропорций, измеренных на черепе № 1
и фотоизображениях А.И. Текутьева**

Размеры (мм) и индексы	Череп	Фото 1	Фото 2	Фото 3	Фото 4
Морфологическая высота лица	125	158	112	118	101
Высота носа	60	71	51	52	45
Высота нижней части лица	65	87	61	66	56
Относительная высота носа	0,45	0,45	0,46	0,44	0,44
Относительная высота нижней части лица	0,55	0,55	0,54	0,56	0,55

Т а б л и ц а 2

**Сопоставление описательных признаков на черепе № 1
и фотографиях А.И. Текутьева**

Признак	Череп	Фотоизображения
Лицо анфас (форма)	Квадратное	Квадратное
Лицо (относительная ширина)	Очень широкое	Очень широкое
Развитие надбровного рельефа	Значительное	Значительное
Лоб (ширина)	Широкий	Широкий
Ширина нижней челюсти	Большая	Большая
Нос (высота)	Короткий	Короткий
Положение глазного яблока	Глубокое	Глубокое
Выступание скул	Значительное	Значительное
Профилировка лица	Значительная	Значительная

На черепе и портретах совпадает абрис надбровного рельефа. Строение верхнего края орбиты на черепе позволяет предположить значительное развитие складки верхнего века, что фиксируется на портретах. Из анализа табл. 2 выявлено полное совпадение качественных описательных признаков, которые возможно предсказать по черепу.

Графическая реконструкция лица по черепу. Создание графической реконструкции состояло из следующих этапов:

1. Фрагменты черепа были соединены в анатомическом порядке. Верхняя и нижняя челюсть закреплены пластилином на расстоянии примерно равном высоте зубного протеза. Изображение черепа в фас и профиль приведены к единому масштабу.

2. Восстановление разрушенных частей черепа. Левая скуловая кость была восстановлена методом зеркального отражения правой скуловой кости, но с учетом асимметрии орбит. Контур носовых костей в профиль был восстановлен приблизительно, исходя из формы лобных отростков верхнечелюстных костей и носового отростка лобной кости (выделено синим).

3. Формирование овала лица. Жевательные и височные мышцы (*musculus masseter* и *musculus temporalis*) реконструируют, опираясь на степень развития костного рельефа в местах их прикрепления, глубину височных ям и форму скуловых дуг. Реконструируется положение глазных яблок в орбитах, после этого воспроизводят круговые мышцы глаза.

4. На следующем этапе выполняют построение контура головы на основе контура черепа. Толщина покрова корректируется в соответствии с таблицами толщины мягких тканей. Нос реконструируется с учетом формы грушевидного отверстия, формы и направления носовых костей и подносового шипа, высоты нижних носовых раковин, формы отростков верхнечелюстных костей и носового отростка лобной кости (рис. 6).

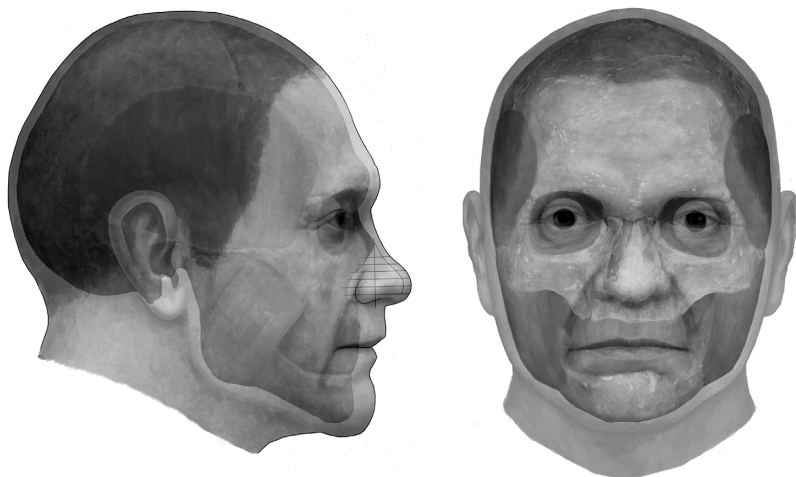

Рис. 6. Построение контура головы на основе контура черепа

5. Графическую реконструкцию выполняют с тщательной проработкой света и теней, которая максимально приближена к портретному изображению. Сначала изображают только «антропологическую маску» – лицо без бороды, усов, прически. В нашем случае лицо проработано без значительных возрастных изменений, которые сложно реконструировать на индивидуальном уровне (рис. 7).

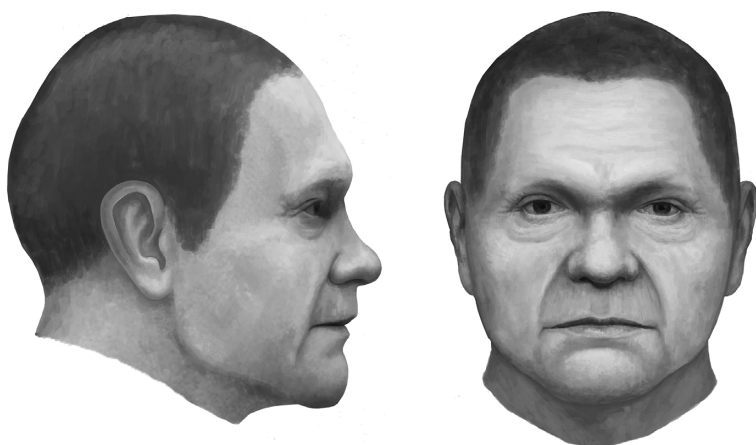

Рис. 7. Графическая реконструкция с тщательной проработкой света и теней. Сначала изображают только «антропологическую маску» – лицо без бороды, усов, прически

Веки восстанавливают с учетом формы и размера орбит. Наклон глазной щели реконструируется по реперным точкам внутреннего и наружного углов глаз. Форма подбородка реконструируется с учетом формы и размеров подбородочного бугра. Ушные раковины строят по рассчитанным с помощью уравнения регрессии размерам с учетом формы и направления сосцевидных отростков. Ширину носа и рта рассчитывают по уравнениям регрессии.

6. Заключительный этап. Прорисовка прически и бороды, как на фотографиях А.И. Текутьева (рис. 8).

Рис. 8. Заключительный этап графической реконструкции с прорисовкой прически и бороды, как на фотографиях А.И. Текутьева

Сопоставление внешности на портрете, реконструированном по черепу № 1, и photographиях, принадлежащих А.И. Текутьеву, выявляет высокую степень тождества (рис. 9).

Рис. 9. Сопоставление реконструкции, выполненной по черепу № 1, и photographий, принадлежащих А.И. Текутьеву

Заключение

В результате архивных и полевых исследований не удалось выявить ныне живущих потомков А.И. Текутьева, поэтому проведение генетической идентификационной экспертизы оказалось невозможно. Был применен комплексный подход, включающий в себя анализ исторических источников и идентификацию личности по черепу различными методами, применяемыми в мировой судебно-медицинской практике. Анализ имеющихся документальных материалов позволяет с большой долей уверенности заявлять, что супруги Текутьевы летом 1916 г. были перезахоронены в склепе Спасской церкви г. Тюмени и их останки позднее не были перенесены в другое место.

Результаты сопоставления черепа № 1 и четырех прижизненных photographий А.И. Текутьева, основанные на трех видах фотосовмещения, на сравнении индексов лицевых пропорций и описательных признаков внешности, а также на сопоставлении графической реконструкции, выполненной по черепу № 1, с photographиями позволяют сделать заключение о принадлежности черепа № 1 Текутьеву Андрею Ивановичу с большой степенью достоверности. В случае невозможности проведения генетической экспертизы, использованная комплексная методика позволяет получить наиболее достоверный результат при идентификации личности по костным останкам. Идентификация останков А.И. Текутьева дает основания осуществить мемориальные мероприятия по их перезахоронению и сооружению надгробного памятника.

Список сокращений

- ГБУТО ГА в г. Тобольске – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».
- ГБУТО ГАТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области».
- ГБУТО ГАСПИТО – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области».

Источники

- ГБУТО ГАТО. Ф. И-1. Тюменская городская управа. Оп. 1. Д. 490. О получении городским Управлением наследства по духовному завещанию почетного гражданина города Тюмени А.И. Текутьева.
- ГБУТО ГАТО. Ф. И-2. Тюменская городская дума. Оп. 1. Д. 528. Журналы Тюменской городской думы за 1899 г.; Д. 533. Журналы Тюменской городской думы за 1904 г.; Д. 536. Журналы Тюменской городской думы за 1907 г.
- ГБУТО ГАТО. Ф. И-254. Коллекция метрических книг церквей г. Тюмени. Оп. 1. Д. 139. Метрическая книга Спасской церкви г. Тюмени 1913 г.; Д. 148. Метрическая книга Спасской церкви г. Тюмени 1915–1917 гг.
- ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Тобольская духовная консистория. Оп. 15. Д. 982. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1830 г.; Д. 985. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1832 г.; Д. 986. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1833 г.; Д. 988. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1835 г.; Д. 989. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1836 г.; Д. 991. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1838 г.; Д. 992. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1839 г.; Д. 996. Метрические книги церквей г. Тюмени и Тюменского уезда 1843 г.
- Письмо ГБУТО ГАСПИТО в Комитет по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области от 06.07.2020.
- ПМА – Полевые материалы автора (О.В. Конева). Тюмень, 20 марта 2020, информатор Мария Владимировна Прудникова (Лесина).
- Сибирская торговая газета. 2 июля 1913. № 140.
- Сибирская торговая газета. 3 августа 1916а. № 163.
- Сибирская торговая газета 20 августа 1916б. № 176.
- Сибирский листок. 17 июня 1904 г. № 47.
- Чествование А.И. Текутьева 7-го и 8-го октября 1909 года. Тобольск: Типография М.Н. Костюриной, 1911. 20 с.

Литература

- Анкушева К.А. Купец-благотель // Мое достояние: историко-краеведческий альманах / отв. ред. Н. Завитневич. Тюмень: ОЛМАРПРЕСС, 2011. С. 119–120.
- Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Новые разработки в области восстановления внешнего облика человека по краниологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 143–150.
- Беспалова Ю.М. Западносибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX в.: имена, биографии, судьбы (качественные исследования в социологии культуры). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002.
- Веселовская Е.В. Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 83–98.

- Веселовская Е.В. «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2018. № 2. С. 38–54.
- Веселовская Е.В., Балуева Т.С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. 2012. № 22. С. 22–42.
- Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П., Рассказова А.В. Антропологическая изменчивость населения Восточной и Центральной Европы от средневековья до современности // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2015. № 1. С. 4–24.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Дубовская Е. В родстве с Текутьевыми // Сибирское богатство. 2015. № 7-8. С. 46–49.
- Жиров А.А., Скубневский В.А. Текутьев Андрей Иванович // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4, кн. 1 / отв. ред. Л. Дамешек, Д. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997. С. 120.
- Козлова-Афанасьева Е.М. Архитектурное наследие Тюменской области: Научный каталог. Тюмень: Искусство, 2008.
- Кубочкин С.Н. Текутьев. Жизнь под шум скандалов. Тюмень: Тюменский дом печати, 2017.
- Кубочкина В. Любовь Гусева – из рода Текутьевых // Тюменские известия. 2005. № 25. С. 20–21.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М.: Старый сад, 1989.
- Рассказова А.В., Веселовская Е.В., Пеленицына Ю.В. Анализ краниофациальных корреляций носовой области с использованием данных компьютерной томографии // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2020. № 4. С. 66–78. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.4.066-078
- Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень: РИОТюмГАСУ, 2010.
- Чествование А.И. Текутьева 7-го и 8-го октября 1909 года. Тобольск: Тип. М.Н. Костюриной, 1911. 20 с.

Статья поступила в редакцию 19 июня 2021 г.

Craniofacial reconstruction of the Tyumen mayor for the purpose of personal identification
Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya
 DOI: 10.17223/2312461X/33/5

Elizaveta V. Veselovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

Anna V. Rasskazova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); M.V. Lomonosov Moscow State University, Research Institute and Museum of Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru

Aleksey Yu. Konev, Federal Research Center Tyumen Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation). E-mail: aldimoks@mail.ru

Oksana V. Koneva, Committee on the Protection and Application of Historical and Cultural Heritage of the Tyumen region (Tyumen, Russian Federation). E-mail: konevaov@72to.ru

The article was written in accordance with the research plans of the IEA RAS and the IPOS TyumNTs SB RAS. The identification expert study was carried out in accordance with the

State Contract № 31KN from 11.09.2020 by order of the Committee for the Protection and Use of Historical and Cultural Heritage of the Tyumen region. Historical and biographical research was carried out within the framework of the Government Order No. 121041600045-8, project "Western Siberia in the context of Eurasian relations: Man, Nature, Society".

Abstract. The article is devoted to the results of an examination of the fragments of the skull found during the restoration of the object of cultural heritage of federal significance "Church of the Savior", located in the city of Tyumen. Presumably in the crypt of the temple in 1916 the merchant of the first guild, Tyumen mayor A.I. Tekutyev and his wife were reburied. Verification of this version made it necessary to study their biographies, compare the data of registers of deaths and press reports of that time. The article contains the biography of A.I. Tekutyev and outlines the impressive contribution he made to the development and prosperity of Tyumen. When the remains were found in the crypt of the Church of the Savior, the question arose about their identification. It is thanks to the importance of the figure of Tekutyev for the city that the authorities set out to pay tribute to his memory by reburying the remains (provided that their belonging to the famous mayor is proved) and perpetuating the memory by creating a memorial. The initiative was supported by the public of the city. In this regard, a search was carried out for the relatives of the mayor, which did not lead to positive results, which did not allow a genetic examination. Then it was decided to carry out the reconstruction of the lifetime appearance on the found remains by the method of restoring the face from the skull of M.M. Gerasimov and compare the resulting portraits with the available lifetime Tekutyev photographs. For a successful, but not necessarily positive, identification examination, satisfactory skull preservation and the presence of good quality photographs are necessary. Since both conditions were met, identification was possible. The examination allows us to conclude that the remains belonged to Tekutyev with a high degree of reliability.

Keywords: Tekut'ev A.I., Siberian merchants of the 19th - early 20th centuries, photo composition, identification examination, craniofacial reconstruction

References

- Ankusheva K.A. Kupets-blagodetel' [Merchant-benefactor]. In: *Moe dostoianie: istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [My Heritage: Historical and Local History Almanac]. Ed. by N. Zavitsevich. Tyumen: OLMARPRESS, 2011, pp. 119–120.
- Balueva T.S., Veselovskaia E.V. Novye razrabotki v oblasti vosstanovleniia vneshnego oblika cheloveka po kraniologicheskim dannym [New achievements in reconstructing human physical appearance based on craniological data], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2004, no. 1, pp. 143–150.
- Bespalova Iu.M. *Zapadnosibirskie predprinimateli vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: imena, biografii, sud'by (kachestvennye issledovaniia v sotsiologii kul'tury)* [West Siberian entrepreneurs of the second half of the XIX - the beginning of the XX century: names, biographies, fates (qualitative research in the sociology of culture)]. Tyumen: Izd-vo Tiimenskogo GU, 2002.
- Chestvovanie A.I. Tekut'eva 7-go i 8-go oktiabria 1909 goda* [Honoring A.I. Tekutiev on October 7 and 8, 1909]. Tobol'sk: Tipografiia M.N. Kostiurinoi, 1911. 20 p.
- Dubovskaia E. V rodstve s Tekut'evymi [Related to the Tekutiev's], *Sibirskoe bogatstvo*, 2015, no. 7-8, pp. 46-49.
- Gerasimov M.M. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyy i iskopaemyi chelovek)* [Facial reconstruction from the skull (modern and fossil man)]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955.
- Khramtsov A.B. *Vlast' i obshchestvo v gorodakh Tobol'skoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka* [Power and Society in the Towns of Tobolsk Province in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Tyumen: RIOTiumGASU, 2010.

- Kozlova-Afanas'eva E.M. *Arkhitekturnoe nasledie Tiimenskoi oblasti: Nauchnyi katalog* [Architectural Heritage of the Tyumen Region: Scientific Catalogue]. Tyumen: OOO «Izdatel'stvo Iskusstvo», 2008.
- Kubochkin S.N. *Tekut'ev. Zhizn' pod shum skandalov* [Tekutiev. Life under the noise of scandals]. Tyumen: OAO «Tiimenskii dom pečati», 2017.
- Kubochkina V. Liubov' Guseva – iz roda Tekut'evykh [Lubov Guseva - of the Tekutiev family], *Tiimenskie izvestiia*, 2005, no. 25, pp. 20–21.
- Lebedinskaia G.V. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Facial reconstruction based on the skull: methodological guidelines]. Moscow: Staryi sad, 1989.
- Rasskazova A.V., Veselovskaia E.V., Pelenitsyna Iu.V. Analiz kraniofatsial'nykh korreliatsii nosovoi oblasti s ispol'zovaniem dannykh komp'iuternoi tomografii [Craniofacial Correlations of the Middle Part of the Face Based on Computed Tomograms], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*, 2020, no. 4, pp. 66–78. DOI: 10.32521/2074-8132.2020.4.066-078
- Veselovskaia E.V. Kraniofatsial'nye proporsitsii v antropologicheskoi rekonstruktsii [Craniofacial Proportions in Anthropological Reconstruction], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015, no. 2, pp. 83–98.
- Veselovskaia E.V. «Algoritm vneshnosti» - kompleksnaia programma antropologicheskoi rekonstruktsii [‘Algorithm of Appearance’, a comprehensive programme of anthropological reconstruction], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*, 2018, no. 2, pp. 38–54.
- Veselovskaia E.V., Balueva T.S. Novye razrabotki v antropologicheskoi rekonstruktsii [New achievements in anthropological/craniofacial reconstruction], *Vestnik antropologii*, 2012, no. 22, pp. 22–42.
- Veselovskaia E.V., Grigor'eva O.M., Pestriakov A.P., Rasskazova A.V. Antropologicheskaiia izmenchivost' naseleniia Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy ot srednevekov'ia do sovremennosti. [Anthropological Variability of the Population of Eastern and Central Europe from the Middle Ages to Modern Times], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, 2015, no. 1, pp. 4–24.
- Zhirov A.A., Skubnevskii V.A. Tekut'ev Andrei Ivanovich. In: *Kratkaia entsiklopediia po istorii kupechestva i komertsii Sibiri. T. 4. Kn. 1.* [Short Encyclopedia on the History of Merchantry and Commerce of Siberia. Book 4. Vol 1]. Eds. L. Dameshek, D. Rezun. Novosibirsk: RIPEL plus, 1997, pp. 120.

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РЕПРОДУКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ КАЛМЫКОВ*

Наиля Хаджиевна Спицына
Наталья Валерьевна Балинова

Аннотация. Адаптация кочевых групп калмыков на территории России привлекает внимание исследователей сложностью и неоднозначностью социальных и биологических процессов. Анализ физического развития детей и взрослых, плодовитости, заболеваемости, условий жизни, питания, труда и быта населения Калмыкии в 1925 г. выявил замедленный темп роста с колеблющимся уровнем и некоторым понижением показателей физического развития. Взяв эти показатели за точку отсчета, мы провели исследование динамики формирования антропогенетических особенностей физического развития и параметров репродуктивной структуры сельских популяций калмыков с 1925 по 2014 г. В анализ включены торгуты Лаганского, дербеты Целинного, бузавы Городовиковского районов Калмыкии. Полученные результаты свидетельствуют о глубоких социально-экономических изменениях, процессах акселерации и общем секулярном тренде, проявившихся у калмыков с 1970-х гг., в резком увеличении роста на 8,9 см и изменениях других показателей физического развития. По весу и обхвату груди прослеживается тенденция к увеличению, кроме грудного показателя (соотношение грудного обхвата к росту). Это свидетельствует о гармоничном росте и развитии, не меняющем основ брахиморфного типа строения тела. В сельских популяциях произошел демографический переход от естественного характера воспроизводства к регулируемой рождаемости. Средний возраст начала менархе $13,9 \pm 0,07$ лет, при рождении первого ребенка $23,5 \pm 0,18$, при рождении последнего ребенка $31,3 \pm 0,26$, climacterium в $47,8 \pm 0,23$ лет. Выявлен выраженный разрыв социально обусловленных границ с физиологической продолжительностью репродуктивного периода. В популяциях отмечается регулируемый тип рождаемости, более характерный для городского населения, с социальным прессингом, сопряженным с пропорцией абортов. Предложена гипотеза, объясняющая репродуктивную компенсацию, протекающую по типу сокращения эмбриональных потерь, выработанным в поколениях эволюционным трендом биологической приспособленности к кочевой жизни.

Ключевые слова: антропология калмыков, демография, плодовитость, репродуктивное здоровье, отбор

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2020-910).

Введение

Сегодня сложно представить, как в РСФСР в сложные годы после революции, Гражданской войны, голода и экономических потрясений могла состояться экспедиция в Калмо́бласть для изучения вопроса о социально-экономическом положении калмыков. В годовых отчетах главного попечителя калмыцкого народа (Лебединский 1927: 23) в период с 1850 по 1915 г. указывались негативные тенденции уменьшения численности калмыцкого народа. На Общекалмыцких съездах Советов также неоднократно поднимался этот вопрос (Батыров 2016: 29). Наркомздрав РСФСР направил в октябре 1924 года комиссию для ознакомления с реальной обстановкой в Калмо́бласти. 2 июня 1925 г. Совет народных комиссаров РСФСР постановил организовать научную экспедицию для исследования калмыцкого народа. В состав экспедиции вошли: начальник экспедиции врач П.Ю. Берлин (терапевт, известный в стране специалист по туберкулезу), врачи-статистики Е.С. Тимми и Н.Н. Проскурин, санитарный врач Ю.В. Вадковская, врач терапевт и венеролог С.Н. Рудченко, студентки-антропологи: Д.И. Арон и Л.В. Пушкинская. На месте к работе экспедиции присоединились: переводчики Л.Н. Нармаев, Л.П. Петькиев (учителя), студенты-медики Астраханского мединститута Б.Б. Бакаева, Б.М. Манцина, Л.М. Динабург, А.С. Жилко, Д.П. Микулин, В.Л. Харченко, волонтер и сотрудник кафедры биологии Астраханского Мединститута С.И. Богомоллов. Результаты исследования показали объективные причины, влияющие на возникновение сложной демографической ситуации, и заложили основу государственной программы по улучшению жизни калмыков.

К фундаментальным проблемам биологии относятся проблема «человек – среда». Проблема адаптации кочевых групп калмыков, завершивших длительный этап миграционного пути переходом к оседлости, привлекает внимание сложностью и неоднозначностью происходивших процессов. В настоящем сообщении представлен антропогенетический анализ динамики произошедших изменений в физическом развитии калмыков и параметрах репродуктивной структуры сельских популяций с 1925 по 2014 г. Исследованы этапы демографического перехода в популяциях от естественного характера воспроизводства и высоких показателей плодовитости к регулируемой рождаемости как отражения общемировой тенденции. Комплекс полученных данных свидетельствует о произошедших процессах биологической и социальной адаптации калмыков на территории Республики Калмыкия.

Материалы и методы

Комплексное обследование калмыков в 1925 г. включало несколько направлений. Среди них демографическое, клинико-эпидемиологическое, антропометрическое и санитарно-гигиеническое обследование жилищ и питания. Маршрут создавался с учетом профессионального и группового состава населения так, чтобы он совпадал с маршрутом известной экспедиции И.И. Мечникова, Л.А. Тарасевича и Е. Бюрне 1911 года по антропологическому исследованию и изучению эпидемиологии туберкулеза среди калмыков (Мечников, Бюрне, Тарасевич 1912). Повторное исследование, позволило определить произошедшие изменения. Были включены следующие улусы: Ики-Цохуровский (скотоводческий), Манычский (смешанный скотоводческо-земледельческий), Больше-Дербетовский (земледельческий), Яндыко-Мочажный (прибрежная полоса, населенная рыбаками), а также Калмыцкий Базар (местное население, интернат с 250 учащимися со всей степи), Яшкуль (уездный центр, имеется больница), Чилигир (есть фельдшерский пункт), Бадманкин (или урочище Итлик) Дзюнгаровского аймака.

Всего в 1925 г. было обследовано по специально разработанным индивидуальным карточкам 2 700 человек, по семейным карточкам – 378 семей. Проведена посемейно-подворная перепись населения обоого пола, составившая 1,5% по отношению к 107 083 калмыкам по переписи 1924 г. Обследованы больницы, школы, общежития, жилища, колодцы, вода, воздух и проч. (Калмыки 1928).

В 2004–2006, 2014 гг. были проведены масштабные антропогенетические исследования сельских популяций калмыков Целинного, Городовиковского, Лаганского и Кетченеровского районов Калмыкии (Балинова и др. 2008; Балинова 2015). Приняв данные 1925 г. реперными точками отсчета в изучении динамики физического развития калмыков, при сопоставлении мы ограничимся набором антропометрических признаков для мужчин и показателями репродуктивных функций для женщин, принятыми в их исследовании. Также ранее не учитывалась субэтническая принадлежность калмыков, но поскольку известно, что рыболовством в основном занимались торгуты, скотоводством – дербеты, а земледелием – бузавы, то при сопоставлении будем придерживаться этой схемы.

Результаты

Исследование населения Калмоласти 1925 г. начинается с характеристики демографической структуры групп калмыков. До 1897 г. среди калмыков существовало так называемое покибиточное исчисление (четыре души на кибитку, двое мужчин и две женщины), которое давало

весьма приблизительное представление о численности. Более точными были только сведения о привилегированных дворянских сословиях нойонов, зайсангов и духовенства, которые велись по именным спискам. Для анализа динамики развития калмыцкого населения исследователями были привлечены сведения из Отчетов главного попечителя и выборки из ежегодников Астраханского губернского статистического комитета о численности калмыцкого населения с 1872 г. Данные свидетельствуют о замедленном росте численности населения, в котором выделяются периоды 1850–1860, 1865–1876 и 1877–1915 гг. с незначительным повышением (Лебединский 1927: 18).

Динамика соотношения полов при рождении выявляет превышение лиц мужского пола, повышенная смертность среди мальчиков приводит далее к возрастанию доли девочек. В репродуктивной возрастной когорте отмечается значительное превышение числа мужчин даже по сравнению с нулевой группой. Так, до 1897 г. у калмычек отмечался повышенный процент старческих возрастов за счет уменьшения зрелого, плодового возраста. Последующие годы войны, революции, голода оставили след главным образом на мужском населении страны, что привело к значительному превышению численности женщин в возрастных когортах от 20 до 40 лет.

Для изучения факторов, определяющих сравнительно малую численность калмыков, экспедиция 1925 г. исследовала особенности процессов воспроизводства населения. Были привлечены материалы посемейного обследования 472 калмычек в возрасте от 15 лет и старше, 79 русских и 20 татарок. Всего у обследованных калмычек родилось 1 512 детей, среди них мальчиков 883, девочек 718, у 21 не указан пол. Кормление детей естественное, случаи искусственного и смешанного вскармливания крайне редки. Особые затруднения возникали при регистрации возраста смерти грудных детей, вследствие обычая у калмыков считать возраст ребенка с момента зачатия (с учетом внутриутробной жизни плода).

В табл. 1 представлены сравнительные данные репродуктивных параметров калмычек в 1925 г. с 2004–2006 гг. (Балинова и др. 2008: 850–856).

Распределение обследованных в 1925 г. калмычек по возрасту наступления репродуктивной способности показало выраженное запоздание *menses*. Средний возраст при вступлении в брак составил 19,5 лет. В среднем беременность наступает через 1,7–1,8 года после вступления в брак, поздние случаи очень редки. Общее распределение коэффициентов возрастной плодовитости достигает максимума в периоде от 25 до 29 лет и стремительно падает после 35 лет. У калмычек наблюдается естественный характер воспроизводства с нерегулируемой рождаемостью и отсутствием абортов. Прекращение деторождения у торгутов наступает в среднем в 38,3 года. В предшествующем поколении средний возраст при

рождении последнего ребенка составлял 41,1 года. Однако самым неожиданным для исследователей явилось благоприятное течение беременностей и родов у калмычек при полном отсутствии медицинской помощи и крайне неудовлетворительных условиях жизни.

Т а б л и ц а 1

Показатели репродуктивных функций женщин в сельских популяциях Калмыкии

Параметр	1925 г.	2004–2006 гг.			
		Торгуты, Лаганский р-н	Дербеты, Целинный р-н	Бузавы, Городовиковский р-н	Суммарная выборка
Возраст menarche, лет	16,60	14,18 ± 0,01	13,73 ± 0,09	13,78 ± 0,12	13,90 ± 0,07
Возраст при рождении первого ребенка, лет	22,10–22,60	22,99 ± 0,28	23,76 ± 0,32	23,77 ± 0,35	23,51 ± 0,18
Возраст при рождении последнего ребенка, лет	38,30	30,48 ± 0,41	31,91 ± 0,47	31,56 ± 0,48	31,30 ± 0,26
Возраст climacterium, лет		47,71 ± 0,37	47,23 ± 0,40	48,80 ± 0,36	47,81 ± 0,23
Среднее число беременностей, приходящихся на одну женщину		4,62 ± 0,20	4,64 ± 0,21	7,97 ± 0,32	5,49 ± 0,15
Среднее число родов, приходящихся на одну женщину	7,00	3,34 ± 0,13	3,18 ± 0,16	3,08 ± 0,13	3,21 ± 0,08
Среднее число аборт	0	1,10 ± 0,14	1,13 ± 0,13	4,73 ± 0,30	2,05 ± 0,13
Средний процент выкидышей	2,00	5,24	10,71	0,03	5,2976
Средний процент мертворождений	0,50				0,68

Иная картина получена при исследовании в 2005 г. сельских популяций торгутов (Лаганский р-н), дербетов (Целинный р-н), бузавов (Городовиковский р-н) (Балинова и др. 2008; Балинова 2010). По данным акушерского анамнеза, в группах женщин с завершенной репродукцией наблюдается более раннее созревание, физиологическая граница начала репродуктивного возраста составляет 13,9. Средний возраст при рождении первого ребенка равен 23,51, при рождении последнего ребенка 31,3, климакс наступает в среднем в 47,8 года.

Таким образом, в современных группах у калмычек отмечается выраженный разрыв социально обусловленных границ с физиологической продолжительностью репродуктивного периода. Что касается пропорции выкидышей (5,39%) и мертворождений (0,68%), хотя они и выше,

чем были 80 лет назад, но в разы ниже самопроизвольного прерывания беременностей по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) для современных женщин (15–20%) (Айламазян, Зайнулина, Рябцева 2000: 182–184). В сельских популяциях распространен регулируемый тип рождаемости, более характерный для городского населения, выявляется также сопряженность силы социального прессинга с пропорцией аборт (Балинова и др. 2008: 850–856).

Антропометрические измерения и характеристики описательных признаков калмыков проводились в 1925 г. антропологами Т.И. Арон и Н.И. Пушкинской по методикам профессора В.В. Бунака (Бунак 1924: 78). Рост калмыков снижен по сравнению с довоенным периодом (Гражданская война) на 1,5–2 см. Окружность груди равна 53,3% роста, в предшествующий период – 54%, что свидетельствует о произошедшем снижении показателей физического развития. При группировке по социальным признакам лучшее физическое развитие выявлено у самостоятельных хозяев по сравнению со служащими. Из аномалий физического развития обнаружена повышенная распространенность формы О-образных ног, высокий процент сколиозов у горожан и плоских стоп у земледельцев.

Также проведены антропометрические исследования калмыцких детей с грудного возраста до 19 лет. По социальному происхождению 63% из них дети скотоводов, 16% – земледельцев, остальные – дети рыболовов. Результаты измерений показали, что динамика прироста длины тела, веса и окружности груди близка к стандартным ритмам роста. Однако период полового созревания и связанный с ним подъем роста начинаются позже и заканчиваются раньше, чем у русских и украинских детей. Антропологической особенностью калмыков является брахиморфность.

Общий секулярный тренд проявляется в увеличении длины тела человека. Так в 1960-е гг., по данным ВОЗ, средний рост мужчин в СССР составлял 168 см, женщин – 157 см. В следующие 50 лет рост и мужчин, и женщин увеличился еще примерно на 10 см; по данным на 2013 г., средний рост мужчин в России составлял 178 см, женщин – 166 см.

У калмыков иная динамика, только в 1970-х гг. в популяциях намечилось увеличение роста. Следует учитывать, что измерялось взрослое население старше 18 лет, детство которых пришлось на сложные годы Великой Отечественной войны, депортации и трудный послевоенный период, что, естественно, отразилось на росте и развитии. Осуществленное нами в 2014 г. исследование показало резкое увеличение роста, обусловленное социально-экономическими факторами и процессами акселерации (Балинова 2015: 93–101) (рис. 1).

Вместе с эпохальными изменениями роста изменились и другие показатели физического развития.

Рис. 1. Изменение роста мужчин калмыков по годам исследования

Таблица 2

Показатели физического развития мужчин калмыков в 1925 и 2014 гг.

Параметр	1925 г.			2014 г.
	Скотоводы	Земледельцы	Рыболовы	Суммарная выборка
Рост, см	165,9	162,7	161,6	172,3
Вес, кг	57,9	58,5	61,4	79,2
Окружность груди, см	84,9	85,5	87,3	97,9
Грудной показатель	62,1	52,55	54,0	56,8
Росто-весовой показатель	35,5	35,8	38,0	45,9

Как видно из табл. 2, показатели физического развития мужчин калмыков в 2014 г. превышают показатели 1925 г. по росту, весу и обхвату груди. Практически по всем признакам прослеживается тенденция к увеличению показателей. Исключение составляет грудной показатель, при сравнении среднего значения грудного показателя для земледельцев, рыболовов и скотоводов, равного 56,2, с данными 2014 г. (56,8), видно, что рост и развитие происходят в целом гармонично и соответствуют брахиморфному типу телосложения (Балинова 2015: 93–101). У современных калмыков, обследованных нами в ходе сравнительного анализа субэтнических групп, рассматривались тотальные размеры тела. По показателям поперечного развития скелета – диаметрам плеч и таза, трансверсальному и саггитальному диаметрам груди – мужчины бузава превосходят торгутов и дербетов, причем максимальные и достоверные различия фиксируются по ширине плеч и саггитальному диаметру. Так как в исследовании 1925 г. субэтническая принадлежность не учитывалась, при сопоставлении были привлечены данные суммарной выборки современных мужчин калмыков.

В исследованиях санитарного состояния населения Калмобласти 1925 г. значительная часть отводилась определениям эпидемиологической ситуации в отношении заболеваемости туберкулезом, малярией, трахомой, сифилисом, гонореей, болезнями сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения, кожи и подкожной клетчатки. В полевых условиях были получены 3 372 проверенные реакции Пирке. Больные с компенсированными формами туберкулеза составили 8,5% от общего числа обследованных лиц, с субкомпенсированными формами 1,2%, бронхитами 4,7%, железистыми формами 19,5%. Кроме того, имеется 0,4% с одним только выдохом на правой верхушке, которых можно отнести к здоровым, 4,2% практически здоровых, 50,9% здоровых (Калмыки 1928: 191–193). Показано, что у калмыков наблюдается значительно меньшая устойчивость к туберкулезу, но в целом ситуация с туберкулезом в Калмобласти не является угрожающей.

Обсуждение

Калмыки являются пришлым населением в Юго-Восточной Европе, и это отразилось в особенностях демографических процессов в популяциях. Исследования 1925 г. показали, что наблюдающиеся уменьшения общей численности в неблагоприятные в экономическом отношении периоды являются временными. Подобные изменения проявлялись в стране на всех пораженных разрухой районах.

Предлагаем гипотезу, объясняющую особенности процессов воспроизводства с замедленным приростом и колебанием численности, которые выработались как эволюционный тренд биологической приспособленности к кочевой жизни. Максимальная близость к природе, жизнь на грани выживания, выносливость воина с бойцовскими качествами отличали кочевников, живущих в кибитках с суровым «спартанским» бытом. При этом особые требования выдвигались к здоровью кочевницы, матери, продолжательницы рода, поскольку ни беременность, ни грудное вскармливание ребенка не освобождали от тяжелой физической работы, к которой женщины приступали уже на следующий день после родов. Это норма кочевой жизни, в которой женщина трудится наравне с мужчиной и в особо опасных случаях способна спасти семью и свой род. В суровых условиях способны выжить только наиболее сильные и здоровые люди. В течение поколений происходил жесткий естественный отбор на выживаемость и плодовитость. Результаты проявляются в снижении числа беременностей и более поздним началом деторождений, когда женский организм уже полностью сформировался, и, самое важное, сопровождается снижением пропорции акушерской патологии. Обнаруженная репродуктивная компенсация по типу сокращения эмбриональных потерь является основной особенно-

стью воспроизводства кочевых калмыцких племен. Иначе они просто бы не выжили. Участники экспедиции П.Ю. Берлина с немалым удивлением констатировали, что, несмотря на полное отсутствие медицинской помощи при беременности и родах, у калмычек было отмечено всего 0,2% патологии в родах, 2% выкидышей и 0,5% мертворождений. Для справки: частота самопроизвольного прерывания беременности у современных женщин составляет около 15–20% от общего числа всех выявленных беременностей (Айламазян и др. 2000: 182–184; Спицын, Спицына 2016: 98–114; Бычкова и др. 2018: 43–49).

В России переход к оседлости у кочевых народов происходил поразному. Резкая ломка выработанного веками образа жизни могла оказаться для калмыков губительной, но тревожные прогнозы не оправдались. Полученные результаты свидетельствуют о глубоких социально-экономических изменениях, процессах акселерации и общем секулярном тренде, проявившемся у калмыков с 1970-х гг. в резком увеличении роста и изменениях других показателей физического развития. Динамика формирования особенностей физического развития калмыков и процессов воспроизводства популяций свидетельствует о произошедших процессах биологической и социальной адаптации потомков древних кочевых калмыцких племен на территории Республики Калмыкия.

Выводы

1. Классическое исследование биологических и социальных аспектов жизнедеятельности калмыков, проведенное в 1925 г. экспедицией под руководством П.Ю. Берлина, имеет огромное значение для науки и практики. Результаты работы являются реперными точками отсчета в изучении динамики процессов физического развития калмыков.

2. Результаты сравнительного анализа данных 1925–2014 гг. свидетельствуют о значительных изменениях в структуре современных сельских популяций калмыков.

3. За прошедшие 90 лет рост мужчин калмыков увеличился на 8,9 см, что соответствует общероссийским и мировым тенденциям. Эпохальные изменения роста и других показателей физического развития не меняют основ брахиморфного типа строения тела, что свидетельствует о гармоничном росте и развитии.

4. В сельских популяциях калмыков произошел демографический переход от естественного характера воспроизводства к регулируемому типу, более характерному для городского населения. Изменения в характере воспроизводства народонаселения Калмыкии отражают общемировые тенденции.

Литература

- Айламазян Э.К., Зайнулина М.С., Рябцева И.Т. Акушерство : учеб. для медвузов. СПб.: СпецЛит, 2000.
- Балинова Н.В., Спицына Н.Х., Ельчинова Г.И., Тереховская И.Г. Анализ репродуктивных и возрастных параметров калмыцких сельских популяций // Генетика. 2008. Т. 44, № 6. С. 850–856.
- Балинова Н.В. Антропометрическое исследование субэтнических групп калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 93–101.
- Батыров В.В. Улюмджи Душанович Душан: жизнь и эпоха // Душан У.Д. Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 13–37. (Серия «Manuscriptum orientalia»).
- Бунак В.В. Несколько данных по вопросу о типичных конституциях человека // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13, вып. 1–2. С. 76–93.
- Бычковская Л.С., Балинова Н.В., Спицына Н.Х., Спицын В.А. Полиморфизм генов, экспрессирующихся в грудном молоке, в связи с соматотипом новорожденных и репродуктивной функцией женщин // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2018. № 1. С. 43–49.
- Калмыки. Исследование санитарного состояния и запаса жизненных сил / под ред. А.В. Молькова. М.: Гос. изд-во, 1928. 345 с.
- Лебединский А. К вопросу о вымирании калмыков. Астрахань: Типография Калмоблиздата, 1927.
- Мечников И.И., Бюрнэ Е., Тарасевич Л.А. Исследования туберкулеза в Калмыцкой степи // Астраханский вестник. 1912. 22–25 июля.
- Спицын В.А., Спицына Н.Х. Проблема хронологической периодизации в эволюции *Homo sapiens sapiens* и концепция комплексных исследований в генетике человека // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. № 2. С. 98–114.

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2020 г.

Dynamics of the formation of physical development and reproductive structure of Kalmyks

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/6

Nailya K. Spitsyna, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nailya.47@mail.ru

Natalia V. Balinova, Research Center for Medical Genetics (Moscow, Russian Federation). E-mail: balinovs@mail.ru

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-910).

Abstract. Adaptation of nomadic groups of Kalmyks on the territory of the Russian Federation attracts the attention of researchers by the complexity and ambiguity of social and biological processes accompanied transition to a sedentary lifestyle in new environmental conditions. Analysis of the physical development of children and adults, fertility, morbidity, conditions of living, nutrition of the population of the Kalmyk Region in 1925 revealed a slow growth rate with a fluctuating level and some decrease in physical development. Taking these indicators as a starting point, we conduct a study of the dynamics of the formation of anthropogenetic features of physical development and parameters of the reproductive structure of rural populations of Kalmyks from 1925 to 2014. The analysis includes Torguts of Lagansky, Derbets of Tselinny, Buzavs of Gorodovikovsky districts of Kalmykia Republic. The results indicate that there have been profound socio-economic changes, acceleration

processes. A general secular trend has been manifesting in a sharp increase in growth by 8.9 cm. and changes in other physical development indicators in Kalmyks since the 1970s. In terms of weight and chest circumference, there is a tendency to increase, except for the chest indicator (the ratio of chest circumference to height). This indicates a harmonious growth and development that does not change the basics of the brachymorphic type of body structure. In rural populations, there was a demographic transition from the natural mode of reproduction to a regulated birth rate. The average age of the onset of menarche is 13.9 ± 0.07 years old, the age of the first child birth is 23.5 ± 0.18 , of the last child birth is 31.3 ± 0.26 , climacterium comes at 47.8 ± 0.23 years old. A pronounced gap between socially determined boundaries and the physiological duration of the reproductive period is revealed. In populations, there is a regulated type of birth rate, which is more characteristic for the urban population, with social pressure associated with the proportion of abortions. The authors propose a hypothesis that explains the reproductive compensation, which proceeds according to the type of reduction of embryonic losses, developed in generations by the evolutionary trend of biological fitness for nomadic life.

Keywords: Kalmyk anthropology, demography, fertility, reproductive health, morbidity

References

- Ailamazian E.K., Zainulina M.S., Riabtseva I.T. *Akusherstvo. Uchebnik dlia medvuzov* [Obstetrics. Textbook for Medical Universities]. St. Petersburg: «SpetsLit», 2000.
- Balinova N.V. Antropometricheskoe issledovanie subetnichskikh grupp kalmykov [Anthropometric Study of Sub-Ethnic Groups of the Kalmyks], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2015, no. 3, pp. 93–101.
- Balinova N.V., Spitsyna N.K., El'chinova G.I., Terekhovskaia I.G. Analiz reproduktivnykh i vozrastnykh parametrov kalmytskikh sel'skikh populatsii [Analysis of Reproductive and Age-Parameters in Kalmyk Rural Populations], *Genetika*, 2008, Vol. 44, no. 6, pp. 850–856.
- Batyrov V.V. Uliumdzhii Dushanovich Dushan: zhizn' i epokha [Uliumdzhii Dushanovich Dushan: life and era]. In: *Izbrannyye trudy Dushan U.D., seriia «Manuscriptum orientalia»* [Selected Works of Dushan U.D., Manuscriptum orientalia series]. Elista: FBGNIKIGIRAN, 2016, pp. 13–37.
- Bunak V.V. Neskol'ko dannykh po voprosu o tipichnykh konstitutsiakh cheloveka [Some data on the issue of typical human constitutions], *Russkii antropologicheskii zhurnal*, 1924, Vol. 13, Is. 1–2, pp. 76–93.
- Bychkovskaia L.S., Balinova N.V., Spitsyna N.K., Spitsyn V.A. Polimorfizm genov, ekspresiruiushchikhsia v grudnom moloche, v sviazi s somatotipom novorozhdennykh i reproduktivnoi funktsiei zhenshchin [Polymorphism of Genes Expressed in Breast Milk in Connection with the Somatotype of the Newborn and Reproductive Function of Women], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 23: Antropologiya*, 2018, no. 1, pp. 43–49.
- Kalmyki. Issledovanie sanitarnogo sostoianiia i zapasa zhiznennykh sil [Kalmyks. A Study of Sanitary Condition and Vitality]. Ed. by A.V. Mol'kov. Moscow: Gos. Izdatel'stvo, 1928.
- Lebedinskii A. K voprosu o vymiranii kalmykov [On the issue of the extinction of the Kalmyks]. Astrakhan': Tipografiia Kalmoblizdata, 1927.
- Mechnikov I.I., Biurne E., Tarasevich L.A. Issledovaniia tuberkuleza v Kalmytskoi stepi [Tuberculosis Research in the Kalmyk Steppe], *Astrakhanskii vestnik*, 1912, 22–25 July.
- Spitsyn V.A., Spitsyna N.K. Problema khronologicheskoi periodizatsii v evoliutsii Homo sapiens sapiens i kontseptsii kompleksnykh issledovaniy v genetike cheloveka [Problem of the Chronological Periodization in Homo Sapiens Evolution and Concept of the Complex Researches in Human Genetics], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii XXIII. Antropologiya*, 2016, no. 2, pp. 98–114.

УДК 316.7:930.1(575.4)
DOI: 10.17223/2312461X/33/7

«БОРИТЕСЬ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ВОСТОКА!». СОВЕТСКИЕ КОВРЫ И ПЛАКАТЫ ЗА ЭМАНСИПАЦИЮ ЖЕНЩИН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1920–1930-е гг.¹

Снежанна Александровна Атанова

Аннотация. Визуальная пропаганда была мощным инструментом распространения новых идей и практик в советской Центральной Азии. Плакаты, текстиль и другие объекты советской материальной культуры с их яркими визуальными образами и печатными призывами агитировали мужчин и женщин бороться за новую счастливую жизнь в социалистическом государстве. В статье исследуются плакаты и ковры, созданные в период 1920–1930-х гг. и призывающие к эмансипации женщин Центральной Азии. Изучение графических и текстовых нарративов дает возможность, с одной стороны, обратить внимание на «советскую материальную идеологию» или объекты материальной культуры, отмеченные советской иконографией, с другой – рассмотреть, какие идеи о женской эмансипации они распространяли и как воспроизводился образ женщины «советского Востока». «Артефакты», бывшие частью повседневной жизни, вкупе с письменными источниками помогают в изучении многомерной картины советской истории. Они проливают свет на гендерные роли в 1920–1930-е гг., на связи между традицией и современностью, национальным и наднациональным, нисходящими и восходящими нарративами. В исследовании использованы плакаты из коллекции Российской государственной библиотеки и Фонда Марджани, а также ковры из Музея изобразительных искусств Туркменистана, Российского этнографического музея, Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства и частных коллекций.

Ключевые слова: «материальная идеология», эмансипация женщины, советский текстиль и плакаты, Центральная Азия, Туркменистан

В 1930 г. в издательстве «Казиздат» вышел плакат «Боритесь за освобождение женщины Востока» (рис. 1). Этот лозунг изменил историю Центральной Азии и положение женщин региона. Плакат призывал ликвидировать неграмотность, оберегать здоровье детей, вступать в колхозы и идти работать на заводы и фабрики. Эти призывы подразумевали, что женщинам отныне предоставлены равные с мужчинами права в общественной, семейной и трудовой жизни². Кажется, они достигли своей цели в советские времена, однако чуть более века спустя на Первой феминнале современного искусства под названием «Кормилицы. Экономическая свобода. Женщины»³ в Бишкеке в 2019 г. художницы и активистки из Центральной Азии вновь отстаивали свои права, в том числе на женский труд⁴.

Рис. 1. Плакат «Боритесь за освобождение женщины Востока». 1930
(Казиздат. Российская государственная библиотека)

Запрет правительственных структур Кыргызстана на ряд выставочных экспонатов, угрозы представителей экстремистской националистической праворадикальной группировки «Кырк Чоро», называющих себя «традиционалистами», в адрес организаторов и участников Feminnale – один из немногих эпизодов, показывающих (нео)консервативные тенденции в обществах Центральной Азии.

Между тем буквально с первых дней своего существования советское государство выступило против патриархальных традиций⁵ в Центральной Азии, а визуальные образы в графике и текстиле были одним из инструментов широкомасштабной кампании по эмансипации женщин региона. Звучные призывы и яркие образы были нацелены на женщин, а некоторые из них, особенно текстильные, созданы самими женщинами. Обзор советских плакатов и текстиля, изготовленных для и в Центральной Азии, позволяет исследовать проект по эмансипации женщины, реализовывавшийся в СССР в период 1920–1930-х гг.

Объекты материальной культуры, призывающие женщин Центральной Азии бороться за свои права, представляют собой огромный, но малоизученный пласт. История вопроса восходит к 1918 г., когда был принят Ленинский план «монументальной пропаганды». Вслед за агитпоездом «Красный Восток»⁶ в регион хлынули пропагандистские плакаты, агитирующие за советское счастье и за освобождение женщин в Центральной Азии. В то время как профессиональные художники создавали графику, мастерицы из Центральной Азии – текстильные шедевры с агитационным повествованием.

Мое исследование плакатно-текстильной агитации не направлено на обсуждение эффективности или неэффективности советской пропаганды. Оно сосредоточено на «советской материальной идеологии». Я включаю в эту категорию объекты материальной культуры, в том числе графику и текстиль, созданные в советский период, отмеченные советской иконографией и символами и способствующие распространению советских идей. Рискну сказать, что речь идет о новом концепте, который основан на марксистской теории, теоретически опираясь на работу Луи Пьера Альтуссера (Althusser 1971), объясняющего, как советская идеология проявлялась на повседневном уровне.

Основной вопрос исследования – как плакаты и ковры содействовали распространению советских идеологических воззрений и – более специфично – нового взгляда на женскую эмансипацию? Ему сопутствуют два вспомогательных: какие цели ставила кампания по эмансипации женщин в Центральной Азии в 1920–1930-х гг.? И как поставленные цели отражались в плакатах и коврах, созданных в эти годы? Я предполагаю, что основная сила материальной идеологии состояла не только в ее содержании, но и в том, как, кем и для кого / чего она была произведена, т.е. в совокупности контекстуального посыла. Используя плакаты и ковры, я намерена проследить, как агитация за права и свободы женщин сузилась до приоритетов женского труда. Женский труд был крайне необходим советскому государству: для укрепления экономики, для социальных преобразований и модернизации. Призывы работать на благо советского государства были частью более широкой кампании по борьбе за права и свободы женщин. Плакаты и текстиль отра-

жают динамику советского проекта по эмансипации в период с 1920-х по 1930-е гг.: от борьбы за права женщин к активному привлечению женского труда. На «изменчивый характер» кампании по эмансипации женщин обращают внимание в своих работах Марианн Камп и Адриенн Эдгар⁷.

С целью осмыслить советскую политику женской эмансипации проанализированы визуальный ряд и тексты, имеющие отношение непосредственно или косвенно к кампании по освобождению женщин Центральной Азии. Мне удалось изучить примерно пятьдесят таких плакатов, созданных в 1920–1930-х гг., из коллекции Российской государственной библиотеки и Фонда Марджани, а также текстильные экспонаты из Музея изобразительных искусств Туркменистана, Российского этнографического музея, Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства и частных коллекций. Я опираюсь на собственные полевые материалы, собранные в Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане в период с 2017 по 2019 г., равно как и на другие источники, в том числе архивные. Я также обращаюсь к публикациям советских авторов. Особенно интересны те, что сообщают как воспринимались образы вождей, пропагандистский текстиль, и те, кто его создавал в советскую эпоху (Пробужденные Великим Октябрем 1961; Великий Октябрь 1971). Дополнительно я использую свидетельства мастериц, создававших ковры с портретами Ленина в 1980-х гг. (ПМА. Ашхабад, Балканабат, Туркменабат, Туркменбаши, 2017, 2018).

Представленные в статье графика и текстиль, во-первых, связаны с кампанией по эмансипации женщин Центральной Азии; во-вторых, отражают содержательный характер этой кампании. В исследовании учитывается год создания ковров и плакатов, но поскольку моя цель заключается в том, чтобы попытаться показать не линейную, а объемную картину происходящих событий, в некоторых случаях, освещая объекты материальной культуры, я выхожу за рамки периода 1920–1930-х гг.

Парад гендера, нации и «материальной идеологии»? Теоретизирование советского ковра и плаката

Усилия советской власти, направленные на изменение прав и ролей женщин в Центральной Азии, или кампания по эмансипации женщин, восходят к 1920-м гг. (Edgar 2003, 2006; Northrop 2004; Kandiyoti 2007; Kamp, 2016a, 2016b; Ubiria 2016). За драматическими событиями и агитационными призывами этой кампании стоят амбициозные государственные проекты модернизации и секуляризации общества во имя экономических достижений советского государства. Эмансипационный проект имел инструменталистский характер, его «цель заключалась не в установлении прав и личных свобод женщин ради них самих, а в из-

менении роли женщин во имя широких социальных преобразований» (Kamp 2016b: 67). Модернизационные изменения включали женское образование, здравоохранение, труд и общественную деятельность, привнесившиеся в общества Центральной Азии через принуждение, образование, популяризацию и пропаганду.

Недавние работы Юрия Слезкина, Алексея Юрчака, Йохена Хелльбека и Майкла Дэвида-Фокса (Yurchak 2006; Дэвид-Фокс 2014; David-Fox 2015; Hellbeck 2015; Slezkine 2017) открыли новый этап в изучении советской эпохи. И хотя в исследовании кампании по эмансипации женщин объекты материальной культуры, как правило, не принимаются в расчет, нижеследующие работы обсуждают репрезентацию советских женщин в изобразительном искусстве, литературе и плакатах. Рассматривая советскую пропаганду через ее связь с идеологией и гендером, Чой Чаттерджи обратилась к литературе и риторике пролетарских прокламаций (Chatterjee 1999: 21–22). Чаттерджи отмечает, что «трагический характер» женского вопроса был основан на традициях русской литературы, изображающей истории женщин в драматических красках (21). Сьюзен Э. Рид обращается к изобразительному искусству, дабы осветить, как репрезентации женщин и коммунистического лидера страны, Иосифа Сталина, представляли советскую стратегию, нацеленную на «подчинение общества», другими словами, как советская аудитория «воображалась женской, и сам процесс созерцания толковался как акт “женской” идентификации и подчинения» (Reid 1998: 133, 172). Высказанный в обеих статьях тезис о подчинении отчасти продолжается в настоящей работе в контексте туркменских портретов-ковров. Ковры создавались женщинами и изображали мужчин-вождей, тем самым, казалось бы, закрепляя традиционные гендерные нормы. В то же время, композиция и дизайн ковровых изделий заставляют задуматься о том, а выражали ли туркменские ковры молчаливое женское подчинение или все же сообщали об их освобождении?

Сама постановка этого вопроса предполагает, что значение ковров могло выходить за рамки декоративного убранства. В статье Веры-Симоны Шульц исследуются связи коврового дизайна и политики. С этой целью сопоставляются иранские ковры эпохи Каджаров и туркменские советские ковры (Schulz 2014). Несколько исследований обращено к вопросу о том, как советская агитационная графика отражала эволюцию «мусульманского вопроса» в период 1920–1940-х гг. (Бобровников, Филатова 2013; Bobrovnikov 2017: 54–73; Филатова, Меликова, 2020). Вышеназванные работы затрагивают в том числе тему женской эмансипации, ибо в ранней советской пропаганде невозможно разделить мусульманский и женский вопросы. Такая взаимосвязь объясняется тем, что пропаганда 1920–1930-х гг. ставила перед собой две основные цели – борьбу с религией и эмансипацию женщин: религия

должна была быть искоренена, дабы расчистить идеологическое поле для советского мировоззрения, а освобожденные женщины – стать благодарными союзниками новой власти. Сопутствующие задачи по ликвидации неграмотности, призывы к обеспечению права женщин на труд, защита детей, внедрение гигиены и санитарии были направлены на эффективное претворение в жизнь обеих кампаний. Тему плакатов продолжает Сюзан Корбесеро, которая отмечает постепенное изменение репрезентации женщины в графике военного времени 1941–1945 гг. Корбесеро прослеживает, как женский образ инструментализировался во время Великой Отечественной войны, когда Советский Союз нуждался в женщинах-воинах и женщинах-работницах (Corbesero 2010: 103–120). «Изменение официальной политики и позиции» в годы войны (103) сопоставимо с довоенными плакатами, на которых изображения женщин-борцов за свои права в 1920-е гг. сменяются в 1930-е гг. изображениями женщин-работниц. Я не могу обойти вниманием тот факт, что производство агитационных образов основывалось на существовавших ремесленных практиках, и помимо вышеупомянутой работы Шульц отмечу статью Ирины Богословской. Богословская обращает внимание на проникновение советской символики в декоративно-прикладное искусство Центральной Азии, например в ткань *адрас*, в вышивки на тюбетейках и в ювелирные изделия (Bogoslovskaya 2012).

Данная статья теоретически опирается на работу Луи Альтуссера, в которой следуя марксистской теории (Маркс, Энгельс 1959), государство сравнивается со зданием, чьи верхние этажи являют «идеологическую надстройку», неспособную устоять без прочного фундамента – материального производства и производственных сил (Althusser 1971). Развивая эту метафору, я полагаю, что плакаты и ковры были воплощением «материальной идеологии», чья сила заключалась не только в советской символике и агитационных призывах, но и в способе производства и потребления. Объекты материальной идеологии создавались на государственных предприятиях и частными ремесленниками, они были частью советского быта, их можно было найти в кабинете советского чиновника и в доме простого рабочего, в музее и на базаре, их дарили высокопоставленным функционерам из Москвы и туркменским молодоженам из Небит-Дага (Балканабата). В дополнение к сложной контекстуальной обусловленности, материальная идеология была частью идеологического государственного аппарата (ИГА), чья сфера воздействия охватывала в том числе приватное пространство, в его арсенале среди прочих – культура, образование и семья (Althusser 1971). В противопоставление репрессивному государственному аппарату, куда относились армия, полиция и суды и который функционировал «через принуждение», ИГА действовал «посредством идеологии» (1971).

Исследуемые в статье текстиль и графику можно отнести к «материальной идеологии». В трактовке Альтуссера объекты материальной

культуры, облеченные идеологической иконографией и контекстом, были частью ИГА, в том числе в силу их широкой представленности в общественном и приватном пространстве. Тем самым «материальная идеология» распространяла советские идеи, в том числе об освобождении женщин. Далее мы рассмотрим, какие идеи о женской эмансипации распространяли ковры и плакаты, созданные в или для республик Центральной Азии в период 1920–1930-х гг.

Призывы за женские права: «Долой калым!»

Сочетание коммунистической символики и традиционных туркменских орнаментов-*гёлей*⁸ на коврах символизировало торжество советской власти, окутанной флёрom национальной орнаментики, соответствуя главной задаче – созданию «культуры национальной по форме и социалистической по содержанию» (Сталин 1931: 5–13). Связанные с властью имущими, ковры, казалось, определяли политические и социальные границы советского общества, которое можно было условно разделить на тех, кто создавал ковры, и тех, кто получал их в дар. С точки зрения теории дарообмена Марселя Мосса, дарение ковров советским вождям и высокопоставленным чиновникам отражает взаимоотношения между властью и подданными. Дары соединяли вождей и простых людей (Соснина, Ссорин-Чайков 2006: 13). Предположу, что подарки советским лидерам, которые продолжили существовавшую в российской империи традицию дарения, в том числе текстильных портретов правителей (Schulz 2014: 255), символизировали лояльность граждан национальных республик Центральной Азии к советскому правительству.

В 1927 году искусная ковровщица Бибинияз Ахмедова из Байрам-Али в Туркменистане соткала необычный шерстяной ковер. Необычным он был потому, что наряду с традиционными туркменскими орнаментами ковер украшали надпись «Далой калым» (Долой калым) и портрет Владимира Ленина (рис. 2).

Калым, или обычай выкупа невесты, существовал не только в Туркменистане, но и в других странах региона. Однако именно в Туркменистане отмена калыма стала символом кампании за эмансипацию женщин. Центральный исполнительный комитет Туркестана издал декрет о запрете калыма в 1921 г., хотя практические меры были приняты позже, в 1924 г. (Каррыев и др. 1953: 675). В начале 1920-х гг. советские власти чувствовали себя неуверенно в регионе и не рекомендовали сотрудницам женотдела работать среди туркменских женщин, вмешиваясь в их семейную жизнь (Росс 1959: 352). Женотделы активизировали свою работу лишь в 1925 г., когда была образована Туркменская Советская Социалистическая Республика. Тогда же появился и первый туркменский ковер-портрет с изображением Владимира Ленина (рис. 3, слева).

Рис. 2. Деталь ковра «Долой калым»

Рис. 3. Ковер «Ленин умер, но его дело живет». 1925 (слева) (Государственный музей Изобразительных искусств Туркменской ССР); литография «Ленин умер, но его дело живет» (справа). 1924 (Российская Государственная библиотека)

Ковер создан на основе литографии с изображением Ленина (рис. 3, справа), которая была выпущена в 1924 г. после смерти вождя⁹. В свою очередь литография основана на фотографии Ильича 1920 г. (Schulz 2014: 251). Ковер украшают две надписи на русском языке: первая сообщает, что он был соткан в 1925 г. на полуострове Челекен в Туркменистане и его создатели – Байли Шарапов и Сапаргуль Шарапова; вторая: «Ленин умер, но дело его живет». Использование русского языка объясняется воспроизведением надписи и изображения с русской литографии. В сравнении надпись «Далой калим» на ковре с предыдущей иллюстрации вряд ли скопирована с плаката или газетного заголовка. Допущенные грамматические ошибки позволяют предположить, что она была воспроизведена на слух ковровщицей, не знавшей русского языка. Это предположение также основывается на анализе туркменских ковров, изготовленных мастерицами в более поздний период¹⁰. Как правило, ошибки допускались в надписях на русском языке и в работах частных мастериц. Грамматически правильные надписи украшали ковры, изготовленные по дизайну профессионального художника на государственном предприятии. Отмечу, что надписи на русском языке лишали ковер пропагандистской силы, так как туркмены практически не знали русского языка в период 1920–1930-х гг.¹¹ Оба ковра были изготовлены мастерицами в частном порядке, поскольку первая государственная коврая «Экспериментально-художественная мастерская» была создана в 1937 г.¹², а представленные ковры датируются 1920 г.¹³ В мастерской идеологические ковры создавались по эскизам профессиональных художников. Туркменские ковровщицы продолжали изготавливать советские «пропагандистские» ковры в частном порядке и после 1937 г. Я называю их «пропагандистскими», потому что они воспроизводили агитационные призывы и советскую иконографию: изображения Ленина, звезды, серпа и молота и т.д. Примеры такого текстиля до сих пор можно найти в продаже на базарах Туркменистана, Кыргызстана, Узбекистана и Москвы (ПМА. 2018, 2019, 2020).

Агитационная графика появилась раньше, чем ковры с советской символикой; один из первых плакатов был выпущен для Центральной Азии в 1921 г., в период установления советской власти. Надпись арабскими буквами на узбекском языке провозглашает: “Sharq хотuni! Tushuninglaki: butun dunyo mehnatkashlarining birlashgan o’rtoq turmushlari seni qulliq bo’g’ovlarindan ham qorongg’ilikdan ozod qilachakdir” (Женщины Востока! Поймите: товарищество объединенных труженников всего мира освободит и вас от уз рабства и тьмы) (рис. 4)¹⁴. Слева на плакате изображены три европейские женщины, первая держит книгу, вторая – красный флаг, третья протягивает руки к сестрам Востока справа. Различия между Востоком и Западом обозначены в одежде: красные рубашки европейского кроя контрастируют с восточными

одеждами, длинными платьями и узорчатыми халатами; аналогично представлена архитектура: многоэтажные здания напротив минаретов. Солнечные лучи освещают пробуждающихся и готовых к борьбе женщин Востока. Художник Николай Когоут создал этот плакат в Москве в 1921 г. Тираж в 5 000 экземпляров и арабская графика были использованы для того, чтобы воздействовать на наибольшее количество мусульманских женщин и донести до них идею освобождения.

Рис. 4. Плакат «Женщины Востока! Поймите: товарищество объединенных тружеников всего мира освободит и вас от уз рабства и тьмы». 1921 (Москва. Тираж: 5000. Российская государственная библиотека)

Следующий плакат сообщает: «Без активного участия женщин в производстве не может быть восстановлена экономика республики» (рис. 5). Надпись сделана на русском и узбекском языках (арабской вязью), плакат был отпечатан тиражом 5 000 экземпляров в Ташкенте в 1920 г. (рис. 5). На переднем плане женщина занимается рукоделием, рядом швейная машинка, по правую руку от нее сидят мальчик и девочка, которые увлеченно читают. Рядом с читающей девочкой стоит еще одна, чей взгляд устремлен на женщин, собравшихся на площади. Женщины одеты в традиционную одежду – халаты и платья из разноцветной ткани *адрас*; видны паранджи, платки и тюбетейки. На возвышении стоит женщина, одной рукой сжимающая красное знамя, а другой призывно указывающая вдаль. Поза женщины и ее жест очень похожи на изображение Ленина из работы Бориса Кустодиева «Преддверие Октября. Речь Ленина на Финляндском вокзале» (рис. 6).

Рис. 5. Плакат «Без активного участия женщин в производстве не может быть восстановлена экономика республики». 1920-е гг. (Ташкент. Тираж: 5000. Фонд Марджани)

Рис. 6. Борис Кустодиев. «Преддверие Октября. Речь Ленина на Финляндском вокзале». 1926

Символы эмансипации просматриваются и через призыв к женщинам «активно участвовать в производстве», и через изображение открытых женских лиц, и даже через тюбетейки. Последние были частью мужского костюма, но с приходом советской власти их стали носить женщины, снявшие паранджу¹⁵. Тюбетейка показательна в том смысле, что она символизирует равенство в правах между женщинами и мужчинами.

Плакат «Долой калым, многоженство и всякое насилие над женщинами!» появился в конце 1920-х гг., почти одновременно с туркменским ковром «Долой калым» (1927) и после принятия ВЦИК 10-й главы Уголовного кодекса, карающей за преступления против женщин¹⁶ (рис. 7).

Плакат представляет виды преступлений против женщин и наказания, предусмотренные законом. Например, согласно ст. 196, уплата выкупа за невесту наказывается лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года; получение выкупа – те же меры и штраф в размере выкупа. В центре плаката женщина-комиссар с короткой стрижкой читает новый закон для женщин в кыргызских, казахских, туркменских, узбекских и таджикских традиционных одеждах и головных уборах. Плакат был напечатан в Москве по заказу Центрального комитета женотдела ВКП(б).

С начала 1920-х гг. пропагандистские послания на коврах и плакатах были объединены общим стремлением искоренить традиции, ограничивающие права женщин. По словам Грегори Масселла, власти рассматривали женщин Центральной Азии как «суррогатный пролетариат» – социальную базу для поддержки советского режима (Massell 1974: 128–182). Адриенн Эдгар, напротив, полагает, что советское руководство опиралось на поддержку бедных и безземельных крестьян, и поэтому «советские чиновники были склонны проявлять осторожность в попытках подорвать патриархальную социальную систему, поскольку опасались оттолкнуть тех, кого они считали истинной основой поддержки режима – бедных и безземельных мужчин-крестьян» (Edgar 2003: 132–149). Таким образом, кампания против патриархальных устоев поначалу была осторожной, что подтверждают представители женотдела (Росс 1959: 352) и о чем пишет Эдгар, что, впрочем, не исключает выводов Масселла. Советские власти учитывали и другие особенности среднеазиатского общества. Последнее обстоятельство объясняет использование арабской графики, местных языков и национальной одежды.

Начиная с 1920-х гг., тексты на плакатах пишутся на двух и более языках, включая русский (Бобровников, Филатова 2013: 9); элементы национального гардероба, чередуясь с одеждой европейского кроя, становятся отличительным маркером, который помогает привязать плакатное повествование к Центральной Азии. В 1920-е гг. представительницы женотделов также носили национальные одежды для более успешной деятельности в

регионе (Великий Октябрь... 1971: 165) и борьбы против «архаичных традиций и практик» (Edgar 2006: 252).

Рис. 7. «Долой калым, многоженство и всякое насилие над женщинами!»
(Москва. Примерно 1928–1929 гг. Тираж: 3000.
Российская государственная библиотека)

Следует отметить, что борьба велась избирательно. Например, если калым осуждался плакатами и в текстильных историях, то туркменский обычай *кайтарма*, который заключался в том, что замужнюю женщину держали в родительском доме до тех пор, пока муж не выплатит полностью ка-

лым, не упоминался¹⁷. Кайтарма, как и ряд других обычаев, отсутствовал в наглядных пропагандистских нарративах, свидетельствуя о том, что советские власти будто бы не замечали всю сложность среднеазиатских обществ, где традиции были тесно связаны одна с другой. Подчеркивая вред одних традиций, плакаты избегали упоминания о других. Возвращаясь к кайтарме, упомяну, что советский этнограф Галина Васильева, работавшая в Туркмении в 1940–1970-х гг., сообщает о существовании этого обычая среди туркмен в советское время, что косвенно подтверждает наличие калыма в Туркменистане на протяжении практически всего советского времени (НА ИЭА РАН. Ф. 15. Оп. 3. Д. 534; Ф. 15. Оп. 23. Д. 536. Л. 32–33).

Что касается традиций полезных и выгодных, таких как ковроткачество, то советская власть их всячески поддерживала. Женотделы способствовали созданию артелей ковровщиц. С одной стороны, ковры были востребованным экспортным товаром и источником денежных доходов для советского государства, с другой – ковроткачество обеспечивало оплачиваемую работу для женщин. Артели заключали контракты с Туркменгосторгом, а ковровщицы получали шерсть, красители и денежный аванс. Тот факт, что женщина более не нуждалась в мужском посредничестве при продаже ковров, трансформировал ее роль в семье и обществе. Она получала деньги за свой труд и тем самым приобретала статус кормилицы семьи. К 1927 г. в ковровых артелях Туркменистана работало около 3 000 мастериц (Росс 1959: 358), к 1929 г. – 14 595 (Перимова, Белова 1929: 31). Возвращаясь к осуждаемым традициям, отмечу что ковроткачество было связано с одной из них – калымом, поскольку приданое невесты готовилось пропорционально калыму, а ковры были обязательной частью приданого. Тем самым, поощряя развитие ковроткачества, советские власти косвенно содействовали калыму.

Ковроткачество стало дополнительным инструментом в кампании по эмансипации женщин. Что касается пропагандистских плакатов, репрезентируя женщин Центральной Азии, они демонстрировали традиционную одежду и бытующие гендерные роли. Принятие ранее существовавших гендерных ролей, традиционной одежды и ремесленных практик способствовало достижению целей пропаганды, женщины идентифицировали себя с героинями на плакатах, они видели наглядные примеры, для убедительности плакаты делили действительность на черное и белое – отсталость прошлых лет и светлый путь к советской прогрессивной жизни. Важно отметить, что в 1920-е гг. пропагандистский нарратив плакатов взаимодействовал с нарративом ковров. Плакаты, созданные по указанию властей, призывали женщин бороться за свои права, и ковры отражали эти призывы, о чем свидетельствует, например, ковер «Долой калым». Сам факт, что туркменские женщины стали ткать подобные ковры, говорит об их активном участии в советском проекте по эмансипации начиная с 1925 г.

**Призывы к женскому труду: «Колхозники, колхозницы
и медработники! Чтобы увеличить посевную кампанию,
мы увеличим количество яслей»**

Плакаты для Центральной Азии печатались не только в Москве; в 1920-е гг. в регионе появилась целая плеяда талантливых художников-графиков. «Ударная школа искусств Востока»¹⁸, работавшая в Ашхабаде в 1920–1925 гг., внесла большой вклад в развитие живописи и графики в Туркменистане. Школа подготовила первых советских туркменских художников, в числе которых Бяшим Нурали, Сергей Бегляров, Ольга Мезгирева. В 1920-х гг. туркменские художники представили свои работы на нескольких специальных выставках в Москве (Аббасова 2019: 147–148). Советские искусствоведы обвиняли представителей школы в том, что они «не отражали национальное строительство художественным языком, понятным массам», и заявляли, что некоторые художники, в частности Ольга Мезгирева, «идеализировали положение женщины в кочевом мире» (Журавлева, Чепелев 1934: 48). Но именно эти художники добавляли «национальные» детали в советскую графику. После закрытия «Ударной школы искусств Востока» и с началом первой пятилетки (1928–1932 гг.) Мезгирева вместе со своими коллегами по школе сотрудничала с художественным отделом Туркменгиза, где создавались первые туркменские плакаты (32). Одна из графических работ Мезгиревой посвящена «ясельной кампании», или мерам по увеличению яслей для детей (рис. 8).

За увеличением количества яслей стояла практическая цель – обеспечить трудовые резервы женщин, ведь достижения советских пятилетних планов были бы неосуществимы без женского участия. Плакат изображает молодую туркменку в национальной одежде: платье *гырмызы койнек*¹⁹ и зеленый халат *курте* на голове (рис. 8). Она держит на руках ребенка, а светловолосая и голубоглазая медработница склонилась над малышом. В кроватках спят самые маленькие, за двумя столами сидят дети постарше, они обедают под присмотром воспитательницы и няни. На обеих традиционные туркменские платки, на няне – белый халат, а воспитательница в длинном платье с вышивкой. На заднем плане – женщины и мужчины в национальной одежде работают в поле. Надписи на плакате на туркменском языке с использованием латинского шрифта. Первая гласит: «Колхозники, колхозницы²⁰ и медицинские работники! Чтобы увеличить посевную кампанию, мы увеличим количество яслей» (Kolhozçylar, kolhozçy ajallar ve doctorçylyq işgärleri! Ekiş ucin zarplý depginler bilen balalar sallancaqlarňy köpeldip giňeltmäge çan ediliň). Вторая надпись на развевающемся алом флаге: «Место яслей» (Göcme balalar sallancaq (jasli)). Первый латинизированный вариант туркменского алфавита существовал с января 1928 г. по май 1940 г. (Каррыев и др. 1953: 403, 474), что вместе с сюжетом «ясельной кампании» позволяет датировать плакат 1930-ми гг.

Рис. 8. «Колхозники, колхозницы и медработники!
Чтобы увеличить посевную кампанию, мы увеличим количество яслей»
(Туркменистан (предположительно Ашхабад). 1930-е гг.
Тираж: 2500. Фонд Марджани)

Активное создание детских дошкольных учреждений (Альбицкий, Шер, Яремчук 2019: 86–90) относится к 1930-м гг., в сочетании с распространением медицинской помощи (Michaels 2000: 159–178), ясли и детские сады были призваны освободить женщин от ухода за детьми и дать возможность матерям «нормально работать» (Альбицкий, Шер, Яремчук 2019: 87), другими словами, использовать женский труд на благо советской страны. Привлечение женщин Центральной Азии к труду на фабриках и в колхозах – в центре внимания целого ряда плакатов, созданных в 1920–1930-е гг. Назовем некоторые из них: «Жены рабочих, идите на фабрики, на заводы! Пополняйте отряды пролетариев!» (Художники: С. Мальт и Б. Шубин; 1931; Тираж 7 250 экз.), «Кустарка! Отдавай детей в детские дома, детские ясли, детские сады и на детские площадки» (Неизвестный художник; 1931; Тираж 2 000 экз.)²¹.

Советская индустриализация и коллективизация были направлены на построение сильного социалистического государства, в котором женщинам предлагалось активное участие. Эти процессы контекстуализировали агитационную графику, сжимая реальность до размеров плакатного листа.

Как, например, в плакате «Работница, дехганка, жена рабочего! Спешь на перевыборы делегатов! Стремись встать под красные знамена Ленинизма!» (рис. 9)²². Язык графической работы призывает женщин трудиться на фабриках и заводах и принимать активное участие в политической и общественной жизни. На это прямо указывают изображения фабрики, вереницы женщин в красных платках и само название плаката.

Рис. 9. «Работница, дехганка, жена рабочего! Спешь на перевыборы делегатов! Стремись встать под красные знамена Ленинизма!» (Самарканд, 1920–1930-е гг. Тираж: 1000. Российская государственная библиотека)

Агитируя женщин стать более активными, плакат одновременно поддерживает устоявшийся образ матери, которая заботится о своем ребенке; тем самым предлагая женщинам Центральной Азии принять и сочетать роли женщины-активистки и женщины-матери. Сопутствующие изображения на плакате затрагивают темы отказа от паранджи, важности образования и идеи о вреде традиционной колыбели-*бешик*²³ для ребенка.

К пересмотру женских ролей – матери и хранительницы очага – и добавлению новых – политической активистки, работницы и кормилицы семьи – вызывает ряд других плакатов, среди которых, в частности,

«Работницы и дехканки! Боритесь за новый быт» («Правда Востока», тираж 2 500 экз.), «Семейные затворницы Туркестана и трудящиеся женщины Туркестана» (1920-е гг., Ташкент, тираж 6 000 экз.)²⁴. Помимо схожих призывов их объединяет эстетика визуального ряда: героиня в обязательной национальной одежде, надписи на нескольких языках, контрастные цвета – светлые для прогрессивной советской жизни и темные для отсталого прошлого. В целом плакаты, созданные в период с 1920-х по 1930-е гг., демонстрируют заметный сдвиг в изображении женщины, который перекликается с политической повесткой и отношением к «женскому вопросу».

В начале 1920-х гг. женщины на плакатах были представлены как активные феминистки, которые боролись за свои права. В 1930-е гг., когда женотделы были ликвидированы и в Советском Союзе началось выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, плакаты переключились на важность женского труда во имя блага страны. Претерпел изменения язык плакатов, после перехода на латиницу, а затем на кириллицу исчезла арабская графика, одни слова были заменены другими, так, советские неологизмы типа «колхозник» и «колхозница» (рис. 9)²⁵ использовались вместо среднеазиатских терминов «дехканин» и «дехканка»²⁶.

В Советском Союзе «женским вопросом» занимались две основные организации: женотдел и комиссия по улучшению условий труда и быта женщин (КУТБ). В 1930-х гг. их деятельность постепенно сокращалась и, наконец, была упразднена в 1934 г. (Горылев, Кокорева 2007: 208–213). Вместе с упразднением женских организаций исчезли и призывы к женской эмансипации. Тем самым власть подписалась под достижением своих целей в эмансипации женщин, хотя «вредные» обычаи и традиции продолжали существовать в Центральной Азии. Как писал Глеб Снесарев, более 100 тыс. узбекских женщин сбросили паранджу в 1927 г. (Снесарев 1939: 10), но это мизерная цифра для Узбекистана, если учесть, что к 1926 г. число женщин в республике превысило 1 млн человек (Всесоюзная перепись 1928–1929). Кроме того, как показывают фотографии того периода, были женщины, которые продолжали носить паранджу до 1940 г. и даже в послевоенные годы. После закрытия женотделов и КУТБ, плакаты продолжили призывать женщин идти работать на заводы и в колхозы, принимать активное участие в политической и общественной жизни, а также быть заботливыми матерями и хранительницами очага.

Отражение гендера и нации в туркменских советских коврах

В 1920–1930 гг., наряду с традиционными коврами *халы*²⁷, туркменские мастерицы создавали ковры-портреты и ковры-панно. На коврах-

портретах обычно изображались советские политические деятели: Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Михаил Калинин и некоторые другие. Наиболее популярным героем был Ленин, одна из таких работ была описана выше. Обликов Ильича, увековеченных в текстиле, керамике и т.д., было так много, что в 1929 г. Комиссия по увековечению памяти коммунистического вождя обратилась с призывом «не разрешать помещать изображения Ленина на таких предметах, как носовые платки, ковры, посуда, кольца, товарные ярлыки и т.д.» (Соснина, Ссорин-Чайков 2006: 19). К 1930 г. на смену Ленину пришли изображения Иосифа Сталина. Ковры с портретами создавались не только в Туркменистане, а по всему Советскому Союзу. Как правило, они были ценными подарками и преподносились в том числе тем, кто был изображен на ковре. Эту практику иллюстрирует полотно казахского художника Абылхана Кастеева «Подарок товарищу Сталину» (1950), где подарком является ковер с портретом Сталина (Вандровская 1955). Советская власть поощряла текстильные эксперименты и даже призывала художников уделять внимание предметам быта, включая ткани и другие элементы «материальной среды обитания человека» (За пролетарское искусство 1930: 28), поскольку искусство и материальная культура наглядно прославляли советский режим.

В последующие годы туркменские мастерицы создавали не только ковры-портреты с коммунистическими деятелями, но и изысканные ковры-панно, рассказывавшие целые повествования, как, например «Конный пробег», 1938 г. (рис. 10).

Ковер в честь исторического конного пробега по маршруту Ашхабад–Москва был изготовлен по эскизу художника А. Савосина в экспериментально-художественной мастерской в Ашхабаде в 1938 г.²⁸ За восемьдесят четыре дня двадцать восемь всадников проделали путь длиной в 4 300 километров. В годы трудовых пятилеток этот конный пробег, как и ковер в его честь, были призваны запечатлеть заслуги туркменских колхозников и прославить выносливость туркменских скакунов. Другое панно, которое можно датировать 1930-ми гг., хранится в Российском этнографическом музее²⁹. В центральном поле изображена праздничная демонстрация: мужчины и женщины в национальной одежде Советских Социалистических Республик с цветами и знаменами. Пионер трубит в горн с вымпелом с надписью «СССР». На знамени – профили Ленина и Сталина.

До недавнего времени исследователи, изучая туркменские ковры, обращали внимание исключительно на их орнаментацию, технологическое исполнение и художественные особенности (Богуславская 2001; Tsareva 2016). Указывая примерную дату производства, атрибутируя племя или регион, сводя утилитарность ковровых изделий к декоративному убранству, специалисты практически не рассматривали исторический, социальный и политический контекст, обуславливающий производство ковров у туркмен.

Рис. 10. «Конный пробег». 1938 (Ашхабад. Всероссийский музей декоративно-прикладного искусства)

Если исследователь и задавался таким вопросом, картина происходящих событий отмечалась широкими панорамными мазками, без освещения деталей (Tsareva 1984). Но если посмотреть на туркменские ковры через призму советской эпохи и кампании по эмансипации женщин, то эволюция их дизайна, исполнения и утилитарности обретает новое контекстуальное наполнение.

Остановлюсь на художественно-орнаментальных особенностях, которые украсили туркменские ковры советской эпохи. Во-первых, туркменские ковровщицы стали создавать ковры с изображениями людей. Начиная с 1920-х гг. на коврах-портретах изображаются советские вожди, видные политические деятели и писатели, но особенной популярностью пользовался образ Владимира Ленина. Из просмотренных мною 50 портретных ковров советского времени, анфас или профиль Ильича украшали 90%, отмечу что лик Ленина присутствовал и на коврах-панно. Ковры с Ильичом дарились высокопоставленным гостям, по случаю знаменательных событий, юбилеев и даже свадебных торжеств. Во-вторых, появились надписи. В период 1920–1930-х гг. надписи на коврах делались на русском и туркменском языках с использованием

кириллицы. Надписи могли сообщать год/место создания ковра, имена ковровщиц/юбиляров/тех, кто на ковре изображен. Это могли быть агитационные лозунги и (или) юбилейные надписи. В-третьих, в пространстве туркменского советского ковра племенные орнаменты (гёли) смешивались с советскими символами. И если последние провозглашали торжество советской идеологии и супранационального государства, первые символически расчищали дорогу для этно-национальных чаяний и устремлений.

Производство агитационных ковров продолжалось на протяжении всей советской эпохи, в их создании участвовали и ковровщицы из государственных мастерских, и мастерицы, работающие в частном порядке на дому. Так, одни ковры изготавливались по государственному заказу и для высокопоставленных персон, а другие – «по зову сердца» и украшали повседневный быт. Если создание политически ангажированного текстиля на фабриках вызвано «государственными заказами», то как следует понимать участие в этом процессе ковровщиц вне государственных предприятий? И как объяснить популярность образа Ленина, наличие надписей, сосуществование советских символов и традиционных туркменских орнаментов?

Когда в 1921 г. женщины Центральной Азии приехали в Москву на Первый Всероссийский съезд женщин Востока, одна из делегатов объяснила свое желание встретиться с Лениным тем, что он «отец всех бедняков» (Пробужденные 1961: 27). Лик Ленина служил талисманом: «Для женщин Туркестана Владимир Ильич был прежде всего добрым гением <...> узбечки-активистки бережно хранили вырезанные из газет портреты его и представляли их как документы, обосновывающие женщин права. Женщины были убеждены, что портрет Ленина помогает им» (29). Это одно из объяснений изображения Ленина на ковре «Долой калым» (см. рис. 2). Следовательно, данный факт позволяет сделать первое предположение о том, почему лики вождей воспроизводились на коврах, своего рода «политических иконах» (Schulz 2014: 251) в мусульманской Центральной Азии, где не было принято изображать людей, а тем более вешать ковры на стены дома. «Наперекор духовенству портреты Ильича красовались на самых видных местах в домах многих узбеков, и в этом тоже проявлялась любовь к Ильичу» (Пробужденные 1961: 29). Второе предположение заключается в том, что новые практики были скопированы у русских коммунистов, в частности, на примере «красных юрт», «красных уголков» и женских отделов, где в изобилии были книги, пропагандистские плакаты и портреты советских вождей (Женщины в революции 1959: 364–366, 385; Тульцева 1986). В-третьих, предположу, что образ Ленина, «добраго царя», созданный для русских рабочих и крестьян (Tumarkin 1983: 93), для каждой из ковровщиц трансформировался в образ отца-защитника, ко-

торый был послан угнетенным женщинам “самим Богом”) (Пробужденные 1961: 29).

В пьесе туркменской поэтессы Тоушан Эсеновой главная героиня Шемшат соткала ковер с изображением Карла Маркса, который был отправлен на выставку в Москву; мастерство Шемшат снискало ей уважение, а ковер получил высокую награду на выставке: «Смотрю я, товарищи, на этот ковер тончайшей работы <...> и думаю: до седых волос писал мудрый Карл Маркс книги, и зернышко за зернышком разбирал тяжелую прошлую жизнь, и говорил о том, как строить новую... Мы эту жизнь построили... И вот представляю я себе – был бы сейчас жив Карл Маркс <...> как бы он восхищался дочерью этого колхоза-миллионера...» (Эсенова 1955: 88–89). Иными словами, с одной стороны, автор пьесы или говорящий ее голосом герой произведения сообщают, что создание идеологически правильных ковров было источником единодушного уважения; с другой стороны, на портретных коврах не было изображено ни одной женщины, хотя именно они – Надежда Крупская, Роза Люксембург и Александра Коллонтай – стояли у истоков кампании по эмансипации женщин в СССР³⁰. И вот что любопытно: почти на каждом ковре-портрете с изображением мужчины-политика, писателя или поэта женщина-ковровщица запечатлевала свое имя. Ковры с мужскими ликами и женскими именами создавались на протяжении всей советской эпохи. В гендерном отношении ковры-портреты провозглашали превосходство мужчин. Следовательно, исключительно мужские изображения отражали принятые в обществах Центральной Азии устои, согласно которым мужчины доминируют и угнетают женщин. Однако женские имена на ковровом полотне указывали на то, что мужские успехи были бы невозможны без женской поддержки. Отмечая собственное имя, женщины утверждали свое право на труд, его оплату, обеспечение своей семьи и, тем самым, на равенство с мужчинами.

Советская иконография оставила богатый след в материальной культуре Центральной Азии: галстуки с вышитыми красными звездами в Туркменистане в 1960–1970-х гг. (ПМА. Ашхабад, 2017, 2018), ткань *адрас* с серпом и молотом в Узбекистане (Bogoslovskaya 2012: 2, 4) в 1970-х гг. появилась ткань *хан-атлас* с красными звездами и стилизованным изображением Московского Кремля (Bogoslovskaya 2012: 9; ПМА. Ташкент, Самарканд 2018), золотые серьги с коммунистической символикой производились в 1920–1930-х гг. (Фахритдинова 1988: 169) а кыргызские мастерицы создавали вышитые ковры *туш кийизы* с гербами советских республик (ПМА. Бишкек, Ош, 2018, 2019).

Через декоративно-прикладное искусство граждане социалистических республик вносили свой вклад в советское национальное строительство. Ремесленные практики обеспечили материальную базу, а

местные традиции стали ресурсом для советского идеологического воздействия. Объекты материальной культуры, созданные местными мастерами и отмеченные советской иконографией, способствовали легитимации советской власти, одновременно лелея этнонациональные чувства. Кроме того, производство агитационных плакатов и текстиля, первых – по заказу центральных государственных органов, вторых – на государственных республиканских ковровых предприятиях и частными ремесленниками, отражало взаимодействие между официальным советским дискурсом и неофициальными нарративами простых людей.

Вместо заключения. Союз ковра и плаката

В начале статьи речь шла о Первой феминнале, когда министерство культуры Кыргызской Республики подвергло цензуре выставку и запретило арт-объекты, отстаивающие права женщин. Позиция властных структур Кыргызстана, выступивших на стороне «традиционалистов», показала и (нео)консервативные тенденции в регионе, и разрыв с советским проектом по освобождению женщин Центральной Азии. Распространяя новые идеи о роли женщины в советском обществе, кампания по эмансипации основывалась в том числе на агитационной силе графики и текстиля. Агитационные плакаты создавались в столицах советских республик и отправлялись на периферию для пробуждения женщин. Последние, в свою очередь, создавали идеологически нагруженные текстильные произведения, преподносимые в том числе в качестве подарков советским лидерам и направлявшиеся из периферии в центр. В 1950–1960-е гг. и даже позднее ковры с советской символикой были широко распространены в Туркменистане, их создавали, дарили и получали в подарок (ПМА. Ашхабад, Балканабат, Туркменабат, Туркменбаши 2018).

Агитационные плакаты (в большей степени) и отчасти ковры показывают, как призывы бороться за права женщин постепенно отходили на второй план начиная с 1930-х гг. Избирательная борьба с обычаями и поддержка «полезных» традиций, таких как ковроткачество, также демонстрируют эту тенденцию. Традиционное ковроткачество создавало «национальную по исполнению» ковровую пропаганду. Советская символика и портреты вождей не лишали ковры их утилитарности. В Туркменистане ковры украшали и кабинеты высокопоставленных советских чиновников, и дома простых граждан. Именно ковры и плакаты являлись и повседневным напоминанием, и фундаментом в метафорическом здании советского государства, в котором верхний этаж занимает идеология (Althusser 1971). С этой точки зрения ковры и плакаты являлись материальным воплощением советской идеологии.

Советский идеологический аппарат мастерски использовал существующие ремесленные практики, вестиментарные традиции и гендер-

ные роли. Туркменское ковроделие использовалось как средство для создания агитационного текстиля. Для женских образов на плакатах использовалась традиционная или «национальная» одежда. Существующие гендерные роли – женщины-матери и домохозяйки – дополнялись новыми: общественной деятельницы, работницы и кормилицы семьи. Плакаты и ковры побуждали женщин к принятию новых ролей и к совмещению их с прежними и традиционными. Получая без мужского посредничества оплату за свои труды, женщины закрепляли за собой роль кормилицы семьи. Казалось бы, ковры, сотканные женщинами, указывали на их подчиненность, ведь они прославляли мужских лидеров. Однако, вписывая свои имена, женщины бросали вызов и консервативным устоям, и предписанным, гендерным ролям. Надписи на коврах подчеркивали значение женского труда в создании советской материальной культуры – опоры идеологии.

Агитационные плакаты и ковры отражают взаимодействие между официальным советским дискурсом и нарративом обычных людей. Плакаты создавались исключительно в государственных типографиях и по заказу правительства, а туркменское ковроткачество перешло под контроль государства в 1937 г. Следовательно, до этого периода ковры создавались в частном порядке. Впрочем, и после 1937 г. ковровщицы ткали ковры с советской символикой в частном порядке. Текстильные и графические изображения проецировали национальные и локальные образы: на плакатах девушки носили платья из цветного адраса, мужчины – традиционные халаты и яркие тюбетейки; на коврах местные традиционные орнаменты соседствовали с советскими лидерами и символами. Повседневно и неустанно визуальные образы и убедительные призывы советской графики и текстиля или «материальной идеологии» не только легитимизировали советскую власть, но и лелеяли этнонациональные чаяния народов региона.

В советский период женщины Центральной Азии были окончательно вытеснены из приватного пространства дома и семьи в общественное пространство фабрик, заводов и колхозов. Агитационные призывы способствовали в том числе женскому образованию, защите материнства и детства, развитию детских учреждений и медицины. В начале 1930-х, вместе с роспуском женотделов, активная борьба за права женщин, казалось, была забыта, а графика и текстиль делали акцент на важности женского труда. Однако хотя некоторые патриархальные традиции сохранялись (НА ИЭА РАН. Ф. 15. Оп. 23. Д. 478), в советскую эпоху женщины Центральной Азии обрели определенную независимость в личной, профессиональной и социальной жизни. Постсоветский период обнажил недочеты советской модернизации, ставшей ресурсом для консервативного ренессанса (Шелекпаев 2020: 157–174). Но артефакты «советской материальной идеологии» – плакаты и ковры –

хранят память о яростной кампании за женские права в Центральной Азии в период 1920–1930-х гг.

Примечания

¹ Автор выражает благодарность Рустаму Сулейменову, руководителю Фонда Марджани, и Марии Филатовой, куратору коллекции Фонда Марджани, за предоставление права использования фотографий плакатов из коллекции Фонда и разрешение на их публикацию. Автор также благодарит Артамонову Светлану Николаевну, главного библиотекаря Российской государственной библиотеки, за помощь в поиске плакатов из коллекции библиотеки.

² Этот плакат создал художник Валентин Антощенко-Оленев (1900–1984).

³ Согласно подзаголовку «Кормилицы. Экономическая свобода. Женщины», выставка выступает за право женщин на труд. Кормилица – русское слово с несколькими значениями: «кормилица» – женщина, вскармливающая ребенка своим грудным молоком; феминитив от слова «кормилец», т.е. та, кто работает и кормит домохозяев.

⁴ Арт-работы, представленные на выставке, обсуждают женский труд, гендерную перформативность, сексуальность и насилие в отношении женщин, другими словами, все то, что можно назвать правами женщин. См.: (Suyarkulova 2020).

⁵ Трансформируя высказывание Адриенн Эдгар, в этой работе я определяю патриархальные традиции как практики и обычаи, которые унижают и подавляют женщин. См.: (Edgar 2006: 252).

⁶ Агитпоезд – локомотив с вагонами, ярко раскрашенными политической графикой и лозунгами. Несколько таких поездов, созданных в пропагандистских целях, курсировали по советским просторам. См.: (Бибикова 1965: 28–32).

⁷ Среди других работ см.: (Edgar 2004; Kamp 2016b).

⁸ Гель (göl) – орнамент в центральном поле туркменского ковра.

⁹ Плакаты и ковры с изображением Владимира Ленина появились после его смерти. Изображения Иосифа Сталина – при его жизни.

¹⁰ Я просмотрела около 50 туркменских советских ковров, изготовленных в период 1920–1980-х гг.

¹¹ Даже если бы надпись была сделана на туркменском языке, большинство туркмен не смогли бы ее понять из-за высокого уровня неграмотности в 1920-х гг.

¹² Согласно другому источнику, мастерская была создана в 1934 г. вместе с ковровым фондом «Госковерфонд». См.: (Карриев и др. 1953: 413).

¹³ С 1926 г. коврощицы объединились в ковровые артели, им выдавали шерсть и красители, и они могли работать на дому. Я не могу утверждать, давались ли коврощицам указания производить пропагандистские ковры, поскольку такая информация не была обнаружена.

¹⁴ Автор благодарит Тимура Кораева и Донохон Абдугафурову за помощь в переводе надписи с узбекского языка на русский.

¹⁵ Замечу, что в конце XIX – начале XX в. в Самарканде и Бухаре тюбетейки носили и девочки 9–10 лет.

¹⁶ Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1926 г. и неоднократно изменялся на протяжении 1920–1930-х гг.

¹⁷ Кайтарма (gaýtarma) упомянута в Уголовном кодексе 1927 г., ст. 145 (См.: Уголовный кодекс Туркменской ССР от 1927 г. (Ашхабад, 1928), а также (Перимова, Белова 1929)).

¹⁸ Первая в Туркменистане художественная студия открылась в 1920 г. В 1922 г. она была переименована в «Ударную школу искусств Востока». Закрыта в 1925 г.

¹⁹ Туркменский термин *гырмызы койнек* (gugmuzy köýnek) обозначает традиционное женское платье из шелковой ткани *кетени* красного цвета.

²⁰ Колхоз – форма коллективного хозяйства в Советском Союзе. Колхозник (мужской род) и колхозница (женский род) – члены колхоза.

- ²¹ Плакаты из коллекций Фонда Марджани и Российской государственной библиотеки.
- ²² Я привожу русский вариант надписи, однако он не предлагает дословного перевода узбекского текста. Некоторые из таких текстов предложены в узбекском женском журнале *Yangi Yo'l*. См.: (Kamp 2016b).
- ²³ Бешик – люлька-кровать для ребенка, которая до сих пор популярна в Центральной Азии.
- ²⁴ Плакаты из коллекций Фонда Марджани и Российской государственной библиотеки.
- ²⁵ Туркменские слова *kolhozçylar* и *kolhozçy ajallar* переведены на русский язык как «колхозник» и «колхозница» соответственно.
- ²⁶ Дехканин (муж. род) и дехканка (жен. род) – русские термины для обозначения крестьян Центральной Азии или дикан в казахском языке, дыйкан в кыргызском, дехкон в таджикском, дайхан в туркменском и дехкон в узбекском соответственно.
- ²⁷ Халы (*haly*) – туркменский термин, обозначающий напольный ковер.
- ²⁸ Художественным руководителем первой туркменской ковровой экспериментально-художественной мастерской был художник Бяшим Нурали, выпускник Ударной школы искусств Востока.
- ²⁹ См. фотографию ковра в Государственном каталоге Российской Федерации. Номер 4852334. Наименование: Туркменский ковер. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4351157>.
- ³⁰ Женщины иногда изображались в общей композиции на монументальных настенных коврах-панно.

Источники

Полевые материалы автора (ПМА)

- ПМА. Ашхабад, Балканабат, Туркменабат, Туркменбаши. Октябрь 2017, апрель–май 2018.
- ПМА. Москва май, 2019, февраль–март 2020.
- ПМА. Ташкент, Самарканд, июнь 2018.
- ПМА. Бишкек, Ош, июль 2018, август 2019.

Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НА ИЭА РАН)

- Галина Васильева. Полевой дневник № 1. 1955. Среднеазиатская этнографическая экспедиция Западно-Туркменского отряда. Ф. 15. Оп. 3. Д. 534.
- Галина Васильева. Полевой дневник № 1. 1971. Среднеазиатская этнографическая экспедиция Западно-Туркменского отряда. Ф. 15. Оп. 23. Д. 536. Л. 32–33.
- Галина Васильева. Полевой дневник № 2. 1984. Среднеазиатская этнографическая экспедиция Западно-Туркменского отряда. Ф. 15. Оп. 23. Д. 478.

Литература

- Аббасова Г. «Искусство советской Туркмении» в музее изобразительных искусств в Москве. 1935. Забытая выставка // Артикульт. 2019. № 34 (2). С. 146–155.
- Альбицкий В.Ю., Шер С.А., Яремчук О.В. Развитие советской системы ясельной помощи в 1930–1940 гг. // Вопросы современной педиатрии. 2019. № 18 (2). С. 86–90.
- Библикова И. Агитпоезд // Декоративное искусство СССР. 1965. № 88 (3). С. 28–32.
- Бобровников В., Филатова М. Плакат Советского Востока 1918–1940. М.: Фонд Марджани, 2013.
- Богуславская И. Туркменские ковры в собрании Государственного Русского музея. СПб., 2001.
- Вандровская Е. Абылхан Кастеев. М.: Сов. художник, 1955.
- Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1836 гг.): сборник документов и материалов / под ред. З. Астапович и др. М., 1971.

- Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 10–16. Таблица VI: Население по полу, народности // Demoscope weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2376
- Горылев А., Кокорева Ю. Участие женщин в реализации государственной власти: историко-правовой аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 208–213.
- Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и ее западные гости. М.: НЛЮ, 2014.
- Женщины в революции / под ред. А. Артюхиной и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959.
- Журавлева Е., Чепелев В. Искусство советской Туркмении. М.: Огиз. Изогиз, 1934.
- За пролетарское искусство. Фракция ВКП(б) АХР, ОМАХР и ОХС. М.; Л.: Изогиз, 1930.
- Каррыев А., Кулиев О., Массон М. и др. (ред.) История Туркменской ССР. Ашхабад, 1953. Т. 2.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 13.
- Перимова Т., Белова Л. 10 лет на фронте борьбы за раскрепощение женщины Туркмении. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1929.
- Пробужденные Великим Октябрем / под ред. И. Финкельштейн, Х. Шукуровой. Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1961.
- Росс Е. К свету и знаниям // Женщины в революции / под ред. А. Артюхиной и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959.
- Сенсарев Г. Раскрепощение советского Востока от гнета религии. М., 1939.
- Соснина О.А., Сорин-Чайков Н.В. Дары вождям. М., 2006.
- Сталин И. О национальном вопросе и национальной культуре // Культура и письменность Востока. 1931. Т. 7–8. С. 5–13.
- Тулъева Л. Из истории борьбы за социальное и духовное раскрепощение женщин Средней Азии (Празднование 8 марта, 1920–1927 гг.) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 12–22.
- Уголовный кодекс Туркменской ССР от 1927 года. Ашхабад, 1928.
- Фахритдинова Д. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1988.
- Филатова М., Меликова Ш. Эхо Советского Азербайджана. Ковер, Вышивка. Плакат. М.: Фонд Марджани, 2020.
- Шелекпаев Н. Говорить со стиснутыми зубами: стыд, власть и женское тело в современном Казахстане // Новое литературное обозрение. 2020. № 161 (1). С. 157–174.
- Эсенова Т. Женщинам Востока. Ашхабад: Туркмен. гос. изд-во, 1955.
- Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses // L. Althusser (ed.). Lenin and philosophy and other essays. New York: Monthly Review Press, 1971. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1970/ideology.htm>
- Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918–1940) // Islamology. 2017. Vol. 7, № 2. P. 54–73.
- Bogoslovskaya I. The Soviet “Invasion” of Central Asian Applied Arts: How Artisans Incorporated Communist Political Messages and Symbols // Textile Society of America Symposium Proceedings. 2012. № 660. P. 1–13.
- Chatterjee Ch. Ideology, Gender and Propaganda in the Soviet Union: A Historical Survey // Left History. 1999. Vol. 6, № 2. P. 11–28.
- Corbesero S. Femininity (Con)scripted. Female Images in Soviet Wartime Poster Propaganda, 1941–1945 // Aspasia. 2010. Vol. 4, № 1. P. 103–120.
- David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Soviet Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.
- Edgar A.L. Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–29 // The Russian Review. 2003. Vol. 62, № 1. P. 132–149.

- Edgar A.L. *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton University Press, 2004.
- Edgar A.L. Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet “Emancipation” of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65, № 2. P. 252–272.
- Hellbeck J. *Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich*. New York: PublicAffairs, 2015.
- Kamp M. Central Asian Women Unveiled // *Current History*. 2016a. Vol. 115, № 783. P. 270–276.
- Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. London: University of Washington Press, 2016b.
- Kandiyoti D. The Politics of Gender and the Soviet Paradox: Neither Colonized, nor Modern? // *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26, № 4. P. 601–623.
- Massell J.G. *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton, 1974.
- Michaels P.A. Medical Propaganda and Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–41 // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59, № 2. P. 159–178.
- Northrop T.D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.
- Reid S.E. All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57, № 1. P. 133–173.
- Schulz V.-S. Portraits, Photographs, and Politics in the Carpet Medium: Iran, the Soviet Union and Beyond // *Konsthistorisk tidskrift (Journal of Art History)*. 2014. Vol. 83, № 3. P. 244–265.
- Slezkine Yu. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton University Press, 2017.
- Suyarkulova M. Fateful Feminnale: an insider's view of a “controversial” feminist art exhibition in Kyrgyzstan. *Open Democracy*. 2020. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/fateful-feminnale-an-insiders-view-of-a-controversial-feminist-art-exhibition-in-kyrgyzstan/>
- Tumarkin N. *Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia*. Harvard University Press, 1983.
- Tsareva E. *Les tapis d'Asie centrale et du Kazakhstan*. Leningrad, 1984.
- Tsareva E. *Turkmen Carpets*. The Neville Kingston Collection. London: Hali Publications, 2016.
- Ubiria G. *Soviet Nation-Building in Central Asia The Making of the Kazakh and Uzbek Nations*. Routledge, 2016.
- Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton University Press, 2006.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2021 г.

“Fight for the Liberation of the Women of the East!” Soviet carpets and posters for the emancipation of Central Asian women in 1920-1930

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/32/8

Snezhanna A. Atanova, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: snej.atanova@gmail.com

Abstract. Visual propaganda was a powerful tool for spreading new ideas and practices in Soviet Central Asia. Posters, textiles, and other objects of Soviet material culture with their vivid visual images and printed appeals had encouraged and incited men and women to fight for a new happy life in the socialist state. This article examines posters and carpets created between the 1920s and 1930s that called for the emancipation of Central Asian women. The study of graphic and textile narratives provides an opportunity, on the one hand, to draw at-

tention to the “Soviet material ideology” or objects of material culture marked by Soviet iconography and, on the other, to consider what ideas about women’s emancipation they disseminated and how the image of the “Soviet East” woman was reproduced. “Artifacts” that were part of everyday life, together with written sources, help in the study of the multidimensional picture of Soviet history. They shed light on gender roles in the 1920s and 1930s, on the connections between tradition and modernity, the national and supranational, top-down and bottom-up narratives. This study is based on the posters from the collection of the Russian State Library and the Marjani Foundation, as well as the rugs from the Museum of Fine Arts of Turkmenistan, the Russian Museum of Ethnography, the All-Russian Museum of Decorative and Applied Arts, and private collections.

Keywords: “material ideology”, women’s emancipation, Soviet textiles and posters, Central Asia, Turkmenistan

References

- Abbasova G. *Iskusstvo sovetской Turkmenii v muzee izobrazitel'nyh iskusstv v Moskve. 1935. Zabytaja vystavka* [“The Art of Soviet Turkmenia” at the Museum of Fine Arts in Moscow. 1935. The Lost Exhibition], *Artikul't*, 2019, no. 34(2), pp. 146–155.
- Al'bickij V. Ju., Sher S. A., Jaremchuk O. V. *Razvitie sovetской sistemy jasel'noj pomoshhi v 1930–1940 gg.* [Development of the Soviet Nursery System in 1930–1940s], *Voprosy sovremennoj pediatrii*, 2019, no. 18(2), pp. 86–90.
- Bibikova I. *Agitpoezd [Agit-train], Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 1965, no. 88(3), pp. 28–32.
- Bobrovnikov V., Filatova M. *Plakat Sovetskogo Vostoka 1918–1940* [Posters of the Soviet East 1918–1940]. Moscow: Fond Mardzhani, 2013.
- Boguslavskaja I. *Turkmenskie kovry v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeja* [Turkmen Carpets in the Collection of the State Russian Museum]. Spb., 2001.
- Vandrovskaja E. *Abylhan Kasteev*. Moscow: Sovetskij Hudozhnik, 1955.
- Velikij Oktjabr' i raskreposhhenie zhenshhin Srednej Azii i Kazahstana (1917–1836 gg.). Sbornik dokumentov i materialov* [The Great October and Emancipation of Women of Central Asia and Kazakhstan (1917–1836). Collection of documents and materials]. Ed. by Astapovich Z. et al. Moscow, 1971.
- Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. Moscow: Izdanie CSU Sojuza SSR, 1928–29. Tom 10-16. Tablica VI. Naselenie po polu, narodnosti [All-Union Population Census of 1926. Moscow, 1928–29. Vol. 10-16. Table VI. Population by sex, nationalities], *Demoscope weekly*. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_26.php?reg=2376
- Gorylev A., Kokoreva Ju. *Uchastie zhenshhin v realizacii gosudarstvennoj vlasti: istoriko-pravovoj aspekt* [Womens Participation in the Realization of State Power: Historical and Legal Aspects], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2007, no. 6, pp. 208–213.
- David-Fox M. *Vitriny velikogo jeksperimenta. Kul'turnaja diplomatija Sovetskogo Sojuza i ee zapadnye gosti* [Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union]. Moscow: NLO, 2014.
- Zhenshhiny v revoliucii* [Women in the revolution]. Ed. by Artjuhina A. et al. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959.
- Zhuravleva E., Chepelev V. *Iskusstvo sovetской Turkmenii* [The art of Soviet Turkmenistan]. Moscow: Ogiz. Izogiz, 1934.
- Za proletarskoe iskusstvo. Frakcija VKP(b) AHR, OMAHR i OHS* [For Proletarian Art. Faction of the VKP(b) AHR, OMAHR and OHS]. Moscow-Leningrad: Izogiz, 1930.
- Karryev A., Kuliev O., Masson M. et al. (eds) *Istoriya Turkmenской SSR* [History of the Turkmen SSR]. Vol. 2. Ashgabat, 1953.
- Marks K., Jengel's F. *Sochinenija* [Collected Works]. 2nd ed., Vol. 13. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959.

- Perimova T., Belova L. *10 let na fronte bor'by za raskreposhhenie zhenshiny Turkmenii* [Ten Years on the Front of the Struggle to Emancipate Women in Turkmenistan]. Ashhabad: Turkmengosizdat, 1929.
- Probuzhdennye Velikim Oktjabrem* [Awakened by the Great October (Revolution)]. Ed. by Finkel'shtejn I., Shukurova H. Tashkent: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Uzbekskoj SSR, 1961.
- Ross E. K svetu i znanijam [Toward Light and Knowledge]. In: *Zhenshiny v revoliucii* [Women in the revolution]. Ed. by Artjuhina A. et al. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959.
- Snesarev G. *Raskreposhhenie sovetskogo Vostoka ot gnetia religii* [Liberation of the Soviet East from the oppression of religion]. Moscow, 1939.
- Sosnina O.A., Ssorin-Chajkov N.V. *Dary vozhdjam* [Gifts to Soviet Leaders]. Moscow, 2006.
- Stalin I. O nacional'nom voprose i nacional'noj kul'ture [On the national question and national culture], *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Literature and Culture of the East]. 1931, Vol. 7–8, pp. 5–13.
- Tul'ceva L. Iz istorii bor'by za social'noe i duhovnoe raskreposhhenie zhenshin Srednej Azii (Prazdnovanie 8 marta, 1920–1927 gg.) [From the History of the Struggle for Social and Spiritual Emancipation of the Women of Central Asia (Celebration of March 8, 1920–1927)], *Sovetskaja Etnografija*, 1986, no. 1, pp. 12–22.
- Fahritdinova D. *Juvelirnoe iskusstvo Uzbekistana* [Jewelry Art of Uzbekistan]. Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva im. Gafura Guljama, 1988.
- Jesenova T. *Zhenshinam Vostoka* [To the Women of the East]. Ashhabad: Turkmenskoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 1955.
- Filatova M., Melikova Sh. *Jeho Sovetskogo Azerbajdzhana. Kover, Vyshivka. Plakat* [Echoes of Soviet Azerbaijan. Carpet, Embroidery. Poster]. Moscow: Fond Mardzhani, 2020.
- Shelekpaev N. Govorit' so stisnutymi zubami: styd, vlast' i zhenskoe telo v sovremennom Kazahstane [Speaking with Clenched Teeth? Shame, Power and Female Body in Contemporary Kazakhstan], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 161(1), pp. 157–174.
- Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses. In: L. Althusser (ed.). *Lenin and philosophy and other essays*. New York: Monthly Review Press. 1971. Available at: <https://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1970/ideology.htm>
- Bobrovnikov V. Islamic Discourse of Visual propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918–1940), *Islamology*, 2017, Vol. 7, Is. 2, pp. 54–73.
- Bogoslovskaya I. The Soviet “Invasion” of Central Asian Applied Arts: How Artisans Incorporated Communist Political Messages and Symbols, *Textile Society of America Symposium Proceedings*, 2012, no. 660, pp. 1–13.
- Chatterjee Ch. Ideology, Gender and Propaganda in the Soviet Union: A Historical Survey, *Left History*, 1999, Vol 6, Is. 2, pp. 11–28.
- Corbesero S. Femininity (Con)scripted. Female Images in Soviet Wartime Poster Propaganda, 1941–1945, *Aspasia*, 2010, Vol. 4, Is. 1, pp. 103–120.
- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Soviet Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.
- Edgar A.L. Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–29, *The Russian Review*, 2003, Vol. 62, Is. 1, pp. 132–149.
- Edgar A.L. *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton University Press, 2004.
- Edgar A.L. Bolshevism, Patriarchy, and the Nation: The Soviet “Emancipation” of Muslim Women in Pan-Islamic Perspective, *Slavic Review*, 2006, Vol. 65, Is. 2, pp. 252–272.
- Hellbeck J. *Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich*. New York: PublicAffairs, 2015.
- Kamp M. Central Asian Women Unveiled, *Current History*, 2016a, Vol. 115, Is. 783, pp. 270–276.

- Kamp M. *The New Woman in Uzbekistan: Islam, Modernity, and Unveiling under Communism*. London: University of Washington Press, 2016b.
- Kandiyoti D. The Politics of Gender and the Soviet Paradox: Neither Colonized, nor Modern?, *Central Asian Survey*, 2007, Vol. 26, Is. 4, pp. 601–623.
- Massell J.G. *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton, 1974.
- Michaels P.A. Medical Propaganda and Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–41, *The Russian Review*, 2000, Vol. 59, Is. 2, pp. 159–178.
- Northrop T.D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2004.
- Reid S.E. All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s, *Slavic Review*, 1998, Vol. 57, Is. 1, pp. 133–173.
- Schulz V-S. Portraits, Photographs, and Politics in the Carpet Medium: Iran, the Soviet Union and Beyond, *Konsthistorisk tidskrift (Journal of Art History)*, 2014, Vol. 83, Is. 3, pp. 244–265.
- Slezkine Yu. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton University Press, 2017.
- Suyarkulova M. "Fateful Feminnale: an insider's view of a "controversial" feminist art exhibition in Kyrgyzstan," Open Democracy. 2020. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/fateful-feminnale-an-insiders-view-of-a-controversial-feminist-art-exhibition-in-kyrgyzstan/>
- Tumarkin N. *Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia*. Harvard University Press, 1983.
- Tsareva E. *Les tapis d'Asie centrale et du Kazakhstan*. Leningrad. 1984.
- Tsareva E. *Turkmen Carpets*. The Neville Kingston Collection. London: Hali Publications, 2016.
- Ubiria G. *Soviet Nation-Building in Central Asia The Making of the Kazakh and Uzbek Nations*. Routledge, 2016.
- Ugolovnyi kodeks Turkmenskoi SSR ot 1927 goda* [The Criminal Code of the Turkmen SSR from 1927]. Ashkhabad, 1928.
- Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton University Press, 2006.

УДК 39::622, 303::304.44, 308
DOI: 10.17223/2312461X/33/8

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ЗАПАДНОМ ТАЙМЫРЕ*

Александр Сергеевич Басов
Святослав Олегович Ковальский

Аннотация. Цель статьи двояка: с одной стороны, показать авторский опыт применения подхода, предложенного зарубежными специалистами в области оценки социального воздействия в рамках специфического для России жанра прикладного исследования, определяемого как этнологическая экспертиза; с другой – представить теоретический аргумент, подкрепленный этим опытом, против «группизма» в прикладных исследованиях как тенденции, сопряженной с некоторыми эпистемологическими и этическими трудностями. Излагаются обстоятельства, цели и принципы этнологической экспертизы, в которой участвовали авторы; использованный в процессе исследования подход и логика его выбора; ход исследования и его результаты, а также концептуальные импликации приобретенного авторами опыта в свете антропологической теории.

Ключевые слова: оценка социального воздействия, этнологическая экспертиза, антропология добывающей промышленности, Таймыр

Этнологическая экспертиза (ЭЭ), которая рассматривается в этой статье, была проведена командой сотрудников Института этнологии и антропологии РАН под руководством Д.А. Функа по заказу Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра и при участии ее представителей¹ в первой половине 2021 г. Поводом для нее послужил разлив более чем 20 тысяч тонн дизельного топлива в Норило-Пясинскую водную систему в результате аварии на дочернем предприятии Норникеля. В свете экологической катастрофы, а также перспектив нефтегазового освоения стала очевидной необходимость проведения фоновых исследований, в том числе социальных, данные которых в дальнейшем могли бы быть использованы для оценки воздействия как конкретных промышленных проектов, так и промышленного освоения региона в целом. Своего рода фоновым исследованием, сосредоточенным на коренных малочисленных народах Таймыра (КМНТ), стала и обсуждаемая здесь ЭЭ, основной целью которой было выявление факторов бла-

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант № 20-68-46043, рук. Д.А. Функ).

гополучия людей, относящихся к КМНТ и проживающих на Западном Таймыре, а именно в ряде населенных пунктов городского поселения Дудинка и сельского поселения Караул.

Планируя исследование, наш коллектив исходил из того, что ЭЭ должна учитывать лучшие мировые практики в области прикладных социальных исследований, в первую очередь в области оценки социального воздействия (Social Impact Assessment), с которой у ЭЭ схожие цели и задачи (Функ 2018: 77–78).

Социальная рамка для проектов

Следуя указанному принципу, в работе был использован наиболее актуальный из известных нам подходов, предложенных в рамках профессионального дискурса оценки социального воздействия – «Социальная рамка для проектов» (Social Framework for Projects), разработанная Эди Смитом и Фрэнком Ванклеем (Smyth, Vanclay 2017) – членами Международной ассоциации по оценке воздействия (International Association for Impact Assessment²). В основе подхода лежит понятие качества жизни (wellbeing)³, «которое включает удовлетворение базовых человеческих потребностей (например, качественная пища и вода), хорошее состояние психического и физического здоровья, возможность добиваться поставленных целей, чувство сопричастности к сообществу и привязанности к месту и в целом чувство удовлетворенности жизнью» (73). Факторы благополучия Смит и Ванклей делят на восемь категорий:

1) «люди» (people) – характеризует благополучие людей на индивидуальном уровне: их роль в домохозяйствах, здоровье, уровень образования и навыки, соблюдение прав человека;

2) «сообщество» (community) – включает социальные отношения и процессы внутри группы, связи, выходящие за ее пределы, социальный и политический контекст, в котором она существует;

3) «культура» (culture) – понимается как разделяемая внутри группы система представлений, которая служит опорой для осмысления действительности, обеспечивает чувство психологической безопасности и имеет как материальное, так и нематериальное выражение;

4) «жизнеобеспечение» (livelihoods) – охватывает деятельность членов домохозяйства по его поддержанию и определяется характером этой деятельности и активами, которые имеются в распоряжении домохозяйства;

5) «инфраструктура» (infrastructure) – описывает доступ к жизненно важной инфраструктуре и услугам, а также качество доступных инфраструктуры и услуг;

6) «жилье» (housing) – дает возможность анализировать доступность и качество жилья, а также строений, необходимых для жизнеобеспечения;

7) «окружающая среда» (environment) – позволяет обращать внимание на природные условия, в том числе погодные и климатические, а

также на значение, которое люди придают окружающим их природным объектам, в том числе эстетическое;

8) «земля» (land) – охватывает правовой режим (в том числе обычаи), действующий в отношении земли и природных ресурсов.

Основная единица анализа Социальной рамки для проектов (СРП) – индивид. Другими словами, данные собираются и анализируются с целью охарактеризовать благополучие людей, а не коллективов.

По замыслу Смита и Ванклея, СРП представляет собой, во-первых, концептуальную модель, которая объясняет, от чего зависит благополучие людей; во-вторых, практическую методологию для прикладных исследований по оценке воздействия; в-третьих, инструмент коммуникации, который позволяет вовлечь заинтересованные стороны в обсуждение вопросов, связанных с реализацией проектов развития (Smyth, Vanclay 2017: 77). Ее цель – улучшение практики планирования крупных промышленных и инфраструктурных проектов и управления ими: смягчение негативных социальных последствий, улучшение качества жизни людей, получение социальной лицензии на деятельность (66).

Авторы СРП утверждают, что их подход имеет целый ряд достоинств. Во-первых, это преимущества перед другими подходами в области развития:

- легкая операционализация, в отличие от «подхода с точки зрения возможностей» экономиста Амартия Сена (см.: Сена 2012; Smyth, Vanclay 2017: 67);

- фиксация как негативных, так и позитивных воздействий (в отличие от модели рисков обнищания и реконструкции (Impoverishment Risk and Reconstruction model) (67);

- внимание ко всем аспектам человеческой жизни (в отличие от подхода «Устойчивые способы жизнеобеспечения» (Sustainable Livelihoods Approach) (69);

- предоставление структурирующей рамки для выявления и категоризации значимых с точки зрения сообщества социальных факторов, в отличие от подхода «Развитие сообществ с опорой на активы» (Asset Based Community Development) (69).

Во-вторых, это совместимость с правами человека (в том числе с подходами, основанными на правах человека) (70). В-третьих, это соответствие основным международным стандартам и наилучшей практике (в первую очередь Социально-экологическим принципам Всемирного банка, Стандартам деятельности по обеспечению экологической и социальной устойчивости МФК, принципу Свободного, предварительного и информированного согласия (См.: Социально-экономические принципы... 2017; Стандарты деятельности 2012; Декларация ООН... 2007; Smyth, Vanclay 2017: 70–71). В-четвертых, СРП способствует достижению целей в области устойчивого развития⁴ (71–72). Наконец,

достоинство подхода – простой язык, который способствует налаживанию связи между экспертами и заинтересованным сторонами (Smyth, Vanclay 2017: 72).

Применение подхода

С точки зрения международной практики, наше исследование решало одну из задач первого этапа оценки социального воздействия – составление профилей сообществ (Vanclay et al. 2015: 8, 35–39). Под этим понимается качественное «описание сообществ, потенциально затрагиваемых запланированным вмешательством» (77), например проектом промышленного освоения. В данном случае составление профилей, с одной стороны, осуществлялось нами вне связи с конкретным проектом, с другой – предполагало описание сообществ не самих по себе, а в качестве одного из аспектов жизни (факторов благополучия) людей. В этом смысле получившиеся на выходе «профили сообществ» характеризуют качество жизни людей, проживающих в обследованных населенных пунктах и относящихся к КМНТ, а не сами населенные пункты. При этом, «проектируя» и проводя исследование, мы использовали СРП в двух из трех возможных качеств: как концептуальную модель и как практическую методологию. Это означает, что наш опыт не позволяет оценить СРП в качестве инструмента коммуникации.

Для выполнения поставленных целей и задач нами было проведено двухнедельное полевое исследование в населенных пунктах Западного Таймыра в январе–феврале 2021 г. Основным методом сбора данных было развернутое интервью по анкете⁵. Концептуальной основой анкеты стала СРП. Также при ее составлении мы руководствовались рекомендациями ведущих специалистов в области оценки социального воздействия (Franks, Brereton, Moran 2013; Gill, Ritchie 2020; Schooten Vanclay, Sloodweg 2003; Vanclay 2003; Vanclay et al. 2015; Webler, Lord 2010), оценки ущерба, убытков и потребностей после чрезвычайных ситуаций (Post-Disaster... 2013a, 2013b, 2015a, 2015b) и этнологической экспертизы (Адаев, Мартынова, Новикова 2019; Мартынова, Новикова 2012; Поддубиков, Садовой, Белозёрова 2014; Методы этнологической экспертизы 1999; Культура и ресурсы... 2015).

Кроме того, мы проводили неструктурированные экспертные интервью с сотрудниками администраций населенных пунктов, сотрудниками образовательных, медицинских учреждений, учреждений культуры, социальными работниками, предпринимателями, главами общин КМНТ, депутатами.

В ходе полевого этапа было проведено 89 интервью по теме исследования, из которых 65 были записаны на диктофон и расшифрованы⁶. Суммарно записано около 6 400 минут интервью. Интервью, не запи-

санные на диктофон, представлены полевыми записями, резюмирующими содержание разговора. Большая часть интервью (42) проводилась по анкете среди жителей населенных пунктов, которые относят себя к КМНТ и так или иначе связаны с традиционными промыслами. Анкета использовалась нами скорее в качестве руководства к интервью (опросника) и не заполнялась собеседниками самостоятельно – ответы собеседников фиксировались на диктофон.

Для анализа собранных в ходе полевых исследований данных нами была разработана система кодов на основе СРП. Эта система кодов дополнялась нами в ходе кодирования при обнаружении повторяющихся тем, не вмещающихся в существующие коды⁷. Для совместного кодирования текстов было использовано специальное ПО (Rampin, Steeves, DeMott 2021), развернутое на сервере Института этнологии и антропологии РАН. На основе закодированных данных интервью с привлечением релевантных данных из документальных источников (в первую очередь муниципальной статистики и официальных данных органов публичной власти) были составлены «профили сообществ». В дальнейшем, с точки зрения процедуры оценки воздействия, эти профили должны послужить основой для создания индикаторов оценки благополучия жителей, в соответствии с которыми можно будет собрать полноценные исходные данные.

Для демонстрации результатов применения описанного подхода в следующем разделе будет представлено краткое изложение профиля одного из обследованных населенных пунктов – поселка Усть-Порт. В нем будут приведены сведения о факторах, влияющих на благополучие людей, относящихся к КМНТ и проживающих в поселке. Рубрики профиля соответствуют факторам благополучия по СРП. В каждой из них приводятся краткие тезисные обобщения собранных сведений и цитаты из интервью.

В качестве источников были использованы данные шести интервью с семьями, преимущественно связанными с занятиями рыбалкой и охотой, трех экспертных интервью (администрация, родовая община, школа), а также документы, предоставленные администрацией населенного пункта (списки жителей по национальности и домохозяйствам, паспорта поселка за 2016–2020 гг.).

С точки зрения возможной будущей оценки социального воздействия промышленных и инфраструктурных проектов следует отметить, что, по данным Электронной карты недропользования России⁸, поблизости от Усть-Порта расположены три лицензионных участка: в 15 км к северу – участок Восточно-Песчаный, выданный компании ООО «НГХ – Недра» с целью поисков и оценки запасов; в 20 км к западу (через Енисей) находятся два смежных участка – Казанцевский и Северо-Горчинский, лицензиями на поиск, разведку и добычу полезных ис-

копаемых на которых владеет компания ООО «Восток Ойл». Все лицензии связаны с энергетическим сырьем и структурами «Роснефти». Жители также сообщают о том, что рядом с Усть-Портом планируется проведение трубопровода через Енисей.

Профиль поселка Усть-Порт

Люди. По данным на конец 2020 г., в поселке проживает 332 человека (в 2016 г. было зарегистрировано 298 чел.). Образование среди членов опрошенных домохозяйств – не ниже среднего. Получение образования детьми кажется важным родителям. При этом родителям представляется, что ребенок сам должен выбрать, где учиться, планирование образовательных траекторий за детей не распространено. Что касается навыков, связанных с промыслами, как правило, если в семье кто-либо занимается промыслом, дети также научаются чему-либо (ловить куропаток на петли, теребить птицу, ставить сети) и получают радость от этих умений.

Также некоторые навыки или положительное отношение к промыслу могут вырабатываться у детей в играх со сверстниками в поселке. Тем не менее не обязательно, что все дети в семье будут все уметь. Это зависит в том числе от желания самих детей.

На основе разговоров с жителями поселка складывается впечатление, что почти все их свободное время уходит на занятия, связанные с домашним хозяйством, либо с промыслами. Женщины, как правило, занимаются приготовлением пищи, стиркой, шитьем, ремонтом одежды. Мужчины топят печь (соответственно, заготавливают дрова и уголь), занимаются ремонтом, обеспечивают функционирование техники, возят воду, чистят снег. При этом, однако, домашняя работа в некоторых случаях является составляющей чувства привязанности к жизни в поселке.

Собеседница: Десять дней даже в Дудинке не сможешь. Домой тянет.

Интервьюер: Почему?

Собеседница: Не знаю. Домой хочу.

Интервьюер: К чему тянет? Чего хочется? Чего не хватает там?

Собеседница: Там что делать? Тут печку топил, воду возил. Уже привык к этому. Вышел на улицу, снег почистил, что-то такое. А там что? (МЭЭ 2).

Повседневный досуг в основном связан с телевидением, играми (спортивными и компьютерными), рукоделием. Отдых у местных жителей больше ассоциируется с выездами «на природу» (любительскую охоту и рыбалку), когда они едут за пределы поселка в окрестную тундру, и отпуском, когда они отправляются за пределы района.

Сообщество поселка сплоченное и при этом этнически многообразное. Усть-Порт был образован в 1916 г. как база будущего порта в низовьях Енисея. В предвоенные и военные годы (1940–1943) на Таймыр ссылались прибалтийские граждане – латыши, эстонцы, литовцы, финны, а потом и поволжские немцы и калмыки. Многие из них после реабилитации в конце 1950-х гг. остались в Усть-Порту. В настоящее время большинство населения составляет группа КМНТ (60%), почти исключительно состоящая из ненцев. Второй по численности группой являются русские. В поселке проживают представители и других этнических групп (нганасан, украинцев, бурят, хакасов, марийцев, чувашей, киргизов). Семейные, родственные и дружеские связи пересекают этнические границы и выходят за пределы поселка и даже района, не входя в противоречие с институтом национальности и образуя сети взаимопомощи.

В целом вокруг людей, занимающихся промыслами, образуются сети социальных связей, в которых поддержание отношений связано с гостинцами, подарками, посылками, передачами части добытых ресурсов. Как правило, угощают или передают рыбу, ягоды, гусей. Когда был олень – оленье мясо. География таких связей весьма разнообразна – от тундры и ближайших поселков до Дудинки, Красноярска и дальше, и зависит от наличия родственников или близких друзей.

У всех есть родственники в поселке, почти у всех (наших собеседников) – в тундре, как правило, в тухардской, занимающиеся оленеводством и ведущие кочевой образ жизни. Это может означать дополнительный доступ к источникам оленье мяса в виде «угощений» по случаю или по запросу, или наличия собственных оленей в стаде. В тундру отправляют хлеб, чай, масло, запчасти. В обратную сторону, в поселок, как правило, идет помощь со снабжением более дешевыми или редкими в поселке относительно города продуктами. Также родственные отношения связывают жителей поселка с Дудинкой, Караулом, Тухардом, Носком.

Все наши собеседники испытывают чувство привязанности к поселку, однако лишь те, кто объясняют свою привязанность образом жизни, не планируют переезжать. Многие допускают, что вынуждены будут переехать. Объясняют они это возможным закрытием школы или поселка (эти «закрытия» тесно связаны в представлениях собеседников).

***Собеседница:** У меня пока есть работа. У нас есть школа. Раньше было одиннадцать классов, одиннадцатилетка была, сейчас девять сделали. Ну говорят, что, может, закроют школу. Если закроют школу, то и работы не будет, придется уезжать (МЭЭ 1).*

В целом наблюдаемую тревогу за будущее пос. Усть-Порт, страх, что его закроют, можно назвать социальной проблемой. По словам людей, имеет место отток населения из поселка. К причинам миграции они относят плохие жилищные условия, суровый климат, отсутствие

работы, стремление получить образование или обеспечить им, программу переселения; к основным направлениям миграции – города, в первую очередь Дудинку и Красноярск. Приезжают в поселок, по словам собеседников, в основном на заработок. При этом возвращаются как коренные жители, так и те, кто родом из других населенных пунктов района и страны. Также, по словам некоторых собеседников, в поселок возвращаются те, у кого не получается завершить обучение в Таймырском колледже.

Усть-Порт входит в состав сельского поселения Караул и представлен одним депутатом. Управление осуществляется руководителем территориального подразделения, входящего в состав администрации сельского поселения. К местной власти местные жители относятся скорее с недоверием, хотя к депутату отношение нейтрально-положительное. Люди неохотно обращаются или вовсе не обращаются в местную администрацию (т.е. территориальное подразделение), считая, что это не принесет результатов; к депутату тоже не обращаются, объясняя это отсутствием поводов.

Большинство собеседников чувствуют себя здесь безопасно. Тем не менее, по ощущениям некоторых, в поселке участилось воровство. Также, по их словам, источником тревоги является Росгвардия, которую обвиняют в неоправданном и несправедливом преследовании местных жителей в ходе антибраконьерских рейдов и проверок и подозревают в коррупции.

Интервьюер 2: Росгвардия?

Собеседница: Да, Росгвардия. Им же дозволено, поэтому они так себя ведут, что боимся...

Собеседница: Боимся высунуться, ну.

Собеседник: Люди закрываются.

Собеседница: Они могут спокойно зайти, хотя у них должен быть документ, наверное. Это же моя частная собственность. Какое ты имеешь право сюда зайти? Они себе позволяют.

Собеседник: Мы говорили, что, если рейд идет, надо, чтобы был сотрудник, представитель наш из местных, кто понимает и знает быт, а не так (МЭЭ 3).

Культуру поселка во многом определяет именно ненецкое население. Тем не менее основным языком общения в поселке является русский. Есть семьи, в которых говорят по-ненецки, но их меньшинство. В некоторых семьях по-ненецки говорят отдельные члены семьи. Уровень владения ненецким языком также варьируется между членами семей. Как правило, он выше у старшего поколения. Молодежь может понимать язык, но не умеет на нем говорить или стесняется это делать.

В настоящее время ненецкий язык преподается в школе в качестве отдельного предмета, но в детском саду отсутствует. Что касается пуб-

личных мероприятий, то они полностью или почти полностью проводятся на русском языке, за исключением отдельных «номеров» на праздниках, которые в отсутствие повседневного функционирования языка остаются экзотикой.

Собеседница: *И они усвоили, что можно на родном языке говорить только на праздниках. На День Таймыра и День малочисленных народов мира. Вот, это, как говорится, практика и это система. А система, как говорится, напроць уходит в человеческие умения и навыки. А мероприятия к празднику выучиваются наизусть, стихотворение даешь – он учит наизусть. А потом, значит, какую-то сценку поставят, а дальше ничего уже нету. Дальше же они не разговаривают (МЭЭ 1).*

В последние годы была предпринята попытка устроить «языковое гнездо» (о феномене «языкового гнезда» см.: Российская Арктика... 2016: 222–223), однако, поскольку, по словам школьных педагогов, труд тьюторов не оплачивается, они не заинтересованы в том, чтобы регулярно приходить на занятия.

Целый ряд ненецких обычаев соблюдается жителями поселка, причем не только относящимися к КМНТ, например, запрет на сбор ягоды на протяжении года после смерти родственника; запрет для женщин разделять определенную рыбу (вид запрещенной рыбы варьируется в зависимости от рода, к которому относится женщина; ср. также: Хомич 1966: 137); запрет обходить и объезжать по кругу определенные объекты, например священные места, дома.

Национальными праздниками поселка считаются День рыбака и Международный день коренных народов мира. Также некоторые жители поселка ездят в п. Тухард на День оленевода. Кроме этого, в поселке отмечают День Таймыра (декабрь). В праздники сотрудники дома культуры и территориального подразделения организуют мероприятия, в том числе конкурсы с призами. Несмотря на то что первые два упомянутых праздника считаются национальными, язык приуроченных к ним мероприятий – русский. С праздниками также связано недовольство некоторых собеседников, а именно эксплуатирующей индигенность культурной политикой, которая не замечает повседневные проблемы и потребности людей.

Собеседник: *Я не доволен, что у нас государство веселится. Постоянно Таймыр – праздники, праздники, праздники. Слишком часто сделали. «Веселитесь, а мы будем у вас тут газ и нефть выкачивать».*

Собеседница: *Хотелось бы чего-то серьезнее, а не только на праздниках выходить за счет коренных, гостеприимства и этого всего. Я понимаю, но у нас внутри же гостеприимство. Мы, может быть, иной раз не хотим его публично показывать. Другой раз бываем вынуждены – те же семейные клубы, как повелось. «Семейный клуб. Вам надо поставить чум». Может быть, мне некогда. Может, я хочу с внуком посидеть.*

Собеседник: *Слишком весело (МЭЭ 3).*

Кроме упомянутых праздников местные жители, в том числе относящиеся к КМНТ, отмечают православные праздники: Пасху, Крещение, Радоницу.

Ни один из собеседников не отнес себя к какой-то определенной религии. Тем не менее нельзя сказать, что среди представлений и практик собеседников нет таких, которые можно было бы отнести к религиозным. Более того, в словах собеседников можно увидеть классификации, основанные на представлениях о религии, причем тесно связанные с национальными классификациями.

Религиозность жителей поселка особенно проявляется в отношении к определенным местам в окружающем пространстве. Так, собеседники упоминали священные места на левобережье Енисея в окрестностях поселков Тухард и Носок (ср.: Хомич 1966: 199–201). Эти места считаются ненецкими и представляют собой возвышенности. Тем не менее почитаются они и людьми, не относящимися к ненцам, местными жителями вне зависимости от этнического самоопределения. В отношении этих мест соблюдаются определенные правила поведения (199–201).

К сакральным местам также стоит отнести кладбища. В ближайших окрестностях поселка их два: ненецкое и «русское» (в кавычках, потому что там хоронят не только русских). Правила поведения в отношении ненецкого кладбища отличаются от «русского» и сближаются с правилами поведения в отношении других священных мест, считающихся ненецкими (см.: Хомич 1966: 2019). В частности, на ненецкие кладбища распространяется запрет на «кружение» (т.е. на обход по кругу). Значимые для жителей поселка кладбища находятся не только в окрестностях поселка, но и на территории других населенных пунктов и участков сельского поселения, связанных, как правило, с семейной (родовой) историей.

Жизнеобеспечение домохозяйств в поселке связано, с одной стороны, с финансовым потоком, зависящим от наличия рабочих мест, выплатой зарплат, снабжения и т.п., с другой стороны – с потоком добываемых в тундре ресурсов, который зависит от природных циклов, событий и изменений.

Одна из главных проблем жителей поселка – низкие доходы. В таблице ниже приведены округленные данные о бюджете по опрошенным домохозяйствам. Три из пяти домохозяйств находятся за чертой прожиточного минимума (величина последнего составляла в среднем на 2020 г. для Таймырского Долгано-Ненецкого района на душу населения 20 003 руб. в месяц, т.е. 240 036 руб. в год⁹).

Исторически ключевым предприятием поселка являлся рыбозавод. В настоящее время главные рабочие места предоставляют предприятия бюджетной сферы (школа, детский сад, ДК, администрация), а также предприятия или предприниматели, связанные с промыслами. По дан-

ным муниципальной статистики, в 2020 г. из 332 постоянных жителей 180 были заняты на предприятиях и организациях поселка. Наиболее крупным работодателем является школа (45 чел.) и детский сад (20 чел.). В девяти организациях сельского хозяйства заняты 24 чел. Действуют три семейно-родовые общины (СРО «Хохорей», СРО «Сармик Хани», СРО «Тиртя-Лимбя»).

Бюджеты опрошенных домохозяйств

Доходы д/х в 2020 г., руб.	1 400 000	1 000 000	1 460 000	515 000	410 000
Доходы на 1 члена д/х в 2020 г., руб.	350 000	150 000	486 000	128 000	137 000
Кто в д/х распоряжается финансами	Вместе	Вместе	Н/д	Ж	Ж

График работ двух типов – полноценный рабочий день (школа, ДК, администрация) либо сменный (кочегары, сторожа). Несколько человек в поселке работают вахтовым методом на добывающих предприятиях. Помимо основной занятости многие жители поселка, в том числе дети имеют подработку, или вторую работу. В целом, что касается бюджетной сферы, по мнению жителей, она неуклонно сокращается, предприятия «разваливаются», что влечет за собой и сокращение рабочих мест (а также снижение квалификации востребованных сотрудников).

Собеседник: Ой, я много работ тут поменял. Я работал и рыбообработчиком на рыбозаводе, и грузчиком, и трактористом, и водителем водовоза, и кочегаром.

Собеседница: И дизелистом еще.

Собеседник: Дизелистом. Ну, тут... То развалится, совхоз развалился. Пришлось... Ну и прыгаем так с работы [на работу]. Ну, стараемся, естественно, где зарплата побольше, туда уходить. ...Сейчас у нас тут основные профессии это кочегарки (МЭЭ 1).

Заработок за счет промысла связан с продажей рыбы, оленя, ягоды, куропаток. Согласно официальным данным, в 2020 г. было сдано 1 450 шт. куропаток, выловлено 42 т рыбы. По словам наших собеседников, этот заработок нестабилен, ненадежен и невелик, поскольку осуществление промысла требует существенных затрат, прежде всего, на топливо и запчасти для техники. В основном же люди живут не на доходы от промыслов, а на зарплаты либо пенсии.

Интервьюер 1: Это [деньги, которые заработаны] на кочегарке получается. А если еще с рыбой посчитать?

Собеседник: Ой, там доход я даже не считаю. Это все оно у нас окупается в этот же бензин на технику. Это получается, ну, домой не приходят деньги с этого.

Интервьюер 1: Ага. То есть только рыба приходит домой с этого?

Собеседник: Да. С этого мы оправдываем топливо, масло, запчасти [закупаемся]. Получается круговорот. Запчасти дорогие, топливо дорогое (МЭЭ 1).

Тем не менее занятие промыслом очень важно для людей. «Сеточка» на Енисее или на озерах в тундре, так же как петли для ловли куропатки, сбор ягод и грибов в конце лета, имеют для большинства то же значение, что и подсобные хозяйства и огороды на более южных территориях. Соответственно, то, что можно добыть, как правило, не покупается в магазине.

С промышленной точки зрения разрешенными к вылову особо ценными видами рыб являются чир, сиг, пелядь; не особо ценными – щука, налим, хариус, плотва, корюшка, сельдь и др. В настоящее время, по словам жителей, наиболее важными для промысла видами рыб считаются сиг и сельдь – эту рыбу принимают предприниматели, при этом сиг более всего ловится осенью на сети, а сельдь – летом неводами. Под запретом находятся осетр, муксун, омуль. Они все равно попадают в сети «приловом», но целенаправленно ловить их опасаются. В целом объем рыболовства сократился по сравнению с прошлыми годами, когда еще функционировал рыбзавод.

Собеседник: Раньше, вот когда я работал на рыбзаводе... Тут было 12 или 15 бригад неводных. ...Раньше они были через каждые... Тем берегом через каждые, наверно, 5–7 км, было 12 или 15 бригад. Сейчас их, по-моему, две бригады и то, это уже не бригады, а как... У участника просто имеется невод и документы на вылов. Он набирает себе людей, кто хочет, ну, там рыбки домой или подзаработать... (МЭЭ 1).

Чтобы заниматься промыслом рыбы с целью заработка, нужно либо работать на предпринимателя или предприятие, либо быть им. Ключевые аспекты в работе рыбопромышленного предприятия: оформление, лов, хранение, транспортировка, реализация. Оформление включает оформление водоемов и разрешений на лов, транспортировку, продажу рыбы, а также оформление деятельности предприятия, в том числе найм работников, уплату налогов, пенсионных выплат и т.п. Как правило, для этой цели нанимается бухгалтер, который находится в Дудинке. При этом, если предприятие зарегистрировано как родовая община, можно предположить, что должны быть какие-то отличия от оформления и деятельности обычных предприятий, но жители поселка таких отличий не видят.

Интервьюер: Я думал, что родовые общины – это некоммерческие организации.

Собеседница: Некоммерческие, но мы можем заниматься. У нас идет в выпуске ОКВЭД, которыми мы можем заниматься, я могу и торговлей заниматься, я могу сама делать эти консервы.

Интервьюер: Какие ограничения, в чем отличия от коммерческой тогда?

Собеседница: Я не сталкивалась еще с ограничениями. То, что налогообложение у нас идет упрощенное, то же самое. Я никогда, кстати, и не задумывалась о том, что у нас может быть что-то другое (МЭЭ 2э).

Рыбаки, занимающиеся промыслом рыбы на продажу, обычно организованы в бригады. В каждой бригаде может быть от 2–3 человек. Бригаде выделяется место и выдается все необходимое для лова. Впрочем, рыбаки могут работать и поодиночке, особенно на осенне-зимней рыбалке, которая чаще осуществляется «по договору», а не «по трудовой книжке». Так или иначе, рабочие выезжают на время работы на точку, где, в зависимости от ее удаленности от поселка, могут жить довольно длительное время – до нескольких месяцев. Именно в таких случаях чаще используется традиционная одежда – малицы, бокари, которая является более теплой и функциональной. Как правило, на таких точках находятся балки, где можно жить. Летом могут использоваться чумы. Проверять сети нужно каждые 3–4 дня. Выловленная рыба привозится на базу, где есть холодильные установки, раскладывается по видам, взвешивается, затаривается для хранения и транспортировки. За сданную рыбу рыбаки получают деньги. Рефрижераторы используются в теплое время года, в холодное достаточно уличного мороза.

Летом для транспортировки используются катера или большие лодки, а также проходящие теплоходы, баржи и т.п.; зимой – снегоходы с санями. Для транспортировки требуются документы – транспортная накладная, товарный чек, заверенная копия разрешения на вылов рыбы. Продукция вывозится в Дудинку, где, как правило, имеется также оборудованное место для хранения. Там же проходит ветеринарное освидетельствование – экземпляры рыбы берутся для проведения анализов в лаборатории, полученные данные затем вносятся в единую базу данных «Меркурий». Потребителями могут выступать мясо-рыбокомбинаты, школы, заведения питания и т.п. С небольшими предприятиями вроде семейно-родовых общин заключают разовые контракты, так что каждый сезон необходимо искать своих покупателей.

Рыбным промыслом небольшого масштаба невыгодно заниматься в связи с регуляторными ограничениями и экономическими факторами. Поскольку это занятие требует денежных вложений (техника, бензин, оформление бумаг и поиск возможностей для сбыта), а наиболее дорогие виды рыб запрещены к вылову, окупаемость достигается только на некотором масштабе, что делает невозможным превращение всех умеющих и желающих заниматься рыбной ловлей в предпринимателей.

В поселке зарегистрировано несколько семейно-родовых общин (СРО). По сведениям, полученным от наших собеседников, для создания такой общины нужно хотя бы два человека. Готовится устав, созывается собрание членов будущей общины, устав утверждается протоколом, после чего документы отправляют в Министерство юстиции для

регистрации юридического лица. Далее от лица общины можно претендовать на водоемы, участки, нанимать работников, заниматься промысловой деятельностью. Некоторые оформляют СРО, поскольку это менее затратно и накладно, чем содержание ИП, и при этом на СРО выдают «более солидные» лимиты на вылов рыбы для питания (МЭЭ 3).

Промысел дикого оленя очень важен для жителей поселка и как средство пропитания, и как источник денежного дохода. Именно сбыт продуктов этого промысла ранее позволял жителям достаточно быстро заработать необходимую сумму для капитальных вложений, например, в покупку новой техники.

Собеседница: *А больше как? Сначала купили «Буран» себе в 2017 году, в 2018 году лодку – та старая уже – с мотором купили. Когда оленя больше было, более-менее. Оленя настреляет, продаст. Сейчас мало стало денег. Это [доход от промысла дикого оленя] было ощутимо тогда: мясо продашь, камус продашь... (МЭЭ 2).*

С точки зрения питания дикий олень разнообразил рыбный стол – с его исчезновением расходы на мясные продукты, покупаемые в магазине, увеличились. Невозможность добыть дикого оленя в привычных количествах беспокоит людей. Отмечается, что с начала 2010-х гг. его стало меньше, а с 2017–2018 гг. олень почти совсем исчез.

Охота на зайцев и куропаток служит для добычи дополнительного источника пропитания. На куропатках, зайцах и перелетных птицах можно немного заработать, сдав добытое в магазин или продав в поселке тем, кто сам не промышляет.

Из ягод чаще всего собирают морошку, бруснику, красную смородину, голубику. Также собирают шикшу, клюкву. Грибы многие жители не особо различают, выделяют, как правило, обабки и грузди. Ягоду можно продать – как в поселке, так и за его пределами, например, дав объявление через интернет.

Интервьюер: *То есть большую часть ягоды вы продали.*

Собеседница: *Большую часть, конечно.*

Интервьюер: *На продажу. А куда, кому вы продаете, где?*

Собеседница: *Здесь продавала людям, потом в Дудинку отправляла. Тож же там через интернет. Дала объявление, там, кому надо, собирала, продавала.*

Интервьюер: *А где вы объявление давали?*

Собеседница: *Вконтакте.*

Интервьюер: *Вконтакте?*

Собеседница: *Ну, там есть группы «Продавай в Дудинке» – там я объявление давала. Или под другим объявлением смотрела, допустим, кто-то там пишет: «Куплю ягоду с Таймыра». Все, позвонила, написала (МЭЭ 4).*

Однако заготовкой на продажу занимаются немногие, люди чаще собирают для себя и для отправки родственникам и знакомым. Помимо ягод и грибов некоторые жители собирают дикий лук и щавель.

Некоторые жители экспериментируют и с выращиванием собственных овощей – картошки, моркови, огурцов.

Для ведения промысла, как правило, необходимы снегоход, лодка, балок. По официальным данным, в 2020 г. на 86 домохозяйств (квартир) было зарегистрировано 70 снегоходов, 46 лодок с моторами, 4 легковых автомобиля, 2 трактора.

Различные домохозяйства по-разному реагируют на рост цен. Паттерны потребления в отношении большинства продуктов, как правило, не меняются – «потому что больше брать негде» (МЭЭ 5). В других случаях люди отказываются от того, что слишком дорого, например от фруктов. Существенные затраты могут быть связаны с табачными изделиями и алкоголем.

Сбережения отсутствуют даже у наиболее обеспеченных семей. Те, которые могли бы накопить, по-видимому, тратят их на покупку техники (лодки, снегоходы и т.п.) и повышение уровня жизни (покупка продуктов, ремонт и т.д.). Займы можно разделить на два вида: повседневные (долг в магазине, небольшие займы у друзей и знакомых «до зарплаты») и капитальные (кредиты на покупку техники или недвижимости). Люди прибегают и к тем и к другим, хотя некоторые осознанно избегают брать в долг.

Из пищевых продуктов более всего запасают муку, сахар, овощи (картофель, лук, морковь, свеклу, капусту), масло – с расчетом на несколько месяцев. Хлеб, как правило, пекут самостоятельно.

Собеседница: *А остальное, допустим, капусту там солим, морковку тоже натираем, замораживаем, свеклу, чтобы было, хватало на весь год.*

Интервьюер: *А какая основная причина запасов?*

Собеседница: *Потому что здесь ничего не продают. Так вот в этом году есть в магазине лук, картошка, а бывает, что зимой вообще не продают овощей обычных. Даже я уже молчу там про фрукты и другие овощи: огурцы, помидоры очень-очень редко там, на праздники (МЭЭ 4).*

Из продуктов «добываемых» рыбу, как правило, не запасают, поскольку «она всегда есть». Исключение составляет заготовка засоленной рыбы осенью. К ягодам и грибам относятся по-разному, но если их запасают, то, как правило, замораживают, реже закатывают, солят. В связи с тем что в последние несколько лет невозможно добыть дикого оленя, люди либо меняют рацион, либо потребительские привычки и способы снабжения. Например, оленье мясо покупают у оленеводов, когда они останавливаются недалеко от поселка, либо берут у родственников, если они есть. Из непродовольственных товаров наиболее

важен бензин. Его стоимость в разных населенных пунктах может различаться в разы: по словам жителей, в 2020 г. стоимость составляла 11 000 руб. за бочку в Дудинке против 20 000 руб. за бочку в поселке.

Люди в поселке самостоятельно обеспечивают себя дровами и водой. В конце весны – начале лета жители запасают дрова – ловят лес, который идет по Енисею во время ледохода, распиливают его на берегу и везут домой. Для растопки собирают на берегу кору.

Инфраструктура и услуги, доступные местным жителям, весьма ограничены. В поселке действует фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) – филиал Таймырской межрайонной больницы. В штате ФАПа два сотрудника. Люди регулярно обращаются к ним и с благодарностью отзываются об их работе, но в то же время отмечают нехватку медицинских специалистов и недоступность многих медицинских услуг (например, стоматологических). По этой причине по многим вопросам в области здравоохранения местные жители вынуждены обращаться в городские медицинские учреждения (в первую очередь по вопросам родов). По словам наших собеседников, здание ФАПа плохо отапливается, при том что есть потребность в круглосуточном стационаре. Также местная аптека плохо снабжается медикаментами.

В поселке нет организованного водоснабжения чистой питьевой водой. Оно осуществляется в частном порядке – самостоятельно или по соглашению с собственниками личного транспорта (снегоходов и автомобилей) – путем забора воды из Енисея.

Получение государственной поддержки местными жителями осложнено удаленностью поселка от центров предоставления госуслуг, большая часть из которых расположена в городах Дудинке и Норильске. В первую очередь это касается пенсий и пособий. Такие же трудности возникают с регистрацией средств передвижения и оружия, имеющих важное значение для промысла. Подача заявок на получение квот на вылов рыбы и государственной поддержки для коренных малочисленных народов возможна через местное территориальное подразделение.

В поселке действует Усть-Портовская средняя общеобразовательная школа, также выполняющая функции детского сада. В школе не хватает педагогов по некоторым предметам, в частности по математике. Также в ней нет спортзала, что ограничивает проведение уроков физкультуры и работу спортивных секций. По этой же причине школа вынуждена проводить указанные занятия в помещении местного дома культуры.

Получение среднего общего образования на территории сельского поселения возможно лишь в с. Караул, а профессионального – за его пределами. Наиболее доступным для местных жителей учреждением профессионального образования, а именно среднего профессионального, является Таймырский колледж, расположенный в г. Дудинке. Выс-

шее образование можно получить лишь за пределами района – чаще всего жители упоминали Норильск и Красноярск.

Своего рода организатором досуга выступает местный дом культуры. При доме культуры действуют клубы, кружки и проводятся турниры. Сотрудники организуют мероприятия в наиболее значимые праздничные дни. Также в поселке действует библиотека.

Людям доступна междугородная и сотовая связь, а также спутниковый интернет. Последний – дорогой, низкоскоростной и нестабильный. Сотовая связь также слабая и нестабильная.

Поселок расположен на правом берегу Енисея, в 110 км от Дудинки и 70 км от Караула и связан с ними и с другими поселками сельского поселения воздушным и водным сообщением: в летнюю навигацию по расписанию, два раза в неделю, выполняют рейсы грузопассажирский паром «СП – 4» и грузопассажирский теплоход «Хансута Яптунэ»; в весенний, осенне-зимний периоды при наличии полной загрузки (по четвергам, пятницам) выполняет рейс вертолет Ми-8 по маршруту Дудинка – Усть-Порт – Караул – Носок и обратно (официальный сайт сельского поселения Караул). Люди жалуются на загруженность доступных видов общественного транспорта.

Наземное сообщение возможно только в зимнее время – по зимнику или прямо по замерзшему Енисею ввиду отсутствия автомобильной дороги. Основными видами наземного транспорта здесь являются снегоходы и так называемые триколы (от «Трэкол» – названия вездехода российского производства), перемещения на которых осуществляются в основном в частном порядке. К личным видам транспорта также относятся лодки.

В поселке действуют два магазина. Один – продуктовый, в другом продаются также одежда и хозяйвары. Как утверждают жители поселка, продукты в магазинах по всем параметрам уступают продуктам в Дудинке: они дороже, выбор меньше, качество хуже. Поэтому, если есть возможность, закупки производятся в Дудинке, Красноярске, Тухарде. Относительно выгодные закупки осуществляются за счет сезонного плавмагазина. Однако, по словам наших собеседников, в последние годы он приходит достаточно редко.

Жилье. По данным, предоставленным нам в территориальном подразделении поселка, на 2021 г. в п. Усть-Порт насчитывается 70 домов и 86 квартир на 332 человека постоянного населения. Жилой фонд поселка состоит из одноэтажных деревянных домов. Электроснабжение осуществляется дизельной электростанцией. Для печного отопления было завезено 1180 т угля. Ветхий и аварийный фонд составляет значительную долю в общей площади жилья.

***Интервьюер:** Скажите про дом. Вы довольны своим жильем с домом?*

***Собеседник:** Не доволен уже. Старый дом, с 34-го года рождения...*

Интервьюер: Какие в нем проблемы?

Собеседник: Деревянный же он, в землю уходит.

Интервьюер: Оседают?

Собеседник: Оседают, да. Нижние балки уже все, сгнили. Вроде выравниваешь, потом опять... это самое...

Интервьюер: Приходится много сил...

Собеседник: Да, ну...

Интервьюер: Пол холодный?

Собеседник: Конечно, щас морозы уже... печку надо тоже менять щас уже... Время... работы много там, складывать... (МЭЭ 6).

В поселке строится и новое жилье, но местные жители довольны не всеми очередями строительства. Преимущественно довольны жильем жители домов, построенных в 2012 г. Тем не менее и это жилье не всегда полностью удовлетворяет их потребности.

Основные жилищные проблемы – нехватка пространства, непригодность к местному климату, сезонная затопляемость. Эти и другие проблемы, связанные с жильем, людям приходится решать собственными силами.

Окружающая среда. В целом жители п. Усть-Порт отмечают ухудшение экологической ситуации, а также обращают внимание на климатические изменения. Они указывают на неблагоприятные погодные явления в прошедшем и текущем году: жаркое лето, сопровождавшееся сильными ветрами и штормами (2020 г.), и очень холодную зиму (2020–2021 гг.). При этом, несмотря на зимние заморозки, лед на Енисее был, по сообщениям собеседников, тоньше обычного, что связывается имело с плотинами, сооруженными на реке. ¶

В отношении животного мира собеседники в первую очередь отмечали изменения в путях миграций. Прежде всего они указывают на «уход» дикого оленя. Теперь, чтобы его добыть, необходимо ездить гораздо дальше, это сопряжено с большими затратами, и далеко не все могут их себе позволить. Изменения в миграции оленя связывают с деятельностью добывающих компаний.

Собеседница: Но охоту тоже, сейчас оленя нет у нас, потому что там построили эти всякие, как называется-то...

Интервьюер: Нефтепроводы?

Собеседница: Да, да, приезжали, которые выиграли грант, какая-то там фирма. Приехала и обрабатывала. Все копала, копала. Выкопали и такую оставили грязь там, такие эти останки свои, уехали. Зачем они там были, что они там делали? И олень от нас ушел другой тропой. И вот, пожалуйста! Рыбалка еще только осталась, говорю. Люди выезжают далеко, далеко, в другие территории, чтобы добыть дикого оленя. Но не каждый же может выехать (МЭЭ 1э).

С другими животными тоже происходят перемены: куропатки сменили окрас слишком рано, дикие животные (песцы, волки) необычно близко подходят к поселку.

Что касается рыбы, местные жители отмечают уменьшение ее количества и ухудшение качества – чаще попадает рыба, зараженная паразитами. Такая рыба не годится в пищу и для реализации, ее в основном выбрасывают. Уменьшение количества рыбы иногда связывают с ледоколами, которые стали чаще ходить, – они поднимают со дна Енисея песок, который влияет на рыбу, а также с отсутствием таких больших половодий на Енисее, какие были раньше, и с общим уменьшением уровня воды в реке.

Иногда люди, занимающиеся промыслом, замечают на Енисее маслянистые пятна. Они объясняют их деятельностью добывающих компаний, авариями нефтепроводов и разливами.

Собеседник: Да и болота тоже... В Тухарде было тоже, разлилось тоже... Труба дырявая была...

Интервьюер: Протекло в Енисей?

Собеседник: В Хету. Хета-то в Енисей впадает, сюда.

Интервьюер: И как-то это повлияло?

Собеседник: Не знаю, наверно повлияло... Скрыли тогда. Широкой огласки не было.

Интервьюер: А это недавно было?

Собеседник: Летом было. После этой [аварии]... На норильской [электростанции] там... (МЭЭ 6).

Из приведенной цитаты также видно, что люди обращают внимание на то, что многие разливы такого рода не подвергаются огласке, «замалчиваются».

Земля (доступ к земле и природным ресурсам для местных жителей). По рассказам наших собеседников, для ведения рыбного промысла нужен оформленный в аренду водоем. Права пользования водоемами разыгрываются на аукционах в рамках конкурсов, которые проходят каждый год летом. Водоем в аренду можно взять на длительное время, но далеко не каждый год может разыгрываться водоем на определенной территории – это зависит от того, имеются ли юридически свободные водоемы для розыгрыша. Для вылова особо ценных, «лимитированных», пород рыб необходимо также получить квоты.

Можно, однако, заниматься ловом рыбы, не оформляя документов, – если заключен договор с предприятием или предпринимателем, который имеет водоем и лимиты на вылов. В поселке утверждают, что сейчас только так и возможно заниматься промыслом легально – работая на предпринимателя. Иногда люди организуются в бригады, которые на сезон нанимает тот или иной предприниматель, и работают в них.

Интервьюер 1: Вы в одиночку рыбу добываете?

Собеседник: Нет! У нас уже как, бригада собирается. И мы работаем на какого-нибудь предпринимателя. Ему привозим рыбу, сдаем. Он потом с нами рассчитывается.

Интервьюер 1: А себе что-то тоже...

Собеседник: Да, себе, конечно, тоже на зиму там... посолим. Потому что сейчас только на предпринимателя можно рыбачить. Потому что документы, получается, только у них. Чтоб все это легально было, только на них надо работать (МЭЭ 1).

Для промысла, связанного с охотой (зайцы, куропатки, гусь, олень) не требуется разрешения такого типа, как на рыбу. Нужно, однако, разрешение на оружие. С оформлением документов, связанных с оружием, могут возникать проблемы, характерные для получения государственных услуг в удаленных поселках, – длительность пути до административного центра, необходимость попасть в расписание работы ведомства и т.п.

Для людей, относящихся к КМНТ, действует система квот на личное потребление рыбы и мяса. Впрочем, многие считают, что эти лимиты неоправданно низкие, и в действительности для нормального питания этих продуктов нужно больше.

Лимиты и разрешения на вылов контролируются чаще всего во время проверок в ходе транспортировки рыбы из поселка, например, в Дудинку. Полиция имеет право выполнять функции инспектора рыбнадзора. К концу года, когда необходимо готовить отчетность, по словам жителей, «мощность» надзора увеличивается. Также говорят о том, что совершаются «рейды» полицейскими и росгвардейцами из Дудинки, во время которых последние ведут себя агрессивно. В целом разговоры о регулировании промыслов и запретах скорее негативные – чувствуется неудовлетворение людей сложившимся положением.

С точки зрения повседневной практики места ведения личного промысла не являются чем-то особо закрепленным. «Енисей большой», «все общее», пользование происходит по принципу «кто первый нашел». Тем не менее люди стараются, как правило, не мешать друг другу. Способом закрепить место за собой, обозначить свое присутствие является постройка балка – передвижного жилища, представляющего собой, как правило, легкий деревянный каркас на полозьях, обитый брезентом (реже оленьими шкурами) и каким-либо утеплителем, с печкой внутри; рыбацкие балки, предназначенные для зимней ловли, могут быть без «пола».

Группизм в прикладных социальных исследованиях

Как уже говорилось выше, мы использовали концептуальный аппарат Социальной рамки для проектов в рамках оценки воздействия весьма ограниченным образом и для решения достаточно узкой задачи.

По этой причине в тексте не представлены индикаторы, прогнозы и какие-либо рекомендации – приведенное описание факторов благополучия жителей Усть-Порта (во всяком случае, некоторых жителей – сколько-нибудь связанных с жизнеобеспечением за счет промыслов и относящихся к коренным малочисленным народам либо связанных с такими людьми семейно-брачными и родственными отношениями), основанное на качественных данных, выполняет роль профиля сообщества и является материалом, необходимым для дальнейшей работы, но не замещающим ее. Тем не менее уже этот материал, помимо общего представления об упомянутых факторах благополучия, позволяет, как нам кажется, обратить внимание на некоторые теоретические аспекты оценок социального воздействия вообще и этнологических экспертиз в частности.

Дело в том, что в фокусе СРП находятся индивиды, а не коллективные сущности, как то сообщества или народы. Такой взгляд на концептуальном уровне несколько расходится с распространенными подходами к оценке воздействия. В международных методиках чаще обращают внимание на локальные сообщества. К примеру, в руководстве по оценке и управлению социальными воздействиями Международной ассоциации по оценке воздействия утверждается, что хотя люди испытывают некоторые социальные воздействия на личном уровне, методика оценки социального воздействия все же исходит из того, что люди «живут, работают и играют в социальных группах – сообществах», на которых поэтому и сосредоточено основное внимание в процессе оценки (Vanclay et al. 2015: 76). В российских реалиях исторически доминирует сосредоточение внимания на воздействии на этнические группы (в первую очередь коренных малочисленных народов). Так, все выделенные в обзорных и дискуссионных текстах подходы к этнологической экспертизе (см.: Данилова 2018, Функ 2018) так или иначе предполагают, что в центре внимания находятся коллективные сущности – этнические сообщества, этнические или социально-культурные общности, коренные народы, вовлеченные в «этнологическую ситуацию» группы населения и т.п. Во всех случаях речь идет о группах, коллективах как о предмете внимания и, в целом, «заботы» со стороны заказчика прикладного исследования и его исполнителя. Таким образом, в логиках оценки социального воздействия и этнологической экспертизы обнаруживается так называемый группизм – тенденция «рассматривать дискретные, ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни, как главные действующие лица социальных конфликтов и как основные единицы социального анализа», понимать группы «как субстанциальные сущности, которым могут быть приписаны интересы и деятельность», овеществлять такие группы, «как будто они внутренне однородные, внешне ограниченные группы и даже единые коллективные акторы с общими целями» (Брубейкер 2012: 23–24).

В современной антропологии, в исследованиях отношений между корпорациями и местными сообществами (в первую очередь в ситуациях добычи полезных ископаемых) развивается критика неосторожного отношения к такого рода группам. Суть этой критики может быть сведена к такому утверждению: «сообщество» не предшествует социальному взаимодействию, а скорее производится в ходе такого взаимодействия – словами и действиями его участников, среди которых существенную роль играют в соответствующих ситуациях и добывающие компании (см.: Welker 2017). При этом те или иные определения конкретного сообщества фиксируют не столько положение дел в группе самой по себе, сколько представления той или иной стороны, всегда являющиеся одновременно схемами и идеализациями в не меньшей степени, чем «отражениями» действительности. Будучи, однако, выраженными или став основанием для каких-либо действий, такие «задействованные» (enacted) представления уже влияют на соответствующую действительность, формируют ее.

Пример применения такой критики к конкретному случаю отношений между добывающей компанией и местными жителями можно найти в работе австралийских исследователей под руководством Робин Майес (Mayes, McDonald, Pini 2014). Авторы показывают, как в «производстве» местного сообщества в одном из районов Австралии принимала участие компания-оператор никелевого рудника и гидрометаллургического завода BHP Billiton. Отчеты компании об устойчивом развитии представляли местные сообщества как предсуществующие, связанные местностью – умалчивая о постоянно происходящих изменениях и трансформациях как в содержании отношений между людьми, так и в формах этой связи или умалчивая об экстерриториальных связях жителей. При этом на практике компания активно участвовала в определении того, кто относится к сообществу или является его легитимным представителем – вовлекая жителей в формализованные взаимодействия (в рамках комитетов и консультационных групп) и грантовые программы, ориентированные на качества и ценности, комплементарные целям компании, укрепляя и в некотором смысле навязывая определенный образ местному сообществу.

Из приведенной критики следует, что исследователь должен быть внимательным к тому, как «проговаривается» и «делается» сообщество: кто говорит, как они определяют членство (кого включают и кого исключают), каковы связанные с этим «сообществом» контекст и импликации, материальные процессы и практики (Welker 2017: 452). Невнимательность к этим обстоятельствам приведет к тому, что исследователь в рамках социального процесса производства «сообщества» невольно окажется на стороне какой-то одной схемы-идеализации, которая делает менее видимыми не вписывающиеся в

эту схему аспекты взаимодействия. Здесь также следует заметить, что аналогичная критика, основанная на процессуальном подходе, существует и в отношении других типов коллективных акторов: этнических групп (Golub 2014), органов власти (Gupta 2012), корпораций (Welker 2014).

В применении к задачам нашего исследования импликация из приведенного выше общего критического аргумента состоит в том, что сосредоточение исследовательского внимания на анализе группы того или иного типа (сообщество, народ) может структурно подталкивать не обращать внимание на людей, не относящихся к соответствующим группам, которые, тем не менее, не только подвергаются воздействию, но чья жизнь тесно связана с жизнью людей из исследуемой группы. В наших материалах можно обнаружить примеры таких тесных связей – как локальных, не связанных с этничностью, так и, напротив, этнических, не связанных с локальной группой.

Иллюстрацией того, как благополучие зависит от локальных связей безотносительно этнической группы, может служить кооперация в рамках промыслов. Как уже было сказано в разделе статьи, посвященном жизнеобеспечению жителей поселка, рыбным промыслом небольшого масштаба заниматься невыгодно в связи с высокими издержками. Именно поэтому для предпринимателей, которые, тем не менее, пытаются преодолеть «порог входа», важны личные связи в поселке, которые задействуются для организации промысла. Логика задействования этих связей не этническая, а производственная.

Собеседник: Да. Просто, у меня как друг... Он индивидуальный предприниматель, у него есть все документы на вылов. И вот эту тоню он себе оформил, где кидать. У меня лодка большого размера. Вот он у меня просит, чтобы я эту рыбу вывозил. Ну, я же не буду там стоять, загрузки ждать, поэтому помогаю мужикам невод кинуть.

Интервьюер 1: А сдаете вы кому?

Собеседник: Вот этому же предпринимателю.

Интервьюер 1: Ему же?

Собеседник: Да. Он запускает рефы и морозит рыбу (МЭЭ 1).

Зависимость благополучия от этнической группы безотносительно локальных связей, как кажется, показывает пример функционирования родовых связей среди поселковых ненцев. Судя по словам наших собеседников, рассказы детям о прошлом, о членах семьи, рода, играют важную роль для жителей поселка. Мотивы при этом называются разные – от связанных с идентичностью («прививаем детям культуру, обычаи, традиции») до вполне прагматических («даже если ты с ним не общаешься, это на будущее. Вдруг где-нибудь столкнетесь»). Именно такого рода связи задействуются, например, для упоминавшейся выше добычи мяса домашнего оленя в условиях дефицита дикого.

Исследовательская рамка, ориентированная на анализ факторов, влияющих на жизни индивидов – такого типа как использованная нами СРП, как кажется, позволяет равное внимание обращать на все отношения, в которые вовлечены люди, в том числе на локальные и этнические связи.

Помимо описанного эпистемологического, рассмотренный теоретический аргумент имеет также этическое следствие: учитывая приведенную критику, исследователю стоит мыслить свою моральную позицию не с точки зрения выбора стороны, к которой следует присоединиться, но с точки зрения того, как сделать взаимодействия между вовлеченными в социальный процесс людьми более справедливыми, т.е. минимизировать структурное неравенство возможностей (Golub 2018: 22). В этом смысле некритическое использование заданных определений тех или иных групп может укреплять, стабилизировать связанный с этими определениями порядок взаимодействий, который при этом вполне может быть структурирован несправедливо. Рамка описанного нами типа позволяет, как нам видится, аккуратно отнестись к соответствующим определениям, во всяком случае, совершенно не предполагает их эссенциализации.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра за оказанное нашему коллективу доверие, без которого не могла бы состояться этнологическая экспертиза, материалы которой легли в основу данного текста, и отдельно Григорию Ивановичу Дюкареву за всестороннюю поддержку в процессе проведения экспертизы.

Мы сердечно благодарим всех наших собеседников, любезно согласившихся принять участие в исследовании, а также Анжелику Николаевну Сюгуней, Бэллу Терентьевну Чуприну и Иванеса Ивановича Яптунэ за помощь в организации и проведении полевого исследования в п. Усть-Порт.

Также выражаем признательность коллегам, вместе с которыми мы работали в рамках экспертизы на Таймыре, в том числе адаптировали Социальную рамку для проектов к условиям нашего исследования, разрабатывали опросники, кодировали и анализировали материалы, обсуждали результаты: Сергею Александровичу Арцемовичу, Марии Алексеевне Мочаловой, Николаю Владимировичу Плужникову, Владимиру Валерьевичу Поддубикову, Артему Алексеевичу Пушину, Юлии Владимировне Рожковой, а также руководителю проекта Дмитрию Анатольевичу Функу.

Примечания

1. Проведенную ЭЭ, таким образом, можно отнести к общественному типу (Функ 2018: 70).
2. Официальный сайт Международной ассоциации по оценке воздействия доступен по ссылке: <https://www.iaia.org>
3. Термины «качество жизни» и «благополучие» мы используем как синонимы.
4. См.: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>
5. Ознакомиться с вопросами анкеты можно по адресу: <https://drive.google.com/file/d/1cXtZ5wlXSct7H3Z8w4gx3--gdQyubopi/view?usp=sharing>
6. От собеседников получено письменное согласие на ведение аудиозаписи.
7. Итоговая система кодов доступна по адресу: https://drive.google.com/file/d/1bhVeNYdUonJWM5x1_esNzSXgW9VUGLsP/view?usp=sharing
8. Электронная карта недропользования России разработана и поддерживается ФГБУ «Росгеолфонд» по заказу Федерального агентства по недропользованию (Роснедра). Карта доступна по адресу: <https://www.rfgf.ru/info-resursy/interactive-map>
9. Среднее значение рассчитано по данным, выложенным на сайте Министерства экономики и регионального развития Красноярского края: http://www.econ.krskstate.ru/ser_kray/potrebynok/livingwage/vpm2020

Источники

МЭЭ – Материалы этнологической экспертизы, январь–февраль 2021 г. Полевые материалы, собранные участниками этнологической экспертизы в поселке Усть-Порт, включают шесть интервью с семьями, преимущественно связанными с занятиями рыбалкой и охотой (МЭЭ 1–6), три экспертных интервью с сотрудниками администрации, школы и родовой общины (МЭЭ 1э–3э).

Литература

- Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012.
- Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134.
- Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. ООН. 2007.
- Культура и ресурсы: опыт этнологического обследования современного положения Севера Сахалина / под ред. Д.А. Функа. М.: Демос, 2015.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: Этнологическая экспертиза 2011 года. М.: ИП А.Г. Яковлев, 2012.
- Методы этнологической экспертизы / под ред. В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999.
- Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
- Сен А. Возможности и благосостояние // Философия экономики: Антология / под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 325–354.
- Социально-экологические принципы Всемирного банка. Всемирный банк. 2017.
- Стандарты деятельности по обеспечению экологической и социальной устойчивости. Международная финансовая корпорация. 2012.

- Функ Д.А. Этнологическая экспертиза: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79.
- Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters. Vol. I: Methodology. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015a.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters. Volume II: Tools. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015b.
- Franks D.M., Brereton D., Moran C.J. The cumulative dimensions of impact in resource regions // Resources Policy. 2013. Vol. 38, № 4. P. 640–647.
- Gill D., Ritchie L. Considering Cumulative Social Effects of Technological Hazards and Disasters // American Behavioral Scientist. 2020. Vol. 64, № 8. P. 1145–1161.
- Golub A. From Allegiance to Connection: Structural Injustice, Scholarly Norms and the Anthropological Ethics of Mining Encounters // Mining Encounters: Extractive Industries in an Overheated World. Mining Encounters / eds by R.J. Pijpers, T.H. Eriksen. London: Pluto Press, 2018. P. 21–37.
- Golub A. Leviathans at the gold mine: creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea. Durham: Duke University Press, 2014.
- Gupta A. Red tape: bureaucracy, structural violence, and poverty in India. Durham: Duke University Press, 2012.
- Mayes R., McDonald P., Pini B. 'Our' Community: Corporate Social Responsibility, Neoliberalisation, and Mining Industry Community Engagement in Rural Australia // Environ Plan A: Economy and Space. 2014. Vol. 46, № 2. P. 398–413.
- Post-Disaster Needs Assessments. Vol. A: Guidelines. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2013a.
- Post-Disaster Needs Assessments. Volume B: Agriculture, Livestock, Fisheries and Aquaculture. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2013b.
- Rampin R., Steeves V., DeMott S. Taguette // Zenodo. 2021. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5111814>
- Schooten M., Vanclay F., Sloodweg R. Conceptualizing social change processes and social impacts // The International Handbook of Social Impact Assessment: Conceptual and Methodological Advances. 2003. P. 74–91.
- Smyth E., Vanclay F. The Social Framework for Projects: a conceptual but practical model to assist in assessing, planning and managing the social impacts of projects // Impact Assessment and Project Appraisal. 2017. Vol. 35, № 1. P. 65–80.
- Vanclay F. et al. Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.
- Vanclay F. International Principles For Social Impact Assessment // Impact Assessment and Project Appraisal. 2003. Vol. 21, № 1. P. 5–12.
- Webler T., Lord F. Planning for the human dimensions of oil spills and spill response // Environmental Management. 2010. Vol. 45, № 4. P. 723–738.
- Welker M. Articulating and Disarticulating Corporation and Community // The Corporation / eds. G. Baars, A. Spicer. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 449–456.
- Welker M. Enacting the corporation: an American mining firm in post-authoritarian Indonesia. Berkeley: University of California Press, 2014.

Статья поступила в редакцию 20 июля 2021 г.

Applying an International Approach for Social Impact Assessment to an Ethnological Expert Review of Western Taymyr Peninsula

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/33/8

Aleksandr S. Basov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: a.basov@iea.ras.ru

Sviatoslav O. Kovalskii, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia). E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

This work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation's project "Anthropology of Extractivism: Research and Projection of Social Change in Regions of Resource Type" (Grant No. 20-68-46043, supervised by D.A. Funk).

Abstract. The article's aim is twofold: on one hand, to present the authors' experience of applying an approach, proposed by international practitioners in the field of Social Impact Assessment, in a kind of applied research specific to Russia, namely the Ethnological Expert Review; on the other, to present a theoretical argument, supported by this experience, against "groupism" in applied research as a trend fraught with certain epistemological and ethical difficulties. The article presents the circumstances, goals, and principles of the Ethnological Expert Review in which the authors participated; describes the approach used in the research process and the reasoning behind choosing it; the course of the study and its results; and the conceptual implication of the authors' experience in the light of anthropological theory.

Keywords: Social impact assessment, ethnological expert review, anthropology of mining, Taymyr peninsula

References

- Adaev V.N., Martynova E.P., Novikova N.I. *Kachestvo zhizni v kontekste etnologicheskoy ekspertizy v Rossijskoj Arktike: Tazovskij rajon YNAO* [Quality of life in the context of ethnological expertise in the Russian Arctic: Tazovsky District, YNAO]. *Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nestor-Istoriya»*, 2019.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters*. Volume I: Methodology. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015a.
- Analyzing the Social Impacts of Disasters*. Volume II: Tools. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2015b.
- Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2012. (in Russian)
- Danilova E.N. Etnologicheskaya ekspertiza: sovremennyye koncepcii i podhody [Ethnological Expertise: Modern Concepts and Approaches], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2018, no. 1 (58), pp. 127–134.
- Deklaraciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij o pravah korennyh narodov* [Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. UN. 2007.
- Franks D.M., Brereton D., Moran C.J. The cumulative dimensions of impact in resource regions, *Resources Policy*, 2013, Vol. 38, no. 4, pp. 640–647.
- Funk D.A. Etnologicheskaya ekspertiza: rossijskij opyt ocenki social'nogo vozdejstviya promyshlennyh proektov ["Ethnological Expert Assessment": A Russian Experience in Evaluating the Social Impact of Industrial Projects], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 66–79.
- Gill D., Ritchie L. Considering Cumulative Social Effects of Technological Hazards and Disasters, *American Behavioral Scientist*, 2020, Vol. 64, no. 8, pp. 1145–1161.
- Golub A. From Allegiance to Connection: Structural Injustice, Scholarly Norms and the Anthropological Ethics of Mining Encounters. In: *Mining Encounters: Extractive Industries in an Overheated World. Mining Encounters* / eds by R.J. Pijpers, T.H. Eriksen. London: Pluto Press, 2018, pp. 21–37.
- Golub A. *Leviathans at the gold mine: creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham: Duke University Press, 2014. – 247 p.
- Gupta A. *Red tape: bureaucracy, structural violence, and poverty in India*. Durham: Duke University Press, 2012.
- Homich L.V. *Nency: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Nenets: Historical and Ethnographic Sketches]. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966.

- Kul'tura i resursy: opyt etnologicheskogo obsledovaniya sovremennogo polozheniya Severa Sahalina* [Culture and Resources: An Ethnological Survey of Sakhalin's North Today] / ed. by D.A. Funk. Moscow: Demos, 2015.
- Martynova E.P., Novikova N.I. *Tazovskie nency v usloviyah neftegazovogo osvoeniya: Etnologicheskaya ekspertiza 2011 goda* [Tazov Nenets in the Conditions of Oil and Gas Development: Ethnological Expertise 2011]. Moscow: IP A.G. Yakovlev, 2012.
- Mayes R., McDonald P., Pini B. 'Our' Community: Corporate Social Responsibility, Neoliberalisation, and Mining Industry Community Engagement in Rural Australia, *Environ Plan A: Economy and Space*, 2014, Vol. 46, no. 2, pp. 398–413.
- Metody etnologicheskoy ekspertizy* [Methods of ethnological expertise] / ed. by V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAN, 1999.
- Poddubikov V.V., Sadovoj A.N., Belozyorova M.V. *Ekspertiza i monitoring tradicionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii* [Expertise and monitoring of traditional forms of natural resource use of indigenous small-numbered ethnic groups: methods of applied ethnology]. Kemerovo: Praktika, 2014.
- Post-Disaster Needs Assessments. Volume A: Guidelines*. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery. 2013a.
- Post-Disaster Needs Assessments. Volume B: Agriculture, Livestock, Fisheries and Aquaculture*. World Bank & Global Facility for Disaster Reduction and Recovery, 2013b.
- Rampin R., Steeves V., DeMott S. Taguette, *Zenodo*. 2021. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5111814>
- Rossiyskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development] / ed. by V.A. Tishkova. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016.
- Schooten M., Vanclay F., Slootweg R. Conceptualizing social change processes and social impacts. In: *The International Handbook of Social Impact Assessment: Conceptual and Methodological Advances*. 2003, pp. 74–91.
- Sen A. Vozmozhnosti i blagosostoyanie [Opportunity and Welfare]. In: *Filosofiya ekonomiki: Antologiya* [Philosophy of Economics: An Anthology] / ed. by D. Hausman. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012, pp. 325–354.
- Smyth E., Vanclay F. The Social Framework for Projects: a conceptual but practical model to assist in assessing, planning and managing the social impacts of projects, *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2017, Vol. 35, no. 1, pp. 65–80.
- Social'no-ekologicheskie principy Vsemirnogo banka* [The World Bank Environmental and Social Framework]. The World Bank, 2017. (in Russian)
- Standarty deyatelnosti po obespecheniyu ekologicheskoy i social'noj ustojchivosti* [IFC Performance Standards]. International Finance Corporation, 2012. (in Russian)
- Vanclay F. et al. *Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects*. Fargo ND: International Association for Impact Assessment, 2015.
- Vanclay F. International Principles For Social Impact Assessment, *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2003, Vol. 21, no. 1, pp. 5–12.
- Webler T., Lord F. Planning for the human dimensions of oil spills and spill response, *Environmental Management*, 2010, Vol. 45, no. 4, pp. 723–738.
- Welker M. Articulating and Disarticulating Corporation and Community. In: *The Corporation* / eds. G. Baars, A. Spicer. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 449–456.
- Welker M. *Enacting the corporation: an American mining firm in post-authoritarian Indonesia*. Berkeley: University of California Press, 2014.

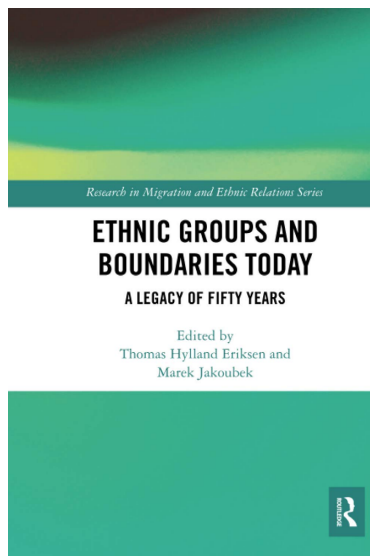
РЕЦЕНЗИИ

УДК 325:323.1

DOI: 10.17223/2312461X/33/9

СМЕРТЬ АВТОРА И НАСЛЕДИЕ ФРЕДРИКА БАРТА

Thomas Hylland Eriksen and Marek Jakoubek (eds.) *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*. Routledge, Oxon, 2019. 219 p. ISBN: 978-1-138-61765-0

Вышедшая в 1969 г. книга Фредрика Барта «Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий» (сокращенно «EGB») положила начало новому способу мышления об этничности в англоязычной антропологии. Ее влияние на теорию антропологии было настолько сильным, что даже сегодня, спустя пятьдесят лет, предисловие к этому сборнику считается обязательным к прочтению всеми студентами дисциплины, а Фредрик Барт навсегда вошел в ряды самых влиятельных антропологов второй половины двадцатого века. В советской этнографии, тем не менее, этому сборнику внимания не уделяли (р. 79) и в переводе на русский язык, который был сделан Игорем Пильщиковым, эта книга вышла только в 2006 г. (Барт 2006).

Рецензируемый сборник «Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years» (сокращенно «EGB@50»), как следует из названия, является результатом пятидесятилетней истории изучения этничности в направлении, заданном Бартом. Редакторы сборника То-

мас Хилланд Эриксен и Марек Якоубек критически рассматривают работу и влияние Барта на теорию этничности. Цель книги – показать, как продвинулась теория этнических границ и как сегодня антропологи изучают этничность.

Большинство авторов, принявших участие в сборнике, относятся к западной антропологической традиции – Великобритании, США и Скандинавии. Исключением являются В.А. Тишков, советский и российский ученый, и Л. Якоубкова-Будилова с М. Якоубеком, антропологами из Чехии.

В предисловии к EGB@50 авторы размышляют на тему роли EGB и Фредрика Барта в истории антропологии, разбирают первоначальную теорию этнических границ и то, как она была воспринята и позже искажена во множестве последующих работ. Авторы считают, что ссылка «Барт 1969» стала настолько обязательной в современной литературе, касающейся вопросов этничности, что люди уже не задумываются над тем, что в самом источнике было написано. Они приравнивают ссылку «Барт 1969» к плавающему означающему – этакой пустышке, которую каждый наполняет смыслом по своему усмотрению.

«Наследие», которое рассматривает этот сборник, – это наследие, прежде всего, самого Барта. Это особенно хорошо проглядывается в первой части книги, где авторы Энтони Коэн (р. 20–28), Майкл Хэтчер (р. 29–34) и Майкл Герцфельд (р. 66–77) в своих текстах разбирают его вклад в изучение этничности, при этом опираясь как на работу 1969 г., так и на последующие издания Фредрика Барта.

Вторая часть книги посвящена непосредственно этничности. Приводя в пример свой опыт из разных стран и различных групп, ученые показывают, каким образом работа Фредрика Барта повлияла на их теоретический и аналитический подход. Ульф Ганнерц (р. 43–52) делится историей своих исследований в афроамериканских районах городов США и в Нигерии, которые проводились в период издания EGB. Ганнерц подчеркивает следующее: несмотря на то, что тема этничности повсеместно набирала популярность, именно Барт сформулировал основные концепты, чем позволил глубже ее изучить, в том числе иначе взглянуть на уже проделанную самим Ганнерцем работу. Джереми МакКленси (р. 93–108) показывает интернет-группы, созданные Великобританскими экспатами, живущими в Испании, которых взволновал Брексит и их изменившееся положение в связи с ним. В своем тексте он сосредотачивается на методах цифровой этнографии и на том, как технологии влияют на понимание этничности. Отмечу также, что МакКленси не ссылается в своем тексте на Барта, упоминая его лишь в самом конце, можно сказать, «ради галочки».

Джудит Окели (р. 53–65) рассказывает о своем опыте исследования британских цыган, подробно описывает методологию сбора и анализа

данных, а также поясняет, какое влияние на нее имела работа Барта. Кэтрин Вердери (р. 35–42) рассказывает о своем опыте жизни в румынской деревне, где она изучала динамику отношений румын и немецкого меньшинства после Второй мировой войны. Также она показывает, какое влияние EGB имела на ее собственные исследования, рассказывает о своей встрече с советской теорией этноса и размышляет о роли идеологии в науке. Продолжая эту тему, Валерий Тишков (р. 78–92) рассматривает теорию Барта в сравнении с теорией этноса Бромлея и прослеживает общую динамику развития теории этничности в СССР и Российской Федерации. Теория этноса основывается на эссенциализме и примордиализме, она широко использовалась политиками на протяжении всего XX столетия в СССР для обоснования своих геополитических решений. В конце статьи В. Тишков упоминает этногенетическую теорию, которая пришла в антропологию из биологии. Автор отмечает, что эта теория, основывающаяся на генетике и примордиалистском понимании этничности, к сожалению, становится довольно популярной в Российской Федерации.

Последняя часть сборника имеет теоретическую направленность. Стивен Вертовец (р. 109–117) и Роджер Брубейкер (р. 152–168) в своих текстах обращают внимание на отдельные части теории этнических границ: на вопросы исследования различных типов социальных организаций и на вопросы «культурного инвентаря» религии и языка в изучении социальных групп.

Не обошлось и без критики, фокусирующейся на некоторой ограниченности концептов Барта. Пнина Вербнер (р. 118–132) считает, что границы, по своей сути, гораздо адаптивнее и изменчивее, чем предполагал Барт. Свою критику она основывает на исследованиях диаспор Британии, предлагая внести в теорию границ ситуативность идентификации и динамичность этих границ. Томас Эриксен (р. 133–151) представляет читателю ситуацию на островах Центральной Америки, где он исследует креольскую идентичность и ее отличия от других этнических групп, проживающих на этих островах – индусов, китайцев и арабов. Опираясь на свою полевую практику, Эриксен вступает в заочную теоретическую дискуссию с Бартом, представляя креолов как группу с открытой идентичностью, т.е. нарушающую изначальный концепт границ Барта.

Марек Якоубек (р. 169–186), в свою очередь, резко осуждает не столько Фредрика Барта как такового, но отношение социальных теоретиков к вопросам этничности как к предмету анализа. Якоубек приводит примеры работ, которые делают противоположные утверждения, однако в ходе аргументации ссылаются на Барта. Описывая различные подходы исследователей к изучению этничности, автор приходит к выводу, что этничность является скорее аналитической категорией, ин-

струментом, чем явлением в мире, предметом изучения. То есть различные теории, используя различные концептуализации (впрочем, одинаково поименованные словом «этничность»), отвечают на разные вопросы и так приходят к диаметрально противоположным ответам. Сборник заканчивается статьей в стиле интервью Марека Якоубека и Ленки Будиловой с Гуннаром Гааландом (р. 187–211), одним из авторов публикации 1969 г. В этом тексте-диалоге авторы беседуют о теоретических подходах к этничности до и после издания EGB, а также о научной карьере Гааланда.

В целом в сборнике представлено множество взглядов на этничность и способы ее изучения. Мы видим, что теория, представленная Бартом и его коллегами в 1969 году, не стоит на месте и до сих пор является живой частью антропологического дискурса. Часть авторов использовали этот сборник как возможность для рефлексии над собственными работами. Кроме того, в сборнике можно найти обширную информацию о Фредрике Барте как о ведущем представителе теоретической мысли. В этом смысле книга может послужить отличным материалом для изучения теории этничности во второй половине XX столетия.

Авторы работали на фундаменте, заложенном пятьдесят лет назад, но сумели показать прогресс, которого добились благодаря собственному критическому взгляду.

Литература

Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей. М.: Новое издательство, 2006 [1969].

Наталья Андреевна Трушина
Институт этнологии Карлова университета

Рецензия поступила в редакцию 23 октября 2020 г.

Trusina Natalia A., Charles University, Institute of Ethnology (Prague, Czech Republic).
E-mail: trushina.nataly@gmail.com

Death of the Author and the Legacy of Fredrik Barth

Review of Thomas Hylland Eriksen and Marek Jakoubek (eds.) *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*. Routledge, Oxon, 2019. 219 p. ISBN: 978-1-138-61765-0
DOI: 10.17223/2312461X/33/9

References

Barth F. (ed.) *Etnicheskie grupy i socialnie granici. Socialnaja organizacija kul'turnykh razlichij. Sbornik statej* [Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006 [1969]. (in Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АТАНОВА Снежанна Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, г. Москва (Россия)

E-mail: snej.atanova@gmail.com

БАЛИНОВА Наталья Валерьевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова, г. Москва (Россия)

E-mail: balinovs@mail.ru

БАСОВ Александр Сергеевич – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

E-mail: a.basov@iea.ras.ru

ВЕСЕЛОВСКАЯ Елизавета Валентиновна – доктор исторических наук, доцент, руководитель Лаборатории антропологической реконструкции, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой антропологии и этнологии, факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия)

E-mail: snori76@mail.ru

КАРТРАЙТ Кэролайн Р. – PhD, научный сотрудник Отдела научных исследований, Британский музей, г. Лондон (Великобритания)

E-mail: ccartwright@britishmuseum.org

КОВАЛЬСКИЙ Святослав Олегович – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

КОНЕВ Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень (Россия)

E-mail: aldimoks@mail.ru

КОНЕВА Оксана Васильевна – главный специалист Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области, г. Тюмень (Россия)

E-mail: konevaov@72to.ru

МАКАРОВ Николай Поликарпович – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея, г. Красноярск (Россия)

E-mail: mnp@kkkm.ru

ПАНКОВА Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, лаборатория междисциплинарных археологических исследований «Артефакт», Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск (Россия); старший научный сотрудник, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург (Россия)

E-mail: svpankova@gmail.com

РАССКАЗОВА Анна Владимировна – младший научный сотрудник, Лаборатория антропологической реконструкции, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru

СИМПСОН Сент-Джон – DPhil, помощник хранителя, старший куратор Отдела Ближнего Востока, Британский музей, г. Лондон (Великобритания)

E-mail: ssimpson@britishmuseum.org

СЛЮСАРЕНКО Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия)

E-mail: slig1963@yandex.ru

СПИЦЫНА Наиля Хаджиевна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия)

E-mail: naila.47@mail.ru

ТРУШИНА Наталья Андреевна – докторант Института этнологии Карлова университета, г. Прага (Чешская Республика)

E-mail: trushina.nataly@gmail.com

ШИРИН Юрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, Новокузнецкий филиал-институт Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк (Россия)

E-mail: shirin_a@mail.ru

ШИРОБОКОВ Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия)

E-mail: ivansmith@bk.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (**обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!**);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Rotapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (*please note that **the author's last name is to be given on the title page only**. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

- Academic degree, academic title;
- Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;
- E-mail;
- Postal address;
- Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

- Title of paper in both Russian and English;
- Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);
- Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. *Siberian life* 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Dieckhoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // *Ethnographical Review* online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2021. № 3

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид, А.А. Цыганкова
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.В. Хлыновская-Рокхилл

Подписано в печать 30.09.2021 г.
Формат 70х108¹/₁₆. Печ. л. 13,2. Усл. печ. л. 27,2. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4800. Цена свободная.

Дата выхода в свет 08.10.2021 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru